

ВСТ

ВЕЛИКИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ
НАШЕГО СОАВТОРА
НАТАЛИИ ПАНИНОЙ
ПОСВЯЩАЕМ ЭТУ КНИГУ

ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК УКРАИНЫ
ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

НАЦИОНАЛЬНО- ГРАЖДАНСКИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ

ОПЫТ РОССИИ И УКРАИНЫ В ПЕРИОД ТРАНСФОРМАЦИИ

*Под редакцией
Леонаиды Дробижевой,
Евгения Головахи*

Киев
2007

ББК 60.5
Н 35

Н 35 Национально-гражданские идентичности и толерантность. Опыт России и Украины в период трансформации / Под редакцией Л. Дробизжевой, Е. Головахи. – К. Институт социологии НАН Украины; Институт социологии РАН, 2007. – 280 с.

ISBN 978-966-02-4545-7

Современный демократический путь развития постсоветских государств предполагает построение структур гражданского общества, неконфликтное сочетание гражданской и этнонациональной идентичностей. В книге представлено одно из первых исследований, где изучаются причинно-следственные связи между формированием новых идентичностей и толерантности, роли элит, СМИ и государства в этих процессах. Основное внимание в книге российских и украинских социологов уделено сравнительному анализу ценностей, символов и установок, на основе которых формируются новые национально-гражданские идентичности и особенности проявления межэтнической, социальной толерантности в России и Украине.

Для социологов, психологов, специалистов в области политических наук, аспирантов и студентов социогуманитарных вузов.

National-Civil Identities and Tolerance. Experience of Russia and Ukraine in the Transformation Period / Ed. by Leokadia Drobizheva, Evgeniy Golovakha. – Kiev: Institute of Sociology, NAS of Ukraine; Moscow: Institute of Sociology, RAS, 2007. – 280 p.

Contemporary democratic development of a state embarks on launching and strengthening of civil society structures and stands for multiculturalism and balanced nonviolent combination of civil and ethno-national identities. Population of Russia and Ukraine, as residents of multinational countries, has traditionally strong state and ethnic identifications. Social transformations of the last 15 years stipulated further shaping of civil structures and civil consciousness. This book presents Russian and Ukrainian sociologists' vision of emerging values and symbols which yield new civil consciousness of Ukrainians and Russians. It also focuses upon analysis of solidarities, both ethnic and civil, making up powerful potential of public consolidation, and looks into ways of civil and ethno-national identities interactions.

ББК 60.5

*Рекомендовано к печати решением Ученого совета Института социологии НАНУ.
Протокол № 4 от 25 сентября 2007 года*

Научные рецензенты:

Е.Г. Злобина, доктор социологических наук
В.П. Степаненко, кандидат философских наук

Проект “Национально-гражданская идентичность и толерантность в России и Украине: сравнительный анализ” выполнен при поддержке Российского гуманитарного научного Фонда и Национальной академии наук Украины

ISBN 978-966-02-4545-7

© Институт социологии НАНУ, 2007
© Институт социологии РАН, 2007
© Дизайн серийной обложки –
И.Иващенко, 2006

Предисловие

Леокадия Дробижева, Евгений Головаха 9

1 Формирование национально-гражданской идентичности россиян

- 1.1. Методологический подход: динамика в понимании и научных концепциях
Леокадия Дробижева 15
- 1.2. Идеология российской идентичности в дискурсе президентских выступлений с начала XXI в.
Екатерина Арутюнова 20
- 1.3. Изменения в массовом сознании
Леокадия Дробижева, Елена Щеголькова 29

2 Идентичности и межэтническая толерантность

- 2.1. Национальная толерантность и идентичность в Украине
Евгений Головаха, Наталья Панина 43
- 2.2. Исторический дискурс и национальное прошлое в официальных речах Президентов Украины и России
Виктория Середа 69

3 Тренды идентичностей в поколенческой среде

- 3.1. Коллективные идентификации украинцев в возрастной перспективе
Екатерина Иващенко 97
- 3.2. Идентичность и толерантность в студенческой среде московских гуманитарных ВУЗов
Екатерина Арутюнова 104

4 Национально-гражданская и этническая идентичность

- 4.1. Возможность совместимости гражданской и этнической идентичности: пример российских республик
Леокадия Дробижева 115
- 4.2. Опыт сравнительного анализа национально-групповой идентификации украинцев и русских в Украине
Александр Стегний 128

5	Проблемы толерантности и идентичности в условиях нового миграционного притока	
	5.1. Вариативность идентификаций мигрантов в российских локальных социумах <i>Игорь Кузнецов</i>	143
	5.2. Особенности ситуации межэтнического взаимодействия в Москве <i>Юрий Арутюнян, Леокадия Дробижнева, Игорь Кузнецов</i> . . .	159
	5.3. Профессиональная идентичность современной российской милиции и толерантность <i>Ольга Щедрина</i>	167
	5.4. “Профессия сильного человека” в период перемен: парадоксы современной идентичности украинской милиции <i>Екатерина Иващенко</i>	186
6	Идентификация граждан России со своей страной: сравнение с другими государствами	
	<i>Ася Магун, Владимир Магун</i>	202
7	Религия и межэтническая толерантность	
	7.1. Влияние религиозной и конфессиональной идентичности на этнонациональную толерантность/интолерантность (украинский контекст) <i>Людмила Рязанова</i>	241
	7.2. Поиски оптимальной презентации православной компоненты в современном среднем российском образовании <i>Светлана Рыжова</i>	252

Introduction

Leokadia Drobizheva, Evgeniy Golovakha 9

1 Russians' National-Civil Identity Shaping

1.1. Methodological Approach: dynamics in the Understanding and Scientific Concepts

Leokadia Drobizheva. 15

1.2. Ideology of Russian Identity in the Discourse of Presidential Speeches since the Beginning of the XXI Century

Ekaterina Arutiunova 20

1.3. Changes in Mass Consciousness

Leokadia Drobizheva, Elena Schegolkova 29

2 Identities and Inter-Ethnic Tolerance

2.1. National Tolerance and Identity in Ukraine

Evgeniy Golovakha, Natalia Panina 43

2.2. Historical Discourse and the National Past in Official Speeches of the Presidents of Ukraine and Russia

Viktoria Sereda 69

3 Trends in Inter-Generational Identities

3.1. Collective Identifications of Ukrainians: Age Perspective

Ekaterina Ivaschenko 97

3.2. Identity and Tolerance among Moscow Arts Students

Ekaterina Arutiunova. 104

4 National-Civil and Ethnic Identity

4.1. Possibility of Compatibility of Civil and Ethnic Identities: the Example of Russian Republics

Leokadia Drobizheva 115

4.2. Comparative Analysis of the National Group Identifications of Ukrainians and Russians in Ukraine

Aleksandr Stegnyy. 128

5	Problems of Tolerance and Identity in the Context of the New Migratory Inflow	
	5.1. Variations of Migrants Identifications in Russian Local Societies <i>Igor Kuznetsov</i>	143
	5.2. Peculiarities of the Inter-Ethnic Interaction in Moscow <i>Yuriy Arutiunyan, Leokadia Drobizheva, Igor Kuznetsov</i>	159
	5.3. Professional Identity of Contemporary Russian Militia and Tolerance <i>Olga Schedrina</i>	167
	5.4. “Strong Man Job” in the Period of Transition: Paradoxes of the Modern Ukrainian Militia Identity <i>Ekaterina Ivaschenko</i>	186
6	Identification of Citizens of Russia with Their Country: Comparisons with Other States	
	<i>Asia Magun, Vladimir Magun</i>	202
7	Religion and Inter-Ethnic Tolerance	
	7.1. Influence of Regional and Confessional Identities on Ethno-National Tolerance and Intolerance (Ukrainian Context) <i>Liudmila Riazanova</i>	241
	7.2. Searching Optimal Presentation of Orthodox Component in Up-to-Date Secondary Education in Russia <i>Svetlana Ryzhova</i>	252

Национально-гражданские идентичности и толерантность в России и Украине

В последние годы наблюдается существенный рост общественного внимания к тематике национальной толерантности в связи с процессом смены идентичностей в постсоветском обществе. Актуализация этих проблем обусловлена усиливающимися межэтническими противоречиями и сохраняющейся социальной дезориентацией людей в условиях ценностно-нормативной неопределенности и аномической деморализованности значительной части населения постсоветских государств. Разрушение традиционных идентичностей в постсоветском социальном пространстве и проявление нетолерантного отношения к представителям различных социальных и этнических групп — это проблемы, от решения которых во многом зависит реализация декларативных целей реформирования экономики и демократического преобразования постсоветских обществ.

В своем интересе к проблемам формирования социальных идентичностей и межгрупповой толерантности социологи постсоветского мира не одиноки. Постоянно нарастающий в западной социальной науке интерес к проблеме формирования социальных идентичностей нередко воспринимается как очередное проявление феномена моды, актуального не только для производителей и потребителей материальных благ, но и для тех, кто производит продукты духовного потребления, определяя “дух эпохи”, ее важнейшие ценностно-интеллектуальные ориентиры.

Чтобы ответить на вопрос, почему одна из рядовых категорий социального познания, имеющая, к тому же, достаточно шаткое теоретическое основание, изначально связанное с психоаналитической традицией интерпретации социальных феноменов, приобрела доминирующие позиции в современной науке о человеке и обществе, необходимо прежде всего согласиться с тем, что современное общество — это пространство постоянно изменяющихся идентичностей. И если в недавнем прошлом смена идентичности предполагала маргинализацию, то в сегодняшнем мире риску оказаться маргиналами более подвержены именно те, кто сохраняет идентичность вопреки изменению объективной социальной ситуации и не способен принять новые социальные реалии. Еще в 70-е годы прошлого столетия Юрген Хабермас утверждал, что новому обществу, преодолевающему границы отдельных государств, понадобится новая социальная идентичность, что неизбежно повлечет пересмотр многих устоявшихся принципов и механизмов социальной идентификации [1, с. 48–58]. И действительно, к концу XX века развал коммунистической системы, процессы глобализации и европейской интеграции оказались мощным фактором стремительного разрушения старых и формирования новых социальных идентичностей. А поскольку в новых условиях устоявшиеся со-

циальные связи рушились со скоростью, явно превосходящей адаптивные возможности людей, новые идентичности приобретали непредсказуемый и порой весьма причудливый характер. Отсюда и всплеск научного интереса к их объяснению и социальной интерпретации. По мнению Зигмунда Баумана, “никакой иной аспект нашей жизни не привлекает сейчас такого внимания философов, социологов и психологов... впечатляющее возрастание интереса к “обсуждению идентичностей” может сказать больше о нынешнем состоянии человеческого общества, чем известные концептуальные и аналитические результаты его осмысления” [2, с. 176–177].

В этом провокационном высказывании одного из наиболее ярких представителей постмодернистской социологии содержится весьма скептическая оценка способности исследователей и аналитиков предложить что-либо более интересное для объяснения новых социальных идентичностей, чем интенсивные обсуждения этой проблемы. И все же, результаты осмысления этой проблемы в работах российских и украинских социологов заслуживают внимания не только как предмет праздного обсуждения. В указанных работах сквозь призму смены идентификационных практик показаны особенности современных социальных изменений, определены факторы и механизмы перехода от “советских” социальных идентичностей к современному состоянию и перспективе формирования демократических национально-гражданских и социокультурных идентичностей [3–15].

Ряд работ социологов России и Украины посвящен толерантности — и как самостоятельному предмету исследования, и в связи с разрушением старых и формированием новых идентичностей. В Украине в 90-е годы прошлого века был начат и продолжает осуществляться социологический мониторинг межэтнической толерантности [16; 17]. В России проблематика толерантности исследуется в общетеоретическом и эмпирическом аспектах [18–26]. Результаты этих исследований обнаруживают отдельные закономерности и тенденции проявления феномена толерантности в постсоветском социальном пространстве, раскрывают причины межгрупповой нетерпимости, среди которых важное место занимает фактор национальной идентичности. Но чтобы глубже понять и объяснить современные процессы формирования новых идентичностей, их влияние на проявления толерантности в России и Украине, необходимы сравнительные исследования, позволяющие выделить общие и особенные характеристики изучаемых социальных феноменов.

Одной из первых попыток осуществить такого рода социологическое исследование является совместный проект Институты социологии НАНУ и РАН — “Национально-гражданская идентичность и толерантность в России и Украине: сравнительный анализ”, по результатам которого подготовлена данная книга.

Начиная проект, мы понимали, что социальные науки испытывают очевидные сложности при осмыслении реакции постсоветских обществ на процессы трансформационной динамики. Потребность ответить на вопросы “кто мы?”, “каково наше отношение к историческому прошлому, настоящему и будущему?” — стимулирует к изучению гражданской идентичности как важного пути к интеграции социально и этнически дифференцированного общества в каждом государстве. В исследовании национально-гражданских идентичностей мы пытались рассмотреть общие для стран пробле-

мы — изживание негативных сторон советского прошлого, адаптацию к глобализационным процессам, своеобразие глокализации в каждом из государств и в их регионах, преодоление традиционалистских установок и факторов, стимулирующих модернизационные ориентации, значимость официальных и альтернативных идеологем, формирующих массовое сознание.

В то же время мы не могли обойти вниманием очевидные своеобразия формирования современной национально-гражданской идентичности в каждой из наших стран, связанные с унитарным устройством государства в Украине и федеративным в России, с трансформацией идентичности граждан СССР в новую российскую идентичность и идентичность независимой Украины, по-разному желаемых в разных политических ориентированных социальных, этнических, региональных, демографических группах. Идентичность, представления и чувства у народа страны, потерявшей привычные территориальные очертания и статус в мир-системе, и народа, приобретшего независимость и ощущение нового статуса в мировом сообществе, не могут не отличаться. Начав процесс демократизации в СССР, русские как представители большинства в стране переживали трансформационные политические и социально-экономические процессы в условиях кризисных явлений в идентичности. У этнических украинцев сложности трансформации смягчались в политико-психологическом пространстве надеждами на преимущества вхождения в европейское сообщество и стремлением к этому.

Сравнительное исследование национально-гражданских идентичностей было интересным еще и потому, что позволило нам расширить понимание того, насколько проникающие повсеместно процессы глобализации приобретают своеобразные формы; как культура, историческое прошлое и новое настоящее влияют на неповторимость рисунков *глокальности* в рамках государств и локальностей внутри их, почему травматическая трансформация (Дж.Александр, Дж.Тернер, П.Штомпка) по-разному переживается социумами, которые относят, по преимуществу, к одной цивилизации (С.Хантингтон), какие культурные коды, символы, смыслы, дискурсы, моральные универсалии определяют то многообразие жизненного мира, в котором, с одной стороны, происходит индивидуализация идентичности (З.Бауман), а с другой — становятся важными большие воображаемые (с точки зрения представлений людей) сообщества — политические нации, этнические общности.

Предметом исследования в реализованном проекте являлись национально-гражданские идентичности в России и Украине. Мы не случайно вводим именно это определение идентичности. Известно, что в англоязычной литературе понятие нации используется в значении политической нации. В российской и советской литературе под нацией понималась этнокультурная общность, и только в последнее время в официальном дискурсе и научных работах этот термин — новый в России и Украине — подается в значении политической нации. Но при этом ставится вопрос, обсуждаемый и на страницах этой книги (гл. 1) — как соотносятся государственная и гражданская идентичности.

В украинской научной литературе и повседневной практике понятие “нация” тоже нередко используется в двойном значении — и как политическая, и как этнокультурная общность. Все это побудило нас использовать понятие *национально-гражданская идентичность*, которая включает не только

лояльность государству, но и отождествление с гражданами страны, представление об этом сообществе, ответственность за судьбу государства и чувства, переживаемые людьми (гордость, обиды, разочарования, пессимизм или энтузиазм)¹.

Национально-гражданская идентичность удерживает в своих пластах не только политические, но и историко-культурные константы. Изменения в обществе в той или иной мере находят в них свое отражение. Поэтому по изменениям в идентичности судят о направлениях в развитии обществ. В то же время меняющаяся идентичность способствует ориентации и мобилизации людей, становится социальным ресурсом.

Сравнительное исследование помогло нам (и, надеемся, поможет читателям) увидеть то, что не всегда очевидно при взгляде изнутри. Объектом исследования были граждане Украины и России. Основные этнические группы в Украине — украинцы и русские, в России — русские, татары, якуты, живущие в российских республиках; по возможности, в случае сопоставимости данных, привлекались материалы социологических опросов относительно украинцев, осетин, азербайджанцев и других национальностей.

Поскольку нас интересовал уровень толерантности, привлекались материалы об отношении к этническим группам, в той или иной ситуации попавшим в образ врага. Ученые, изучающие мир-систему (М.Уотерс, З.Бауман, М.Кастельс и др.) полагают, что государства и этничность в условиях глобализации становятся менее значимыми, однако Россия и Украина переживают этап трансформации, при котором роль государства велика. Как сочетаются эти противоречивые тенденции? Проект направлен на выявление факторов, приводивших к возникновению социальных противоречий между новыми и старыми идентичностями, к формированию нетолерантности как внутри разных социальных групп, так и в межгрупповых и межличностных взаимодействиях. Что в этих условиях может интегрировать общество, мобилизовать старые и новые солидарности, каковы механизмы солидаризации — вот проблемное поле, которое предстояло изучать в ходе реализации проекта.

Задача в рамках проблемы, на решение которой направлено исследование, — определение общенациональных ценностей, интересов и символов гражданской солидарности, способных интегрировать общество в условиях актуализации этнического, регионального и религиозного самосознания при усложнении межгрупповых отношений.

Это одно из первых исследований, где сравнительно изучаются причинно-следственные связи между формированием новых идентичностей и идеологией и практикой межэтнической, социальной толерантности, роли элит, прессы и государства в этих процессах.

Исследование имело методическую специфику. У нас не было возможности провести строго сопоставимое сравнительное исследование с единой выборкой и одним опросным инструментарием. Но в силу сходства методологических подходов, определения предмета и объекта исследования, прин-

¹ Так же как при этнической локальной, социально-профессиональной идентичности, в ней присутствуют когнитивные, эмоциональные и регулятивные элементы как готовность действовать во имя представлений и переживаний.

ципов отбора выборочных совокупностей и, в ряде случаев, использования сопоставимых индикаторов для изучаемых явлений и процессов (идентификаций, установок на толерантность — нетолерантность, сопричастности к сообществам), а также участия исследовательских команд в международных исследованиях со сходной методикой изучаемых явлений, мы имели возможность в ряде случаев провести корректные сопоставления. Методы социологического подхода включали в себя: мониторинговые опросы в каждой из стран, качественные методы сбора первичной социологической информации (проведение полуструктурированных глубинных интервью с экспертами, фокусированные интервью, дискурс-анализ прессы, анализ ранее проведенных массовых социологических исследований). В каждой из глав приведены данные об эмпирической базе и ее представительности.

Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе определялась методология и методы исследования, анализировались имеющиеся эмпирические данные по проблеме, были проведены конференции в Киеве и в Москве, на которых обсуждались собранные данные по проблеме и структуре подачи материала. На втором этапе проводился сбор эмпирических данных, их анализ и обобщение.

Логически книга построена так, что сначала в ней освещаются общие процессы в трансформации национально-гражданских идентичностей и толерантности по странам, затем фиксируются поколенческие особенности и соотношение гражданских, этнических и религиозных идентичностей, и, наконец, рассматривается возможность соотнесенности этих идентичностей с тем, как они представлены в мировом пространстве. Последняя глава посвящена задачам межэтнического взаимопонимания, усложненным новыми миграционными потоками.

Литература

1. *Хабермас Ю.* В поисках национальной идентичности. Философские и политические статьи. — Донецк: Донбасс, 1999.
2. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. — М.: Логос, 2002.
3. *Ядов В.А.* Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. — 1994. — № 1. — С. 35–52.
4. *Шульга Н.А.* Этническая самоидентификация личности. — К.: Ин-т социологии НАНУ, 1996.
5. *Макеев С.А., Оксамитная С.Н., Швачко Е.В.* Социальные идентификации и идентичности. — К.: Ин-т социологии НАНУ, 1996.
6. Соціокультурні ідентичності та практики / Відп. ред. А.О. Ручка. — К.: Ін-т соціології НАНУ, 2002.
7. *Резнік О.С.* Політична самоідентифікація за умов становлення громадянського суспільства. — К.: Ін-т соціології НАНУ, 2003.
8. *Дробижева Л.М.* Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. — М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003.
9. *Попова О.В.* Политическая идентификация в условиях трансформации общества. — СПб: Из-во С.-Петербург. гос. ун-та, 2003.

10. Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. — М.: Новое литературное обозрение, 2004.
11. Процессы идентификации российских граждан в социальном пространстве “своих” и “несвоих” групп и сообществ. — М.: Аспект Пресс, 2004.
12. Данилова Е.Н. Через призму социальных идентификаций // Россия реформирующаяся. — М.: Ин-т социологии РАН, 2004. — С. 220–244.
13. Процессы идентификации российских граждан в социальном пространстве “своих” и “несвоих” групп и сообществ (1999–2002 гг.): Мастер-класс профессора В.А.Ядова. Методологический практикум для студентов-социологов. — М.: Аспект Пресс, 2004.
14. Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа / Отв. ред. М.К.Горшков, Н.Е.Тихонова. — М.: Наука, 2005.
15. Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. ред. В.С.Магун. — М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2006.
16. Golovakha E., Panina N. Inter-Ethnic Relations and Ethnic Tolerance in Ukraine // Jews and Jewish Topics in the Soviet Union and Eastern Europe. — 1991. — Vol. 14. — P. 27–30.
17. Панина Н. О применении шкалы социальной дистанции в исследованиях национальной толерантности в Украине // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2003. — № 3. — С. 21–43.
18. Толерантность и согласие. — М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1997.
19. Нетерпимость в России: старые и новые фобии / Под ред. Г.Витковской, А.Малашенко. — М.: Моск. Центр Карнеги, 1999.
20. Толерантность / Под. ред. М.Б.Хомякова. — Екатеринбург: УрГУ, 2001. — Т. 1; 2.
21. Козырева П.М. Толерантность и динамика социального самочувствия в современном российском обществе. — М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2002.
22. Идентичность и толерантность / Под ред. Н.М.Лебедевой. — М.: ИЭМ РАН, 2002.
23. Денисовский Г.М., Козырева П.М. Политическая толерантность в реформируемом российском обществе второй половины 90-х годов. — М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2002.
24. Магун В.С., Жамкочьян М.С., Магура М.М. Вопросник для измерения толерантности личности // Практикум по психодиагностике и исследованию толерантности личности / Под ред. Г.У.Солдатовой, Л.А.Шайгеровой. — М.: МГУ им. М.В.Ломоносова, 2003. — С. 34–40.
25. Социология межэтнической толерантности / Под ред. Л.М.Дробижевой. — М.: Ин-т социологии РАН, 2003.
26. Хомяков М.Б. Идентичность, толерантность и идея гражданства // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. ред. В.С.Магун. — М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2006. — С. 30–56.

1.1. Методологический подход: динамика в понимании и научных концепциях

Леокадия Дробижева

Тема идентичностей — одна из наиболее чутко реагирующих на политические перемены в стране и в мире в целом. Каждый раз с изменением политической ситуации, исходя из теории символического интеракционизма, теории ролей, социальной категоризации, выбираются концепты, которые интерпретаторам — политикам или политологам — кажутся наиболее приемлемыми для их проектов. Не является исключением и проблема взаимодействия и акцентации государственной, гражданской и этнической идентичности.

Этнические вызовы конца 1980-х — 1990-х годов ушедшего столетия стимулировали внимание к причинам роста этнической идентичности, ее содержанию и типам (норма, этноцентризм, этнодоминирование, этнофанатизм, этнонигилизм, амбивалентность). В тот период важно было показать, что рост этничности, самосознания у национальностей имеет объективные и субъективные причины, что позитивная идентичность не представляет опасности для общества, а угрозы исходят от гипертрофирования этнической идентичности, нацизма и надо искать их причины.

В 1970-е — в начале 1980-х годов в научном мире главным образом обсуждались содержание понятия “национальное (в значении этнонациональное) самосознание” и его структура. В.Козлов в период дискуссии о понятии нации в журнале “Вопросы истории”, отстаивающий идею о национальном самосознании как признаке нации, понимал под ним отождествление людей, принятие принадлежности к данному сообществу (феномену). Ю.Бромлей ввел узкое и широкое понимание обсуждаемого термина. В узком значении слова он считал возможным понимать под этническим или этнонациональным самосознанием отнесение человеком себя к тому или иному народу, а в широком значении понималось не только самоотнесение к национальности, но и представление о ней (автостереотипы), ее

языке, культуре, истории, территории и государственности, если таковая была [1; 2].

Этносоциологи, изучая этническое самосознание, операционально выделяя его элементы, на основании широкого бромлеевского понимания включали в него также интересы, осознаваемые личностью, группой как этнические, национальные (в значении национальности). Посылком для такого понимания были выводы психологов, которые выделяли в самосознании три группы элементов — когнитивные, эмоциональные и регулятивные. Регулятивные элементы, приводящие к действиям в связи с самосознанием, как раз и не могут функционировать, если личность не осознает некоторых интересов, ассоциирующихся со своей личной идентичностью или идентичностью того народа, к которому она себя относит [3].

События конца 1980-х и начала 1990-х годов на советском, а впоследствии и на постсоветском пространстве существенно изменили концептуальные подходы к пониманию этничности и ракурс интереса. Этническое самосознание чаще стали называть идентичностью, как на Западе, хотя социальные психологи видят некоторое различие между этими понятиями (С.Рыжова, Г.Солдатова), акцентируя в идентичности культурно-психологические составляющие, а в самосознании — еще и социально-политическую.

По-другому исследователи начали оценивать роль самосознания в связи с распространением конструктивистских подходов к этничности. Представления о своей национальности при этом подходе, также как этническая солидарность, без чего невозможна общность, как раз и являются ее “соединительной тканью”. Таким образом, в рассмотрении этничности роль самосознания, идентичности существенно возросла [4, с. 9–10], став предметом рассмотрения как индикатор межэтнической напряженности. Внимание к ее содержательному наполнению и интенсивности выросло, поскольку связывалось с распространением идей национализма в значении приоритета интересов народа по отношению к интересам личности и стремления к максимально возможной самостоятельности (сепаратизм, сецессия).

В стремлении к снижению актуализации этничности ряд российских ученых и, прежде всего, В.Тишков стали акцентировать идею дрейфа идентичности, в том числе — и даже прежде всего — этнической идентичности и переключения внимания населения с этнической идентичности на осознание государственной — российской идентичности, подчеркивая значение именно общегосударственной идентичности и необходимость активных усилий по ее формированию.

В начале XXI века, когда актуальная опасность сецессии (выхода каких-то территорий из состава государства) миновала, а сепаратизм в целом стране (не считая некоторых районов Северного Кавказа) не

грозил, возникли другие проблемы — борьбы с проявлениями терроризма, с ростом ксенофобий и экстремизма. В этих новых условиях востребованными оказались гражданская идентичность, гражданское сознание и поведение.

Здесь важно обратить внимание на разное значение одних и тех же терминов и понятий. Во Франции, Великобритании, США, Швейцарии рождение политической нации связано с идеями демократии, суверенитета самоуправляющегося народа. Американская исследовательница Лия Гринфельд в часто цитируемой книге “Национализм: пять путей к современному обществу” [5] характеризует суверенность нации как независимость, самоуправляемость общности, которая выводит свою свободу из свободы и достоинства личности (французские просветители требовали от монархии передачи суверенитета народу). Достоинство и свобода воплощаются в политических институтах. Э.Паин, иллюстрируя этот подход, приводит определение Р.Эмерсона: “Нация (общество) стремится овладеть государством как политическим институтом, с помощью которого она может защитить и утвердить себя” [6; цит. по: [8, с. 64–65]. По сути, это тип государств с либеральной демократией, где государство — для народа, поэтому государственная идентичность практически совпадает с гражданской.

Иная традиция складывалась в России. Государство и в дореволюционной России, и в Советском Союзе характеризовалось высоким уровнем централизации и иерархизации власти и населения (в сравнении с конституционными, а позже и с демократическими государствами), не дававшими возможности самоорганизации общества, противопоставлявшем принцип гражданства принципу подданничества власти¹.

В силу сложившегося исторического шлейфа восприятий и представлений в России принципиально важно различать государственное и гражданское самосознание. И в этом — отличие российской ситуации от французской или ситуации в США, Швейцарии, где формирование политической нации-государства связано со становлением самоуправляющегося народа. Там государственная и гражданская идентичности сложились как эквивалентные равнозначные понятия, а у нас они не могут не различаться. Государственная — российская — идентичность, за которую давно активно ратует известный российский ученый В.Тишков, складывается значительно проще и поэтому быстрее, чем гражданское самосознание россиян. Первая формирует-

¹ Историки, на современном уровне разрабатывающие проект “империя”, обращают наше внимание на то, что империя отличается не только захватом и удержанием территорий, но также автократией, утверждением принципа подданничества.

ся политической волей лидера, политической элитой, политическими антрепренерами, посылающими идеи, интерпретирующие государственность, державность. Имея в руках СМИ, возможность влиять на образовательную систему, изобретение и внедрение символов и знаков, сделать это возможно в исторически короткие сроки (особенно если не пренебрегать этническими чувствами в полиэтнической стране, учитывать политические настроения при выборе флага, гимна, герба, формы воинских соединений и т.п.). В 1992 году в ходе опросов москвичей — столичных жителей не более пятой идентифицировали себя как россияне², но уже в начале XXI века даже в ряде самых отдаленных районов 80% населения имели такую государственную идентичность, а в целом по России до 65% населения (2006 год)³. Гораздо сложнее обстоит дело с формированием гражданского самосознания, которое связано с комплексом социально-психологических предпосылок в обществе, с заменой исторически сложившихся представлений у громадного большинства населения, переориентацией его с патерналистских настроений на деятельностьную самоорганизацию, солидаризацию вокруг ответственности за свою судьбу и жизнь окружающих. Различение государственного и гражданского сознания в России еще только начинается [7, с. 242].

Этнополитолог Э.Паин дискутирует с В.Тишковым по вопросу понимания нации в этой связи как “государственной общности”. Он считает, что назвать “российское согражданство нацией и приучить людей к употреблению такого термина” не решит еще проблемы формирования политической нации как гражданского общества, “овладевающей государством как своим орудием” (по Р.Эмерсону) [8, с. 65]. Это невозможно именно без гражданского (а не просто государственного) самосознания.

Специальные репрезентативные исследования, изучающие формирование гражданского самосознания, пока не проводились. Мы располагаем только материалами глубинных интервью с представителями элитных групп, в которых затрагивались проблемы государственного и гражданского сознания. Но то, что такое разделение уже начинает осознаться, мы можем фиксировать. Приведу выдержку из интервью Юрия Арабова — поэта, писателя, известного как соавтора режиссера А.Сокурова, единственного сценариста, получившего приз Каннского фестиваля за сценарий фильма “Молох”.

² Опросы проводились Отделом этносоциологии Института этнологии и антропологии РАН, руководитель исследования — Ю.Арутюнян.

³ Данные на 2006 год приведены по Российскому мониторингу экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ, RLMZ) Института социологии РАН.

“Современный мир бросает вызов России — вызов заключается в следующем: сумеет ли нация (ясно, что имеется в виду нация в западноевропейском понимании как гражданское сообщество) самоорганизоваться ... Что такое гражданин? Человек, который умеет отвечать за себя и своих близких, а уже потом он начинает отвечать за дела государства” [9, с. 14].

Представительные социологические опросы позволяют рассмотреть динамику множественных идентичностей, подвижность в их содержательном наполнении, а глубинные интервью помогают понять смысловое наполнение выборов и их значения. Поскольку в проведенных нами исследованиях в количественных измерениях фиксировалось государственное и этническое самосознание, мы остановимся прежде всего на их соотношении. При этом еще раз подчеркнем, что мы различаем государственное и гражданское самосознание, но также понимаем, что между ними нет пропасти, и даже в наших российских условиях они в чем-то пересекаются, особенно в условиях “демократического перехода”⁴.

Методологически можно выделить несколько подходов к исследованию идентичности, существующих в социологии и социальной психологии. Согласно когнитивистскому подходу, в основе идентичности лежит процесс социальной категоризации, структурирующий внешнюю социальную реальность и распределяющий социальные объекты и людей по группам или социальным категориям (Г.Тэшфел). Социальная категоризация и социальное сравнение, а также эмоциональные последствия данного сравнения формируют собственно социальную идентичность личности.

Мотивационный подход к исследованию идентичности предполагает, что в основе формирования идентичности лежат потребности человека и группы — в безопасности, сохранении достоинства, принадлежности, присоединенности, авторитете и др. Этот подход разрабатывается в русле психоаналитических (Э.Эриксон, Г.Либкайнд), подходов и гуманистической психологии (например, А.Маслоу, Г.Кантрилл). Плодотворным для нас является подход В.Ядова, согласно которому социальную идентичность и идентификационные побуждения следует рассматривать в русле концепций и теорий, наиболее адекватных анализируемой ситуации. При анализе символов гражданской и этнической идентичности и солидарности, стратегий идентификаций по критериям государственной принадлежности и

⁴ Многотысячные демонстрации 1990-х годов в поддержку демократизации, а также электоральные голосования свидетельствовали о пробуждении у людей ответственности за судьбу страны, своего народа.

гражданства наиболее плодотворными будут когнитивистский и деятельностный (Э.Гидденс, А.Леонтьев, П.Штомпка, В.Ядов) подходы к исследованию идентичности.

Для изучения социальной и культурной дистанции и уровня толерантности, помимо традиционно используемых работ (Г.Ховстед, Э.Богардус), мы адаптируем к российским условиям исследования М.Хардинга 1981 года, Т.Петтигрю по проблемам идентичности и межэтнических отношений, исследования на основе концепции символического интеракционизма, теории ролей (Х.Беккер и др.), теории множественной идентичности (И.Гофман, Х.Абельс). Мы используем также концепцию демократического транзита Ф.Шмиттера и А.Мельвиля, концепцию интегральной демократии Т.Сиска.

В наших исследованиях, на материалы которых мы опираемся, предпринята попытка в известной мере соединить социально-психологический и идеологический уровни изучения идентичности. Но в целом доминировал социологический ракурс. Начнем с идеологии. Роль ее подчеркивалась практически на первых этапах разработки проблем идентичности в мировой науке (Э.Эриксон, Э.Фромм и др.) и осознается в социально-политической практике.

1.2. Идеология российской идентичности в дискурсе президентских выступлений с начала XXI века

Екатерина Арутюнова

В российском обществе выступлениям главы государства всегда придавалось большое значение. Прерванная традиция царской России в иной ипостаси была продолжена в советское время в не менее доктринальной форме. Для большинства граждан новой России это еще не забытая традиция. Но особенность рубежа веков была в том, что свобода и переосмысление государственной идеологии в постсоветский период, в условиях глобализации привели к высокой атомизации в общественном сознании, на основе которой рождалась потребность в большей определенности и некоей структурализации идеологии со стороны первого лица в государстве.

В начале своего президентства В.Путин ввел в государственно-идеологический дискурс идеологему **“сильного государства”**. Тогда в нее вкладывались не только *“консолидированная и сильная государственная власть”* [10], но и такие важные смыслы, как демократия;

благополучие граждан; уважение к правам и свободам человека; государство как гарант соблюдения прав личности и стабильного общественного развития; декларировался принцип “государство для общества”: *“Наша важнейшая задача — научиться использовать инструменты государства для обеспечения свободы — свободы личности, свободы предпринимательства, свободы развития институтов гражданского общества”*, *“Мы привыкли смотреть на Россию как на систему органов власти или как на хозяйственный организм. Но Россия — это, прежде всего, люди, которые считают ее своим домом. Их благополучие и достойная жизнь — главная задача власти”* [11].

Наша история [с момента принятия Декларации о суверенитете России] — это история *“демократического государства, основанного на гражданских свободах и верховенстве закона. А его главный смысл — это успех, достаток и благополучие граждан”* [12].

С “сильным государством” в дискурсе государственной идеологии сопряжена идеологема **“сильной России”**: *“мы живем в одной сильной стране, в едином государстве Россия”* [13], ее Президент видит свободной, процветающей, богатой, сильной, цивилизованной страной, которой гордятся ее граждане и которую уважают в мире [14]. *“Государство должно служить обществу, служить людям. Должно работать на благополучие и успех каждого из его граждан”* [15]. Процветание России и благополучие граждан сохраняются в качестве идей, составляющих образ “сильной России”, и в последующем, на протяжении всего президентства Путина: *“Россия ... должна быть страной процветающей, где люди благополучно живут”* [16], но уже в 2002 году активно затрагивается тема места России в мировом сообществе и появляется новая идея — **конкурентоспособность** России, далее занимающая прочные позиции в комплексе идеологемы “сильная, процветающая Россия”: *“Россия ... претендует на то место в мире и на такое отношение к себе, которое соответствует и нашей богатой истории, и творческому потенциалу нашего народа, и огромным размерам нашей великой страны”* [17]. Россия *“должна быть сильной и конкурентоспособной”*, ей *“нужны более амбициозные цели”*, Россия должна оставаться *“весомым и полноценным членом мирового сообщества”*, быть *“сильным конкурентом”* [18]. В Послании Федеральному Собранию РФ 2003 года конкурентоспособность страны связывается Президентом РФ с идеей **“возвращения и сохранения позиций в мире”** — *“нашим принципиальным результатом должно стать возвращение России в ряды богатых, развитых, сильных и уважаемых государств мира”*, *“мы должны обладать существенным экономическим, интеллектуальным, моральным и военным преимуществом. Только так мы сохраним наши позиции в ряду крупнейших держав планеты”* [19].

Для достижения этих целей, убежден Президент, необходима *“ре-визия функций государства”*, *“государственный аппарат должен быть эффективным, компактным и работающим”* [18], *“сильная и ответственная власть, основанная на консолидации общества, необходима для сохранения страны”* [19]. Консолидироваться Президент призывает *“...вокруг базовых общенациональных ценностей”* [19]. Кроме упомянутых выше, в текстах выступлений Президента мы находим: *“удержание государства на обширном пространстве, сохранение уникального сообщества народов”*; сильные позиции страны в мире Президент РФ называет историческим *“способом воспроизводства России как сильной страны”* [19].

В 2003 году комплекс идеологом “сильной России” активно дополняется идеей необходимости сильной, современной армии: *“Сильная, профессиональная и хорошо вооруженная армия нужна нам для благополучного и мирного развития страны”* [19]. Развитие ее стимулируется в связи с постоянной угрозой терроризма (*“В России лютует терроризм”* [20]). Тема этой угрозы периодически всплывает в связи с конкретными событиями — после 11 сентября 2001 года в США; после трагедии в Беслане в сентябре 2004 года. События в Беслане закрепили тему угрозы терроризма в многочисленных выступлениях, но впоследствии она была заметно расширена представлениями об угрозах для страны. Россия должна консолидироваться, чтобы противостоять угрозам распространения ядерного оружия, терроризма, *“расширения зон стратегического влияния отдельно взятых государств”* [19], *“мягкого поглощения по современным “оранжевым технологиям” при снижении национального иммунитета к внешним воздействиям”* [16]. Охранительная позиция отчетливо проявилась в дискурсе к концу первого срока президентства В.Путина.

“Модернизация армии” в Послании Президента Федеральному Собранию 2004 года становится одной из *“общенациональных задач”* для *“надежной защиты государства”* [21]. При этом Президент декларирует отсутствие имперских амбиций: *“У нашей страны нет и не может быть агрессивных целей или имперских амбиций. Мы не собираемся никому угрожать”* [22], *“мы не стремимся к тому, чтобы расширять нашу территорию... нам своей территории достаточно”* (к вопросу об Абхазии) [23]. И вместе с тем он подчеркивает: *“Но боеспособность армии и флота — это важнейший фактор национальной безопасности. Это необходимое условие действительно мирного развития страны”* [22].

Осенью 2005 года Президент заявляет, что в России разрабатываются новые виды вооружения, которых *“в мире пока нет ни у кого и раньше нас вряд ли у кого-нибудь появятся”* [24], а в 2006 году открыто констатирует, что *“говорить о конце гонки вооружений — прежде-*

временно” [25]. В Послании Федеральному собранию в этом году утверждается: *“современной России нужна армия, имеющая все возможности адекватно реагировать на современные угрозы”, “мы должны быть всегда готовы отразить потенциальную внешнюю агрессию и акты международного терроризма”, “чем сильнее будут наши Вооруженные Силы, тем меньше будет соблазн такое давление [внешнеполитическое] на нас оказывать”* [25].

Сильное государство с конкурентоспособной экономикой и армией идет параллельно, но с возрастающим акцентом на державность в идеологическом дискурсе. О России как о **державе** Президент говорит все чаще, при этом на начальном пути ставится задача сделать Россию *“демократической державой”* [26].

Речи становятся более пафосными, насыщенными эпитетами *“великий” — “великая Россия”, “великие цели, достойные великого народа”* [19], *“единая, неделимая, сильная, великая страна”* [26]. С началом второго срока президентства В.Путина (2005 год) в государственно-идеологическом дискурсе продолжалась державная риторика — с усилением пафоса: *“Все мы хотим видеть Россию процветающей, свободной, могучей и влиятельной державой”* [27], *“мощной процветающей державой”* [28].

“Наша великая история” [29] становится сильной опорой в обосновании современных действий власти. В Посланиях Федеральному Собранию РФ в 2003 году Президент говорит о *“тысячелетнем историческом пути России”* [19], в 2004-м — *“любые отклонения от избранного, выстраданного Россией исторического пути могут привести к необратимым последствиям. И они должны быть абсолютно исключены”* [21]. О *“многовековой истории”*, о том, что *“наши предшественники научили нас, что такая страна, как Россия, может быть только сильной”* он говорит на праздновании Дня России [26].

Исторической теме в дискурсе Президента РФ посвящен специальный раздел книги. Но в российской истории были разные периоды, на которых использовались существенно отличающиеся методы обеспечения *“сильной страны”*. В период президентства В.Путина укрепление российской государственности осуществлялось за счет усиления вертикали власти, нового порядка формирования региональной исполнительной власти — выбора губернатора не прямым голосованием, а местным парламентом по представлению президента [30], изменился способ формирования Совета Федерации⁵, федеративные отношения приобрели имитационные черты. При этом

⁵ Сюда теперь входили не избранные в регионах высшие руководители власти, а делегированные ими представители.

Президент отрицал, что это может быть шагом на пути к формированию унитарного государства: *“Я не думаю, что мы должны переходить к унитарному государству, тем более — к унитарному государству советского типа. Это не создаст необходимых благоприятных условий для развития экономики и ограничит возможности общества в контроле за действующей властью. Думаю, что это было бы избыточным”* [30]. И действительно, в 2006 году в регионы был передан ряд полномочий. Правда, изменений в бюджетных отчислениях (в регионах остается 30%) не последовало.

Ориентаций на возврат в советское прошлое в дискурсе о “сильной”, “державной России” нет, но идеи особенности пути России временами прочитывались. Так было, например, с обоснованием **“суверенной демократии”** [16]. Содержание идеологемы **“суверенная демократия”** раскрывалось как устойчивое развитие, экономическое процветание, политическая стабильность, высокий уровень культуры, доступ к рычагам влияния на мировую политику, свобода нации, формирование справедливого миропорядка совместно с другими свободными нациями [16]. В интерпретации суверенной, то есть, условно говоря, независимой демократии, не содержалось отстраненности от избранного пути, он понимался или мог пониматься как “не советский” и “не западный”. Некоторые исследователи считают, что обсуждение “особого пути” — это реакция на травмирующие сравнения со стандартами Запада и механизм психологической защиты для “поддержания национального самоуважения на необходимом уровне”. Утверждение об “особом пути” все равно оставляет открытым вопрос о конечном пункте и “в скрытой форме содержит ориентацию на западные “эталоны”, считает политолог Алексей Зудин. Открытое признание этого факта невозможно, поскольку сразу ставит травмирующий вопрос о размерах дистанции, которая отделяет от западных “эталонов” [31, с. 18]. Провозглашение “особого пути” снимает травмирующую проблему дистанции и определения точки назначения.

Ближние соседи России — государства Балтии, Украина, Грузия — открыто провозгласили стремление на Запад, и это стало своего рода способом консолидации и стимулом развития общества в этих странах. В России в силу переживаний потери прежнего статуса в мировом сообществе и из-за девальвации привлекательности ряда западных образцов особость идентичности остается обсуждаемой. Именно поэтому общественность внимательно следит за ориентирующими высказываниями Президента и его ближайшего окружения.

Казалось бы, в начале своего президентства В.В.Путин достаточно определенно заявил: *“интеграция в Европу — наш с вами исторический выбор”* [19], *“Россия — это европейская страна”* [16]. В 2005

году в Послании Федеральному Собранию Президент говорил: *“Россия была, есть и, конечно, будет крупнейшей **европейской нацией**. Выстраданные и завоеванные европейской культурой идеалы свободы, прав человека, справедливости и демократии в течение многих веков являлись для нашего общества определяющим ценностным ориентиром”* [32]. Поскольку “русская цивилизация” является частью “европейской цивилизации”, разъясняет помощник Президента Владислав Сурков, постольку мы (россияне) разделяем европейские ценности: материальный успех, свободу, справедливость [16]. Но в то же время и особость прочитывается. Не только в поисках суверенной демократии, но и в особой идентичности **евразийства**. В 2005 году на торжественном собрании, посвященном 1000-летию юбилею Казани, Президент РФ называет Россию *“интегрированной **евразийской державой**”* [33], а в 2006 году повторяет определение России как *“евразийского пространства”* [34].

Представление о своем лице, своей идентичности не является достоянием идеологического дискурса только России. Государства, ранее других вступившие в глобализирующееся пространство, несмотря на давно проникающие к ним мировые капиталы и информационные системы, заверения в потере значимости государств и этничности, тем не менее защищают и свой язык, и государственные интересы. Не случайно все более распространенным становится понятие глокализации (Розенберг, Согомонов), определяющее особенности процессов глобализации на разных пространствах и в разных культурах.

Для граждан России пространственная консолидация в значительной мере была новой, так же как и для других государств на постсоветском пространстве. Кто мы? Первый Президент Российской Федерации Б.Н.Ельцин употреблял естественное для него понятие “россияне”.

Президент В.Путин активно использует консолидирующее понятие нации. Нации не в значении этнокультурной общности (русская нация, белорусская и т.д.), а в значении гражданского, государственно-политического сообщества — политической нации. Такое понимание вкладывается в дискурс через определение “русская нация” и аналогичные ему — “единый народ России”, “граждане России”: *“мы как нация”* [11], *“Мы многонациональный, но мы единый народ. Мы — народ России, многонациональный народ России”* [35]. В таком значении понятие нации и производное определение “национальный” (доход, интересы и т.д.) в послании Президента РФ Федеральному Собранию в 2000 году употреблялись 10 раз, в 2007-м — 18 раз. Консолидирующие местоимения “наш” в 2000-м — 33 раза, в 2007-м — 90 раз, а “мы” (“нас, нам”) в 2000-м — 63 раза, в 2007-м — 90 раз.

В начале второго срока президентства (2004 год) В.Путин акцентирует новое понимание нации и значимость ее единства: *“Сегодня мы имеем все основания говорить о российском народе как о единой нации. Есть, на мой взгляд, нечто такое, что нас всех объединяет ... Представители самых разных этносов и религий в России ощущают себя действительно единым народом”* [36].

Используются интегрирующие идеологемы: *“Единство России скрепляют присущий нашему народу патриотизм, культурные традиции, общая историческая память”* [11], *“мы нация ...мы всегда были носителями государственной идеи”, “мы за Россию, которая для русских, татар, мордвы, осетин, евреев, чеченцев, для всех наших народов, для всей российской нации”* [16].

В начале своего президентства В.В.Путин в Послании Федеральному Собранию 2000-го года говорил, что на текущий момент в России нет необходимости в специальном поиске национальной идеи: *“Она сама уже вызревает в нашем обществе. Главное — понять, в какую Россию мы верим и какой хотим мы эту Россию видеть. ... у нас были и есть общие ценности. Ценности, которые спланивают и позволяют называть нас единым народом”* [11].

Россия — государство полиэтничное. Понятие “единый народ” включает не только пространственные, социальные представления, но и этнокультурные.

Начиная с 2002 года в президентских выступлениях, чаще во время встреч с представителями национальностей или религиозными деятелями звучит идея “многонациональности, многоконфессиональности” России, ее населения, культуры. Это не только часто повторяемая характеристика страны в дискурсе государственной идеологии. Согласие в этой сфере — несомненная ценность: *“Россия в известном смысле является местом уникальным, где действительно на протяжении веков не просто сосуществуют, но находятся в гармонии и христианство, и иудаизм, и мусульманская культура. Это все составляет неотъемлемую часть того, что мы называем **европейской культурой**. И вот этот сплав — он и составляет основу силы многонационального российского народа”* [37]. О том же Президент РФ говорил на встрече с делегатами III Всемирного Конгресса татар: необходимо *“наращивание делового, гуманитарного сотрудничества ... как между народами внутри Российской Федерации, так и между всеми теми людьми, которые считают Россию, российские республики, российские регионы своей исторической родиной”*, национальные языки и традиции — *“это особое достояние России”* [38].

В 2003 году Президент РФ вернулся к этой теме на встрече с еврейскими организациями: *“Россия — многонациональная, многоконфессиональная страна, и ее культурное многообразие является нашим достоянием”* [39].

В год переизбрания В.Путина на второй президентский срок (2004) темы, связанные с жизнью национальностей звучали чаще, в дискурсе доминируют идеологемы: *“многообразная и многонациональная культура Российской Федерации”* [30], *“многонациональная, многоконфессиональная страна”* [36], *“многонациональное российское общество”* [40], *“культурное многообразие является нашим богатством и нашим достоянием”* [36]. Речь идет об этнокультурной сфере — развитии языков, культуры и всем том, что относится к культурному многообразию России. Но на конференции для российских и иностранных журналистов (декабрь 2004 года) В.Путин замечает, что национальная политика *“должна выразиться ... во всей политике нашего государства”* [30].

Тем не менее, по мнению Президента, для решения этих вопросов нет необходимости в специализированном органе власти, достаточно Министерства регионального развития и Общественной палаты. При этом Президент РФ видит ситуацию *“обострившихся внутренних конфликтов и межэтнических противоречий, которые раньше жестко подавлялись господствующей идеологией”* [41]. Он призывает *“сохранить и укрепить наше национальное историческое единство”* [36], *“тысячелетнее единство российских народов”* [42].

На рубеже XX и XXI веков фокус проблем отношений между людьми разных национальностей в России сместился. Проблемы сепаратизма потеряли свою остроту (они остались в Северокавказском регионе), на первом плане обозначились проблемы, связанные с притоком мигрантов, и прежде всего в крупных городах, главным образом в Москве и Санкт-Петербурге, в приграничных территориях (Краснодарский край, Ставрополье, Приморье). С 1989-го по 2002 год страна приняла 11 млн человек. Уроженцами других стран Всероссийская перепись 2002 года зафиксировала 8% населения. 70% миграционного притока приняли Москва и Санкт-Петербург.

В связи с быстрым и массовым притоком иммигрантов (Россия стала третьей после Канады и США страной по притоку мигрантов), непривычностью для местного населения их культурных норм в повседневной жизни (особенно мигрантов из Китая и Вьетнама), сплоченностью и конкурентностью (в сфере услуг, строительства, на транспорте) мигрантов с Кавказа среди принимающих жителей усилились ксенофобные настроения, предубеждения, прежде всего против чеченцев, цыган, азербайджанцев.

Парадокс заключался в том, что в 2000-е годы доля людей, испытывающих межэтнические напряжения, не только не росла, а даже становилась меньше, особенно к 2007 году, а доля нежелающих принимать мигрантов национальностей, вокруг которых сложился образ врага, оставалась высокой (чуть выше 50%). В ряде регионов

имели место насильственные действия против приезжих, стычки, драки на этнической почве.

В 2004 году Президент весьма определенно высказался по поводу развития в стране ксенофобии и нетерпимости: *“Не только государственные органы, но и общество должно незамедлительно реагировать на любые проявления ксенофобии и религиозной нетерпимости, решительно бороться с еще встречающимися проявлениями инфекции бытового национализма”* [43], а также по поводу националистических организаций: *“никаким великодержавным шовинистам, никаким националистам не растащить нас по их затхлым психушкам”* [44], призывая экстремистские организации запретить, а их лидеров и активных участников преследовать по закону [45].

Проявления ксенофобии и экстремизма в период второго президентства В.Путина стимулировали руководство страны чаще говорить о толерантности. При поддержке В.Путина Правительством Российской Федерации была принята Программа по развитию толерантности, которой спонсировались научные исследования, специальные тренинги, конференции по обмену опытом среди школьных учителей, вузовских работников, реабилитационные формы по работе среди мигрантов, мероприятия по работе с журналистами СМИ. В выступлениях средством воспитания взаимопонимания и уважения Президент РФ называет *“духовное и нравственное просвещение”* [40], *“идеологию согласия”* [33]. Темы толерантности и согласия интерпретируются как государственно значимые: *“принцип терпимости — и национальной, и религиозной — стал центральным в формировании российской государственности”* [33], *“толерантность лежит в основе российской государственности. Если бы российскому многонациональному и многоконфессиональному государству не удалось достичь определенной гармонии между представителями различных религий и национальностей, нам не удалось бы создать единого централизованного государства”* [46], — говорит В.В.Путин на встрече с “молодежной восьмеркой” в 2006 году.

В связи с актуализацией проблемы миграции Президент РФ высказался о ее необходимости для России, но при определенных условиях: *“нужна полноценная трудовая иммиграция, прежде всего цивилизованная, на нужных нам направлениях, в нужных нам регионах и таким образом, чтобы это решало, прежде всего, проблему нашей страны”* [47]. Без иммигрантов страна обойтись не может, также как другие европейские государства, Канада и США и, видимо, Украина. Обеспечение их прав и законных интересов [47], в том числе и права на получение гражданства для легальных мигрантов — забота государства [32].

“Естественным способом пополнения трудовых ресурсов” Президент назвал мигрантов из стран СНГ, поскольку они являются носителями русского языка и русской культуры [48].

При обсуждении конфликтных прецедентов на заседании Совета Безопасности по миграционной политике в 2006 году Президент проявил понимание настроений местного населения: *“Переезжающие в Россию люди должны с уважением относиться к российской культуре, к нашим национальным традициям”* [25]. В идеологическом дискурсе задается желаемый вариант: *“вопрос только в том, чтобы люди приезжали нужные стране, законопослушные, уважающие нашу страну, и расселились там, где нужно для России”* [49].

И идеология толерантности, и акцент на идентичности, естественно, всегда ситуативны. Они — ответ на политические, социальные, этнические вызовы и одновременно — сигналы общественным настроениям. Представим массовое общественное сознание, установки и ориентации россиян, а насколько возможно — и жителей регионов России.

1.3. Изменения в массовом сознании

Леокадия Дробижева, Елена Щеголькова

Идеи сильного государства во главе с сильным лидером, идеи державности, сохранения и удержания позиций России в мире, появившиеся в идеологическом дискурсе еще на первом сроке президентства В.Путина, отвечали массовому общественному сознанию. В 1999 году на вопрос “Что сейчас более нужно России” 71% респондентов отвечали, что необходим “сильный лидер”, 59% считали, что необходимо “сильное государство”⁶. Понимание сильного государства у граждан, естественно, было разным. Но все же большинство видело Россию как государство, которое... “заслуживает более достойного положения в мире” (так в 2000 году считали 66% опрошенных⁷) и остающимся

⁶ Данные ВЦИОМ, дата проведения опроса — март 2000 года, $N = 1595$; см. также: [50, с. 10].

⁷ Данные ВЦИОМ, дата проведения опроса — август 2000, $N = 1574$; см. также [51, с. 23].

постоянным членом “восьмерки” (69% в 2001-м)⁸. Конечно, оставалась еще травма от потери большого государства — СССР и желание восстановить статус страны и уважение к ней.

Истоки державности искали в истории: “прошлое наполнено и структурировано ключевыми моментами легенды о великодержавной власти ... и география, и история в массовом сознании наполнены образами государственной власти” [53, с. 29], — утверждали аналитики общественного мнения.

История, прошлое является одним из значимых моментов этногосударственной идентификации россиян, наряду с территорией, местом рождения, природой, родным языком и государством, как, впрочем, и у жителей других государств. В 2003 году на вопрос: “Что в первую очередь связывается у Вас с мыслью о Вашем народе?” 48% респондентов выбрали вариант ответа “наше прошлое, наша история”. Идентификация с территорией в 1999–2003 годах была на уровне 26–32%.

А вот значимость “военной мощи” еще в начале XXI века разделяли 8% (2003 год)⁹. “Оборонное сознание”, усиливающееся впоследствии, может являться ответом на транслируемую в дискурсе государственной идеологии защитную позицию России. Если в 1989 году 13% респондентов считали, что у России есть враги, то в 1999-м так полагали 65%, а в 2003-м — 77% [54, с. 49]. “Существует военная угроза России со стороны других государств” — с этим утверждением в период с 2000-го по 2005 год были согласны от 37 до 48% респондентов [54, с. 37; 58, с. 152]. Но оказывали влияние и геополитические события (в Югославии, Грузии и другие) в мире, в ходе которых россиянами просматривалась возможность силового воздействия в условиях однополярного мира.

Важный момент становления общероссийской идентичности — возможность совмещения идентичности гражданской и этнической. В “образе мы” этнические характеристики преобладали над общегражданскими. По данным общероссийского опроса Института социологии РАН 2006 года единство с людьми своей национальности в разной мере ощущали 85,6% респондентов (42,3% — часто, иногда — 43,3%); единство со всеми гражданами России — 65% (часто — 19,8%, иногда — 45,2%) [55]. Причем, если для русских идеи общероссийской идентичности совмещены с “русскостью”, то для людей других национальностей это соединение конструируется сложнее, что по-

⁸ Данные ВЦИОМ, дата проведения опроса — май, 2000, N = 1600; см. также: [52, с. 85].

⁹ Данные ВЦИОМ по программе “Советский человек”. См.: [53, с. 28].

рождает дополнительные проблемы интеграции. По результатам наших исследований в регионах с доминирующим русским населением в 2006 году российская идентичность стала более значимой, чем этническая. 90–95% жителей Свердловской, Томской, Воронежской областей, до 82–77% в Саратовской, Калининградской областях и Приморье ощущали себя гражданами России. Ощущение близости с людьми своей национальности испытывали 86% свердловчан, 61–77% саратовцев, томичей, жителей Воронежской области и 55–57% граждан в Калининградской области и в Приморье¹⁰.

По результатам опросов Проекта “Будущее России: социальная сфера”, которые мы сейчас приводили, очевидно, что государственно-гражданская идентичность становится не только массовой, но и сильной. Более половины опрошенных ощущают себя гражданами России в значительной степени. На данном этапе это, скорее всего, компенсаторная реакция российских граждан после кризисного состояния, которое они переживали после распада Союза, огульной критики прошлого, изменений положения в геополитическом пространстве. К тому же, возможно, это уже и реакция на активное идеологическое воздействие Администрации Президента РФ, конструирующей национальную идентичность народа России. Слова, как заметил П.Бурдые, “в значительной мере делают вещи” [56, с. 111–112].

Важно, какой будет эта идентичность. Гражданское сознание находится в стадии формирования. Но тем не менее движение в этом направлении есть. Более 60% в регионах с доминирующим русским населением считали, что “чувство ответственности за страну” — очень важная характеристика россиянина. Столько же респондентов считают очень важным “быть патриотом, любить Родину”. Патриотические чувства — эмоциональный компонент идентичности. Вряд ли кто-то любит государственные институты, в России их чаще критикуют и проявляют большую или меньшую лояльность к ним. А вот любить можно страну, людей, поэтому данный индикатор можно интерпретировать именно как эмоциональный элемент гражданской идентичности.

Тенденции, которые мы фиксировали в регионах с доминирующим русским населением, имеют общие черты с идентичностью населения республик, но там она сложнее. У титульных национальностей более высокой остается этническая и республиканская — региональная идентичность. В Саха (Якутии), например, 97% якутов

¹⁰ Данные Проекта “Будущее России: социальная сфера”. Проект выполнялся МИОН, спонсировался Иноцентром. Ресурсным центром являлся Институт социологии РАН. Авторы проекта — Л.М.Дробижина, М.Ф.Черныш, А.Е.Чирикова.

идентифицируют себя с республикой и 92% — с этнической общностью, причем 83% ощущают значительную степень связи с республикой и 72% — с национальностью (опрос начала 2007 года).

Большая часть русских и якутов также идентифицируют себя с гражданами России. Идентичность россиян пока противоречива. Около половины граждан еще чувствуют себя в той или иной мере “советскими людьми” [57, с. 18]. (Правда, в изучавшихся нами регионах “в значительной мере” чувствуют себя советскими людьми 15–26%, то есть скорее всего это представители старшего поколения.)

У немалой части населения сохраняются традиционалистские установки. Около 40% граждан считают, что “проникновение другой культуры и языка вредит населению”, 70–80% полагают, чтобы стать настоящим россиянином, “надо родиться в России”, “прожить тут большую часть жизни. Гордимся мы чаще тем, что создано не нами — природными ресурсами (86%), историей (36%), литературой и искусством (90%), а вот тем, что зависит от нас самих — уровень образования, экономические достижения составляют гордость только у 50% опрошенных.

И вместе с тем 57–99% в регионах отнесли себя к людям, “разделяющим европейские ценности”. Практически половина граждан ассоциируют себя с людьми, “добившимися успеха в современных условиях”.

Значительной является религиозная идентификация у россиян — в 2006 году почти 70% населения в той или иной мере ощущали единство с людьми своей веры [55]. При этом представление о роли церкви как института выходит за рамки чисто религиозных функций: 42% считают, что церковь должна оказывать влияние на принятие государственных решений.

Таким образом, очевидно, что за общероссийской идентичностью скрываются региональные и этнические различия социально-политических, этнокультурных ориентаций и модернизационных установок “разных скоростей” (в Свердловской, Томской областях людей, разделяющих европейские ценности и добившихся успеха, 57–62%, а в Воронежской и Саратовской — не более трети).

На фоне транслируемых Президентом и его окружением идей ценности многонационального государства, толерантности уровень этноцентристских установок в обществе оставался довольно высоким. Поддержку лозунга “Россия для русских” стабильно демонстрируют в период с 2000-го по 2005 год от 49 до 58% [58, с. 137]. Среди поддерживающих этот лозунг оказываются люди с очень разными представлениями. Приведем курьезный случай. Во время фокус-группы для проведения анализа скрывающегося содержания за интересующими нас лозунгами одна из участниц — якутянка (ее роди-

тели состоят в смешанном браке), образованный и эрудированный специалист, сказала: “Да, конечно, так могут отвечать и наши якуты, ведь они могут думать, что речь идет о территории за пределами республики”.

Чтобы проверить, насколько люди, разделяющие мнение “Россия для русских”, являются носителями эгоцентричных установок, в опросный лист (по проекту “Будущее России: социальная сфера”) мы ввели позиции “Проникновение другой культуры и языка вредит населению” и “Национальность всегда будет разъединять людей”. Совмещение ответов респондентов, разделивших эти мнения, оказалось очень высоким. Примерно 40% согласившихся с мнением “Россия для русских”, провозглашенным в 1990-е годы Конгрессом русских общин во главе с Рогозиным, считают, что национальность всегда будет разъединять людей, а проникновение другой культуры и языка вредит населению.

По данным Левада-Центра на 2005 год (ранее — ВЦИОМ), с 2002 года раздражение и неприязнь к приезжим с Северного Кавказа, из Средней Азии и других южных стран в 2005 году испытывали соответственно 20% и 21% респондентов [58, 140]. Враждебность к людям других национальностей испытывали от 38 до 46% респондентов, примерно на том же уровне фиксируется ощущение ими враждебности со стороны лиц других национальностей [58, с. 133].

Парадокс заключается в том, что при 40% выразивших эгоцентричные установки, свыше 60–70% граждан готовы работать с коллегами иной этнической принадлежности, примерно такие же установки имеют в отношении соседства и готовности иметь близкого друга другой национальности. И даже готовность к смешанным бракам достаточно высока — “в каких-то случаях” — 18%, а 56% — “всегда”, причем у значительной части граждан эти установки совмещаются.

Некоторая ясность обнаруживается, когда мы сравниваем людей, не выразивших готовности “принимать людей другой национальности в стране” и, тем более, “принимать их в качестве граждан страны” — таких 85–90% по регионам (как известно, шкала социальной дистанции Богардуса начинается именно с этого вопроса и обычно готовность к этому варианту приема людей иной национальности выше, чем к другим видам взаимодействия) с приведенной долей респондентов, готовых к другим видам контактов (деловым и неформальным). Очевидно, изоляционистские установки не просто относятся к людям иной национальности, а именно к мигрантам и скорее всего — именно к мигрантам последней волны.

В Воронежской, Саратовской, Свердловской областях, в При-море более 80% опрошенных назвали причиной нежелательности

приема инациональных мигрантов конкуренцию за рабочие места, 50–60% указали жилищные проблемы.

По опросам Левада-Центра значительная доля жителей (до 50% и более в целом по России) называет причиной негативизма по отношению к инациональным мигрантам то, что они “ведут себя как хозяева на нашей земле”, не уважают наши традиции. То есть причины негативизма к инациональным мигрантам, в том числе к иммигрантам из других стран, в России те же, что выявлялись и в других государствах Европы.

Рост такого рода этнических предрассудков во многом объясняется не только быстрым и массовым притоком мигрантов (как уже упоминалось выше, Россия с 1989-го по 2002 год приняла 11 млн мигрантов. И это только данные, официально зафиксированные Всероссийскими переписями), но и тем, как они расселялись. Большинство мигрантов приезжало в Москву и Санкт-Петербург. По оценкам специалистов по миграциям, если на определенной территории инокультурные мигранты превышают 10%, а тем более 20%, и если этнодемографический состав меняется быстро, это повышает тревожность населения. Ставится вопрос о безопасности населения территории.

Мигранты по Всероссийской переписи населения составляли в РФ 8%. Но, как уже говорилось, они очень неравномерно размещались по стране. И наибольшие фобии распространены именно в районах быстрого и наибольшего притока мигрантов — в Москве, Санкт-Петербурге, Южном Федеральном округе (Краснодар, Ставрополье), в Приморье.

В советское время инациональные мигранты в основном приезжали учиться или работать и стажироваться. Их было не так много, они знали русский язык, намеревались как можно быстрее адаптироваться в районе пребывания. Сейчас приток не только более широкий, но и разнообразный по квалификации. Даже еще в 1990-е годы, когда прибывало много беженцев и вынужденных переселенцев, они распределялись по разным отраслям — в основном в строительстве, на транспорте, в сфере обслуживания. В последние годы (после 2004-го) — это главным образом трудовые мигранты, а самая значительная доля иностранной рабочей силы сосредоточена в сфере торговли и общественного питания (в Москве — 40%), это — рынки, магазины, маленькие лавочки-ларьки, ремонтные мастерские и т.п., то есть там, где люди чаще всего общаются в повседневной практике. Местным жителям кажется, что новых мигрантов слишком много. Отсюда стало “гулять” используемое хлесткими журналистами выражение “понаехали тут”.

Ясно, что Россия не может обойтись без миграционного притока. Как мы показали, руководство страны понимает это и призывает к регулированию миграционного притока. Сейчас он уже не такой массовый. По официальной статистике — около 300 тыс. в год. И вряд ли будет быстро увеличиваться. Но еще немало неофициально прибывающих и работающих мигрантов, а также быстро увеличившихся диаспор (в 1989 году в Москве было 21 тыс. азербайджанцев, сейчас около 100 тыс.), беженцев с детьми из Таджикистана, попрошайничающих на улицах крупных городов. Это, безусловно, влияет на рост этнических предрубеждений.

Внутренняя ксенофобия в постсоветское время являлась одной из форм негативной консолидации, наряду с антизападными установками и враждебностью к некоторым бывшим республикам СССР. Видимо, конструируемая идеология не предоставляла идей для позитивной консолидации. Задаваемые Президентом (особенно на первом сроке) ценности демократии и свободы номинально остаются в дискурсе, но находят меньший отклик, чем идеологемы державности, конкурентности, охранительности.

Как было установлено на содержательном уровне в ходе глубоких полуструктурированных интервью, государственно-гражданская идентичность в значительной мере является страновой. Это представление о своей стране, ее месте в мире. Поэтому интересным было представление “мы–они”, особенно в пространстве Россия–Украина. В середине 2005 года не было ни одной страны, которую бы более половины россиян назвали врагом, но также не было и страны, которую более половины населения назвали бы другом России. Наиболее недружественными виделись Латвия, Литва, Эстония, Грузия (для 49%–38% опрошенных), США (23%), а дружественными — Беларусь, Казахстан, Германия (46–20%), Франция (13%). В сравнении с другими странами — бывшими союзными республиками СССР — Украина при всех сложностях отношений между руководством наших стран все же больше воспринималась как дружественная.

Опросы, проведенные через год, в июле 2006, правда, по другой методике¹¹, подтверждали, что в целом, несомненно, больше россиян были дружественно настроены к Украине. Форма вопроса была другая, менее жесткая: не “друг–враг”, а просто отношение к стране. И при

¹¹ В 2005 году вопрос ставился так: Назовите 5 стран, которые вы могли бы назвать наиболее близкими друзьями, союзниками России... какие 5 стран Вы назвали бы наиболее недружественными, враждебно настроенными по отношению к России. В 2006 году вопрос звучал: Как Вы относитесь сейчас к таким странам как... (очень хорошо, в основном хорошо, в основном плохо, очень плохо).

такой постановке вопроса более половины россиян выразили к Украине в основном хорошее (55%) и очень хорошее (5%) отношение.

В целом обратим внимание на то, что если по дискурсу в публичном пространстве создавалось представление — “Россия — в кольце врагов”, то в реальных представлениях россиян ни США, ни Грузия как основные объекты противопоставлений не набирали доминирующей части респондентов, враждебно относящихся к ним (36% и 48%).

При несомненно продолжающей влиять исторической памяти о прошлом единстве 44% россиян в 2006 году полагало, что для России было бы лучше, чтобы Украина была независимой страной, имеющей добрососедские и взаимовыгодные отношения с Россией. Правда, почти столько же (41%) предпочли, чтобы Украина находилась под экономическим и политическим контролем России (в 2004 году позиции распределялись в соотношении 48–38%). Возможно, на оценки в то время (середина 2006-го) влияло не столько имперское прошлое, сколько ситуативные настроения после противоборства по газовым ценам.

Данные опросов Левада-Центра корреспондируют с материалами опросов других исследователей. По результатам опроса “Курьер” в феврале–апреле 2005 года (1600 чел.) 67% относились к Украине хорошо или очень хорошо. В вариантах вопросов просто об отношении к стране в исследованиях Левада-Центра в течение и 2005-го и 2006 года постоянно превалировало позитивное отношение.

И еще можно отметить, что для большинства россиян были характерны примирительные восприятия в оценках исторического прошлого. Например, на вопрос: “Как Вы считаете, какое государство с большим основанием можно считать историческим правопреемником Киевской Руси?” в сложных условиях последствий ноябрьско-декабрьских 2004-го — зимы 2005 года в Украине большая часть россиян выбрала ответ “Оба государства” (45%), Украину (14%), Россию (32%).

Даже в период газового конфликта винили в нем руководство Украины 40% россиян, однако 31% граждан возлагали ответственность на руководство обеих стран, 11% — на компании Газпром и Нафтогаз, 12% затруднились ответить.

Отвечая на вопрос о том, какие цели в первую очередь должна ставить Россия в своей политике в отношении Украины, наибольшее число респондентов выбрали позицию “Формирование нормальных рыночных отношений”, в том числе “Введение рыночных цен на энергоносители” (53%) и “Сохранение добрососедских отношений” (44%), а идею объединения с Украиной поддерживают 18% граждан РФ.

По опросам ВЦИОМ в январе 2006 года 48% россиян считали, что отношения с Украиной нормализуются, но дружественными и брат-

скими как раньше уже никогда не будут. Между тем 32% респондентов верили, что рано или поздно восстановятся дружеские, союзнические отношения.

Украинцы как народ не попадали в так называемый “образ врага”. В условиях, когда из-за наплыва мигрантов в РФ, особенно в крупных городах, на приграничных территориях усилилось негативное отношение просто к лицам иной национальности, украинцы менее всего фокусировали их на себе. Если чувства раздражения, неприязни и страха по отношению к приезжим с Северного Кавказа и из Средней Азии испытывали около 50% россиян в самые сложные периоды социальных напряжений, то к приезжающим работать украинцам, белорусам, молдаванам отрицательно относились 35% (и, надо сказать, что украинцев и белорусов это касалось меньше всего).

К сожалению, об уровне толерантности среди россиян нередко судят по экстремистским выходкам этнонационалистов. Количество таких экстремистских актов действительно возросло. В 2004 году жертвами скинхедов стали 257 человек, в том числе 46 погибли; в 2005-м пострадало не менее 435 человек, погибло 36 [59, с. 9]. Раньше объектами их нападений были темнокожие или люди из Центральной Азии. В последнее время жертвами становились китайцы, корейцы, лица с более смуглой кожей. Основные насильственные акты этнорасового насилия имели место в Москве и Санкт-Петербурге, но районы таких актов, к сожалению, расширились (в 2004 году были зарегистрированы нападения в 32 регионах, в 2005-м — в 42). Жестокость понемногу убывает, что исследователи связывают с увеличением числа приговоров за убийства.

В некоторых районах, например в Ставрополе, Краснодарском крае, были случаи, когда к скинхедам присоединялись активисты Движения против нелегальной иммиграции (ДПНИ), агрессивные представители казачества. С их деятельностью связаны армянские погромы в Новороссийске, где напряжение сохранялось несколько недель, античеченские выступления в Ростовской области (с. Ремонтное), античеченские выступления с насилием имели место в Калмыкии (с. Яндыки), а в 2006 году — межэтнические столкновения в Кондопоге. Были случаи саморасправы в отношении узбекских гастарбайтеров, ксенофобские проявления на бытовой почве в Самарской, Свердловской, Псковской областях. Антимусульманские настроения были стимулированы трагедией в Беслане, но отзывались они в 2005 году и в Сергиевом Посаде, и в Нижнем Новгороде, где были зафиксированы публичные оскорбления в адрес мусульман.

Административные преследования за насильственные преступления и пропаганду ненависти были лишь одним из средств борьбы с ксенофобией и экстремизмом. В 2005 году по ст. 282 УК РФ был

осужден 31 человек. Другим средством служили предупреждения прокуратуры, например такие предупреждения были вынесены газетам “Русское дело”, “Русское православие” в Санкт-Петербурге за разжигание национальной розни. За демонстрацию националистической символики были предприняты административные меры в Орле, Мурманске, Москве, Краснодарском Крае, Рязанской области [59, с. 44–45]. Но случаев ликвидации праворадикальных организаций не было.

Тенденцией последнего времени явилась взаимная поддержка этих организаций, стремление привлечь молодежь и более строгая самоцензура в выступлениях их лидеров, например Белова, Севастьянова. Естественно, праворадикальные организации пытались прибегнуть к мобилизации, используя настроения населения.

Середина первого десятилетия XXI века характеризовалась весьма противоречивой ситуацией внутри страны. С одной стороны, становилось все больше людей, которых жизнь “вполне устраивает”. В 1999 году таких было 12%, а в 2006-м — 32%, доля тех, кого эта жизнь “отчасти устраивает, отчасти нет”, тоже возросла — с 31% до 40%. Экономическое положение оценили как среднее в 2000 году 26% населения, а в 2006-м — 44%; доля тех, “кто едва сводит концы с концами”, “у кого денег не хватает даже на продукты питания”, сократилась с начала 2000-х годов с 23% до 14–16%. С другой стороны, усиливается социальное расслоение, неуверенность в жизни чувствуют 64% жителей, треть боится потерять работу, опасается преступных нападений, более половины населения ожидают ухудшения ситуации в связи с жилищно-коммунальными реформами. Неуверенность, страхи всегда рождали и подпитывали негативные межэтнические установки, поиск врагов.

В этих условиях важно предупреждать и осуждать все проявления ксенофобии и экстремизма. Но отметим также, что их проявления не следует истолковывать как всеобщие массовые настроения. При всех трудностях травматических перемен трансформационного периода исследования в целом по стране (данные ВЦИОМ, Левада-Центра, ФОМ, RLMS) и по конкретным регионам, которые мы наблюдали в годы реализации проекта (Саха-Якутия, Свердловская область, Новгородская область, Воронежская область, Бурятия, Дальний Восток) показывали, что совмещенные негативные межэтнические установки — на совместную работу, соседство, дружбу — нигде не проявлялись более чем у 20–30% населения (исключение составляли лишь установки по отношению к чеченцам и цыганам).

Негативные установки к национальностям, попавшим в “образ врага”, объяснялись в основном, как мы уже показали, новыми обстоятельствами, характерными для многих стран мира, и в первую

очередь быстрым и массовым притоком мигрантов. Но даже при этом более половины населения в названных областях РФ считало, что государство должно больше делать, чтобы защитить права национальных меньшинств.

В нашем проекте не было возможности провести исследования по единой программе, репрезентативные для России и Украины. Поэтому мы использовали возможность обобщить материалы по проведенным нами ранее исследованиям и исследованиям других социологических центров, корреспондирующим с задачами нашего проекта.

Литература

1. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. — М.: Наука, 1972. — 283 с.
2. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. — М.: Наука, 1983. — 412 с.
3. Дробижева Л.М. Национальное самосознание: база формирования и социально-культурные стимулы развития // Советская этнография. — 1985. — № 5. — С. 3–16.
4. Дробижева Л.М. Ценности и символы в контексте новых концепций этничности // Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества. — М.: ИЭА РАН, 1994. — С. 9–10.
5. Greenfeld L. Nationalism: Five Roads to Modernity. — Cambridge: MA, 1992.
6. Emerson R. From Empire to Nation. The Rise of Self Assertion of Asian and African Peoples. — Cambridge, 1960 (цит. по: [8, с. 64–65]).
7. Дробижева Л.М. Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость // Россия реформирующаяся. — М.: Ин-т социологии РАН, 2002. — С. 213–244.
8. Паин Э.А. Этнополитический маятник. — М. Ин-т социологии РАН, 2004.
9. Независимая газета. — 2005. — 3 июня. — С. 14.
10. Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 3 апреля 2001 года // http://www.kremlin.ru/appears/2001/04/03/0000_type63372type63374_28514.shtml
11. Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации, 8 июля 2000 года.
12. Выступление на торжественном приеме по случаю Дня принятия Декларации о государственном суверенитете России. 12 июня 2001 года // http://www.kremlin.ru/appears/2001/06/12/0000_type63376type63378_28557.shtml
13. Путин В.В. Телевизионное обращение к гражданам России, 17 мая 2000 года.

14. *Путин В.В.* Выступление на церемонии вступления в должность Президента Российской Федерации. 7 мая 2000 года// http://www.kremlin.ru/appears/2000/05/07/0000_type63374type63376type63378_28711.shtml
15. *Путин В.В.* Выступление на приеме в честь Дня Конституции, 12 декабря 2002 года// http://www.kremlin.ru/appears/2002/12/12/1637_type63374type63376_29631.shtml
16. Стенограмма выступления заместителя Руководителя Администрации Президента – помощника президента РФ Владислава Суркова перед слушателями Центра партийной учебы и подготовки кадров ВПП “Единая Россия” 7 февраля 2006 года// <http://surkov.info/publ/4-1-0-13>, <http://surkov.info/publ/4-1-0-12>
17. *Путин В.В.* Выступление на приеме по случаю Дня России, 12 июня 2002 года// http://www.kremlin.ru/appears/2002/06/12/1200_type63374type63376_28953.shtml
18. *Путин В.В.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации, 18 апреля 2002 года// http://www.kremlin.ru/appears/2002/04/18/0000_type63372_type63374_28876.shtml
19. *Путин В.В.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации, 16 мая, 2003 года
20. *Сурков В.* “Запад не обязан нас любить”, интервью для “Spiegel”// <http://surkov.info/publ/1-1-0-1>
21. *Путин В.В.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации, 26 мая 2004 года.
22. *Путин В.В.* Выступление на торжественном вечере, посвященном Дню защитника Отечества, 22 февраля 2004 года// http://www.kremlin.ru/appears/2004/02/22/1804_type63374_60961.shtml
23. Стенограмма “Прямой линии с Президентом России Владимиром Путиным”, 25 октября 2006 года// http://www.kremlin.ru/appears/2006/10/25/1303_type63376type63380type82634_112959.shtml
24. Стенограмма “Прямой линии с Президентом России”, 27 сентября 2005 года// http://www.kremlin.ru/appears/2005/09/27/1332_type63374type63376type63379type63381type82634_94308.shtml
25. *Путин В.В.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации, 10 мая 2006 года// http://www.kremlin.ru/appears/2006/05/10/1357_type63372type63374type82634_105546.shtml
26. *Путин В.В.* Выступление на празднике, посвященном Дню России, 12 июня 2003 года// http://www.kremlin.ru/appears/2003/06/12/1419_type63374_47092.shtml
27. *Путин В.В.* Выступление на приеме по случаю празднования Дня России, 12 июня 2005 года http://www.kremlin.ru/appears/2005/06/12/1703_type63374type63376_89453.shtml
28. *Путин В.В.* Выступление на концерте, посвященном празднованию Дня России, 12 июня 2005 года// http://www.kremlin.ru/appears/2005/06/12/2310_type63374type63376type82634_89498.shtml

29. *Путин В.В.* Выступление на торжественном собрании, посвященном 60-летию Курской битвы, 19 августа 2003 года, Курск// http://www.kremlin.ru/appears/2003/08/19/2053_type63374_50832.shtml
30. *Путин В.В.* Пресс-конференция для российских и иностранных журналистов, 23 декабря 2004 года// http://www.kremlin.ru/appears/2004/12/23/1414_type63380type82634_81691.shtml
31. *Зудин А.* Традиционализация и укоренение политических инноваций: к постановке проблемы // Вестник общественного мнения. — 2007. — № 3 (89), май–июнь. — С. 16–18.
32. *Путин В.В.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации, 25 апреля 2005 года// http://www.kremlin.ru/appears/2005/04/25/1223_type63372type63374type82634_87049.shtml
33. *Путин В.В.* Выступление на торжественном собрании, посвященном 1000-летию Казани, 26 августа 2005 года// http://www.kremlin.ru/appears/2005/08/26/2350_type63374type63376type82634_92928.shtml
34. Выступление на открытии Всемирного саммита религиозных лидеров, 3 июля 2006 года// http://www.kremlin.ru/appears/2006/07/03/2108_type63374type63376type82634_108152.shtml
35. *Путин В.В.* Выступление на встрече с представителями общественности по проблематике Северо-Кавказского региона, 8 ноября 2000 года, Ростов-на-Дону // http://www.kremlin.ru/appears/2000/11/08/0000_type63378_28424.shtml
36. *Путин В.В.* Вступительное слово на рабочей встрече по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений, 5 февраля 2004 года.
37. *Путин В.В.* Выступление на встрече с руководителями религиозных общин российских евреев, 19 марта 2002 года// http://www.kremlin.ru/appears/2002/03/19/0000_type63374type63378_28844.shtml
38. *Путин В.В.* Вступительное слово на встрече с представителями делегаций III Всемирного конгресса татар, 30 августа 2002 года, Казань.
39. *Путин В.В.* Вступительное слово на встрече с представителями еврейских организаций, 19 декабря 2003 года// http://www.kremlin.ru/appears/2003/12/19/1738_type63376type63378_57454.shtml
40. *Путин В.В.* Выступление на встрече с участниками Архиерейского собора Русской православной церкви, 6 октября 2004 года// http://www.kremlin.ru/appears/2004/10/06/1702_type63374type63378_type82634_77666.shtml
41. Обращение Президента России Владимира Путина, 4 сентября 2004 года http://www.kremlin.ru/appears/2004/09/04/1752_type63374type82634_76320.shtml
42. *Путин В.В.* Выступление на торжествах, посвященных Дню России, 12 июня 2004 года// http://www.kremlin.ru/appears/2004/06/12/1433_type63374_72691.shtml

43. *Путин В.В.* Выступление на II съезде Всероссийского азербайджанского конгресса, 19 октября 2004 года // http://www.kremlin.ru/appears/2004/10/19/1751_type63374type63377type82634_78247.shtml
44. *Путин В.В.* Выступление на церемонии открытия международного молодежного фестиваля “Дружба-2004”, 27 июня 2004 года, Украина // http://www.kremlin.ru/appears/2004/06/27/1100_type63377type63378_73603.shtml
45. *Путин В.В.* Выступление на расширенном заседании Правительства с участием глав субъектов Российской Федерации, 13 сентября 2004 года // http://www.kremlin.ru/appears/2004/09/13/1514_type63374type63378type82634_76651.shtml
46. Главы государств и правительств “Группы восьми” встретились с участниками “молодежной восьмерки”, июль 2006 // <http://g8russia.ru/news/20060716/1220409.html>
47. Стенографический отчет о заседании Совета по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека, 20 июля 2005 года // http://www.kremlin.ru/appears/2005/07/20/1801_type63378type63381_91644.shtml
48. *Путин В.В.* Вступительное слово на заседании Совета Безопасности по миграционной политике, 17 марта 2005 года // http://www.kremlin.ru/appears/2005/03/17/1908_type63374type63378type82634_85300.shtml
49. Выступление на совещании с послами и постоянными представителями Российской Федерации, 27 июня 2006 года // http://www.kremlin.ru/appears/2006/06/27/1543_type63374type63377type63378type82634_107802.shtml
50. *Левада Ю.* Общественное мнение на переломе эпох: ожидания, опасения, рамки. К социологии политического перехода // Мониторинг общественного мнения. — 2000. — № 3 (47). — С. 7–18.
51. *Гудков Л., Дубин Б.* Конец 90-х: затухание образцов // Мониторинг общественного мнения. — 2001. — № 1 (51). — С. 15–30.
52. Мониторинг общественного мнения. — 2001. — № 3 (53).
53. *Гудков Л.* Массовая идентичность и институциональное насилие. Статья первая. Партикуляризм и вытеснение прошлого // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. — 2003. — № 1 (67). — С. 28–45.
54. *Гудков Л.* Массовая идентичность и институциональное насилие. Статья вторая. Армия в постсоветской России // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. — 2003. — № 2 (68). — С. 35–51.
55. Мониторинг экономического положения и здоровья населения (RLMS). — М.: Институт социологии РАН, 2006.
56. *Бурдые П.* Практический смысл. — СПб.: Алетей, 2001. — 562 с.
57. Общественное мнение – 2006. — М.: Аналитический Центр Юрия Левады, 2006.
58. Общественное мнение – 2005. — М.: Левада-Центр, 2005.
59. *Кожевникова Г.* Радикальный национализм в России и противодействие ему в 2005 году и первой половине 2006 // Русский национализм. Идеология и настроения. — М.: Центр “Сова”, 2006.

2.1. Национальная толерантность и идентичность в Украине

Евгений Головаха, Наталия Панина

Среди социальных феноменов, закономерно возникающих и определяющих особенности общественной организации в условиях социальной нестабильности, существенное место принадлежит нетерпимости по отношению к “чужим”, которые в ситуации кризисов, сопровождающих процессы деинституционализации и болезненного становления новых социальных институтов, начинают выполнять функцию “козла отпущения”, подвергаясь психологической изоляции, дискриминации, а в наиболее тяжелых обстоятельствах — репрессиям. В посттоталитарном обществе проявления нетолерантности можно наблюдать в различных сферах общественных отношений. Одним из следствий разрушения советской институциональной системы, контролировавшей все формы отношений между людьми (в том числе и проявления социальной нетерпимости), стал бурный всплеск межэтнической нетолерантности, который впоследствии (после окончательного развала СССР) вызвал многочисленные проявления нетерпимости в национально-гражданских отношениях. И поскольку национальные, социально-классовые, конфессиональные и межрегиональные проявления нетерпимости возникают в рамках единого национально-государственного “организма”, то решающую роль в преодолении социальной нетерпимости играет достижение национально-гражданской толерантности как внутри многонационального государства, так и в международных отношениях. Наблюдаемый в постсоветских обществах низкий уровень национальной толерантности является лишь одним из проявлений “ксенофобии” (разумеется, термин этот используется не в психиатрическом, а в традиционном социальном смысле, и поэтому взят нами в кавычки), ставшей реальным фактом жизни общества в период развала тоталитарной системы, когда из-под пресса коммунистической идеологии и всеобщего подавления инакомыслия вырвался джинн нетерпимости, недоверия по отноше-

нию к “чужим”, к другим социальным группам и слоям, в том числе и к другим национальностям. Нетерпимость к “чужим” во многом связана с формированием образа “своих”, то есть с процессами социальной идентификации личности и групповыми идентичностями.

Российский социолог Н.Лебедева, обобщив данные многочисленных исследований факторов, способствующих проявлению межгрупповой (в том числе и этнической) нетолерантности, продемонстрировала достаточно сложную и противоречивую зависимость социальных идентичностей и нетерпимого отношения к “чужим”: детерминантами нетолерантности могут выступать как “неопределенность (маргинальность) этнической идентичности”, так и “выраженность социальной идентичности” [1, с. 245–246]. Не просто противоречивые, но во многих аспектах взаимоисключающие отношения между групповыми идентичностями, разграничивающими человеческие сообщества, замыкающими людей в группах “своих”, и межгрупповой толерантностью как центробежной силой, способствующей тяготению к “чужим”, основательно рассмотрены М.Хомяковым, подчеркивающим, “что процессы формирования идентичности и толерантности прямо противоположны друг другу”, но “не препятствуют друг другу” в том случае, когда идентичность имеет “минимальную нагруженность”, что свойственно “гражданской идентичности” (в отличие от этнической и т.п.) [2, с. 46–49].

На наш взгляд, указанное противоречие снимается по отношению к любой идентичности — в том случае, когда человек способен идентифицировать себя не только со “своей” группой, но и распространять механизм идентификации на другие социальные группы, принимая их представителей как “своих”. В социологическом аспекте это означает возможность сокращения социальной дистанции по отношению к “чужим” до той черты, где пребывают “свои”. Примером такого сокращения дистанции является способность представителя одной национальности допускать в качестве членов семьи и близких друзей представителей других национальностей. В идеале, когда ни одна национальность не отодвигается на более удаленное расстояние, чем “своя”, речь должна идти о подлинно толерантной национальной идентичности, исключаяющей какое-либо противопоставление “своих” и “чужих”.

Разумеется, такого рода “всестороннюю толерантность” следует рассматривать как либеральный идеал, далекий от современных социальных реалий. И вряд ли такой механизм формирования толерантности в полной мере “применим” в том случае, когда речь идет о политических идентичностях. Вряд ли представители левых политических сил в качестве “своих” могут принимать правых консерваторов, а либералы найдут основания для сокращения политической дистанции с

фундаменталистами. Впрочем, и здесь ситуация неоднозначна, если рассматривать ее не с точки зрения актуальной ситуации, а в достаточно отдаленной перспективе. В любом случае приближение к этому идеалу в межэтнических отношениях является реальной альтернативой тому, что мы преимущественно наблюдаем в современном мире: или фундаменталистские идентичности, обуславливающие тотальную нетерпимость, или “этика путешественника” постмодерного мира, стимулирующая поверхностную толерантность, снисходительное и во многом пренебрежительное отношение ко всему, что связано с устойчивыми национальными идентичностями.

В принципе, сокращение социальных дистанций в межгрупповых отношениях согласуется с тенденцией сокращения “физических” дистанций между представителями различных культур, этносов, региональных сообществ в результате создания современной инфраструктуры транспорта и связи. Расширение возможностей общения, казалось бы, создает базис для формирования более толерантного и открытого мира, в котором национальные идентичности не препятствуют восприятию представителей других национальностей как “идентичных себе”. Однако исторический опыт, и прежде всего накопленный в постсоветском социальном пространстве, обнаруживает иные тенденции, связанные с национальной толерантностью в обществе заново формирующихся национально-гражданских и политических идентичностей. Анализу этих тенденций и факторов, определяющих особенности формирования национальной толерантности, посвящена данная глава.

Поскольку мы рассматриваем связь национальной толерантности и идентичностей в контексте сокращения социальной дистанции между представителями разных этнических групп, в качестве метода исследования данной проблемы была выбрана Шкала социальной дистанции Богардуса.

Шкала социальной дистанции Богардуса в исследовании национальной толерантности

Профессор Южнокалифорнийского университета Эмори Богардус приступил к работе над методикой в 1924 году. В течение двух лет он эмпирически отработывал методический план построения шкалы измерения социальной дистанции, предложенный профессором Чикагского университета Робертом Парком [3–4]. В этот период научный интерес многих американских социологов и социальных психологов был привлечен к процессам социальной интеграции и социальной мобильности населения. Происходил рост мегаполисов за

счет массовых притоков в крупные города Соединенных Штатов представителей как разных регионов собственной страны, так и эмигрантов из других стран. Величина социальной дистанции между людьми из различных социальных или этнических (расовых) групп, включающихся в новую единую социальную систему, позволяет, по мнению Р. Парка, судить не только о степени интеграции и солидарности образующегося сообщества, но и об общем уровне развития демократической культуры. Теоретически, отмечает Парк, характерной чертой истинной (идеальной модели) демократии является полное отсутствие *социальной* дистанции между членами единого сообщества [3, с. 341]. Для эмпирического изучения особенностей формирования новых сообществ (community) из представителей различных культур, повышения возможностей анализа факторов, способствующих или препятствующих налаживанию связей и контактов между людьми (в первую очередь как представителей разных субкультур) и определения уровня политической культуры, преобладающей в данном сообществе, необходимо было создавать соответствующие методики измерения социальной дистанции.

В итоге многолетней работы был создан ряд модификаций шкалы социальной дистанции: Шкала расовой дистанции, Шкала образовательной дистанции, Шкала экономической дистанции, Шкала политической дистанции, Шкала профессиональной дистанции, Шкала религиозной дистанции и т.п.

Из всех шкал социальной дистанции Шкала расовой дистанции получила самое широкое распространение, прежде всего потому, что сам Богардус наряду с многочисленными локальными исследованиями на протяжении сорока лет провел четыре крупномасштабных опроса именно по этой шкале. Только в рамках этого проекта он, опираясь на организационную помощь коллег профессоров разных университетов и колледжей США, опросил более восьми тысяч студентов. Результаты этих опросов, отражающие динамику межнациональных установок, неоднократно публиковались [5–7].

Э. Богардус подчеркивал, что термин “расовая” — это, скорее, дань общедоступному слову. Более адекватным термином, подразумевающим, в первую очередь, социокультурные различия между группами людей, с его точки зрения, было бы название “этническая дистанция”. Но поскольку термин “этническая” — скорее научный, поэтому ученый, упрощая его восприятие со стороны людей, не посвященных в научные тонкости, называет ее шкалой расовой дистанции [7, с. 5]. Впоследствии эту методику чаще стали называть, пользуясь обобщенным названием, шкалой социальной дистанции Богардуса.

В соответствии с концепцией Р. Парка, где под социальной дистанцией понимается такая характеристика социальных связей и кон-

тактов, как “степень понимания и близости”, Богардус отмечал, что демократическое общество стремится к уменьшению социальной дистанции между представителями разных социокультурных групп, однако определенная социальная дистанция всегда есть между людьми, “даже между близкими друзьями, даже между любовниками”. Можно говорить лишь о том, что дистанция может быть минимальной, максимальной или находиться где-то между этими значениями. Предлагаемая методика позволяет проводить количественное измерение, что, несомненно, повышает возможности мониторинговых и компаративных социологических исследований.

Апробация и применение шкалы социальной дистанции в Украине

В 1990 году Н.Панина осуществила апробацию методики — проверку на то, как рядовые граждане Украины воспринимают формулировки вопроса и вариантов ответов. В результате была сконструирована семибалльная шкала социальной дистанции, по которой определялось значение дистанции для представителей разных национальностей (список национальностей представлен в таблице 2.2). Шкала построена по кумулятивному принципу, что позволяет определять значение социальной дистанции по отношению к представителям определенной национальности: согласен допустить в качестве члена семьи — 1 балл, в качестве близких друзей — 2 балла, соседей — 3 балла, коллег по работе — 4 балла, жителей страны — 5 баллов, туристов — 6 баллов, вообще не допускал бы — 7 баллов. Таким образом, 1 балл означает максимальную национальную толерантность, а 7 баллов — крайнюю нетерпимость.

По данной шкале рассчитываются специальные индексы: 1) Индекс национальной дистанцированности (ИНД) — средний балл по семибалльной шкале социальной дистанции по отношению к представителям каждой из национальностей; 2) Интегральный индекс национальной дистанцированности (ИИНД) — усредненное значение по отношению ко всем национальностям (за исключением украинцев, русских и украинской диаспоры).

Числовое значение интегрального индекса национальной дистанцированности (ИИНД) по характеру ответов позволяет интерпретировать величину дистанцированности как предпосылку формирования определенного уровня национальной толерантности:

- При измерении отношения к какой-либо конкретной национальности значения ИИНД менее 2,5 баллов, свидетельствующие о преимущественной готовности вступать с представите-

лями этой национальности в родственные или близкие дружественные отношения, рассматриваются нами как показатель определенной меры **национальной идентичности** (возможно, более точное название в данном случае — *интернациональная идентичность* как способность воспринимать “чужие” национальности в качестве “своей”, однако этот термин несет одиозную идеологическую нагрузку для его использования в рамках современной научной терминологии).

- **Открытость (толерантность).** Среднее значение интегрального индекса национальной дистанцированности (ИИНД) менее 4 баллов означает ту или иную степень открытости к *непосредственным* контактам (семейным, дружеским, соседским, производственным) и может расцениваться как показатель определенного уровня **толерантности**. В парадигме социальной дистанцированности это значение интерпретируется как “свой”.
- **Национальная обособленность.** Значения ИИНД от 4 до 5 баллов свидетельствуют о том, что люди в той или иной мере склонны к национальному обособлению и по отношению к большинству национальностей занимают следующую позицию: “пусть живут в Украине, но мне бы не хотелось вступать с ними в непосредственные контакты”. По отношению к какой-либо конкретной национальности это значение может интерпретироваться как отсутствие толерантности и означать то, что представители этой национальности воспринимаются как “не совсем свои, но и не совсем чужие”.
- **Национальная изолированность.** Значения ИИНД от 5 до 6 баллов характеризуют ориентацию на изолированность людей, не желающих видеть представителей других национальностей в качестве граждан своей страны, но не возражающих, чтобы они посещали Украину в качестве гостей и туристов. По отношению к конкретным национальностям это значение может интерпретироваться как “достаточно чужие” и определять предрасположенность к ксенофобии (скрытая форма ксенофобии). Эта скрытая форма ксенофобии является своего рода проявлением “толерантности” ксенофобов — “вообще-то я не хочу с ними общаться, но ладно уж, пусть приезжают погостить, если хотят”.
- **Ксенофобия.** Значения ИИНД выше 6 баллов характеризуют распространенность открытых ксенофобических установок. Открытое нежелание вообще допускать в свою страну представителей определенной национальности отражает восприятие представителей этой национальности как “совершенно чужих” и является показателем открытой ксенофобии.

В августе 1990 года шкала социальной дистанции была впервые включена в массовый репрезентативный опрос жителей Киева. В сентябре 1991 года было проведено повторное исследование по Киеву с применением данной методики. Полученные результаты оказались весьма неожиданными. Прежде всего это касалось величины индексов социальной дистанции как по отношению к отдельным национальностям, так и обобщенного показателя ИИНД — они были значительно выше по сравнению с данными, полученными в исследованиях, проведенных Э.Богардусом во времена, когда в США сохранялась система расовой сегрегации и этнических квот. Основные выводы из полученных данных были опубликованы в Украине и в зарубежных изданиях [8–9].

На фоне данных, свидетельствующих о преобладании в массовом сознании киевлян установок на демократические преобразования в стране (многопартийная система, рыночные преобразования в экономике и т.п.), неожиданно высокая величина индекса общей национальной дистанцированности жителей столицы уже свидетельствовала о том, что путь к построению открытого демократического общества предстоит неблизкий. В 1992 году Н.Панина впервые включила эту методику в общенациональное репрезентативное исследование, направленное на изучение психологического состояния населения Украины. Полученные результаты подтвердили основные тенденции, обнаруженные в национальных установках населения Киева [10–11].

В данной главе представлены результаты ежегодного мониторинга Института социологии НАН Украины (1992–2005 годы). Мониторинговые опросы проводились по общенациональной выборке взрослого (старше 18 лет) населения Украины; расчетный объем выборки составлял 1800 человек; опрос проводился во всех областях Украины пропорционально их доле в общем составе населения страны (подробнее о выборке и организации опросов см.: [12]).

Национально-гражданские идентичности и динамика национальной дистанцированности

Анализ особенностей национальной толерантности у людей с различным типом гражданской идентификации показал весьма своеобразное видение людьми социально-национальной среды своей идентичности. В зависимости от ответа на вопрос: “КЕМ ВЫ СЕБЯ В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ СЧИТАЕТЕ?” была проведена классификация населения по типу гражданской идентификации: **“регионалисты”** — те, кто в первую очередь чувствуют себя жителями своего региона (села, района, города, области и т. п.); **“граждане”** — граждана-

ми Украины; **“националисты”** — представителями своего этноса, нации; **“ностальгисты”** — гражданами бывшего Советского Союза; **“космополиты”** — гражданами Европы или мира. Распределение граждан Украины по указанным типам идентичностей и динамика этих данных за последние годы показаны в табл. 2.1.

Таблица 2.1

**Распределение ответов граждан Украины на вопрос
“Кем Вы себя в первую очередь считаете?” в 2002–2005 годах, %**

Варианты ответов	2002	2003	2004	2005
Жителем села, района или города, в котором Вы живете	31,6	32,3	30,5	24,3
Жителем региона (области или нескольких областей), где Вы живете	5,9	4,8	6,7	6,4
Гражданином Украины	41,0	41,1	44,2	54,5
Представителем своего этноса, нации	3,0	2,5	3,1	2,1
Гражданином бывшего Советского Союза	12,7	13,1	10,7	8,1
Гражданином Европы	0,7	0,5	0,7	0,8
Гражданином мира	2,7	3,6	2,4	2,4
Другое (напишите)	1,6	2,0	1,4	1,4
Не ответили	0,8	0,2	0,2	0,1
ВСЕГО	1799 100,0	1800 100,0	1800 100,0	1800 100,0

Общий вывод из представленных данных — существенный рост доли людей с национально-гражданской идентичностью (“граждан”) и сокращение представительства всех остальных типов. Но какими бы ни были типы идентичностей сами по себе, их связь с толерантностью парадоксальна. Так, оказалось, что из числа “ностальгистов”, настолько тоскующих по прошлому, что по сей день чувствуют себя “гражданами бывшего Советского Союза”, 93% не хотели бы видеть в качестве граждан своей страны чеченцев; 79% — азербайджанцев; 64% — грузин; 63% — крымских татар; 46% — евреев; 57% — молдаван; 29% — белорусов; 10% — русских. “Космополиты” как “граждане Европы и мира”, в свою очередь, далеко не всех допустили бы в свою страну в качестве ее граждан. 44% из числа “космополитов” не хотели бы видеть в качестве граждан своей страны евреев; 48% — немцев; 60% — американцев; 66% — негров; 69% — турков; 69% — китайцев; 98% — чеченцев. Эти данные — лишнее свидетельство того, что поли-

тические идентичности в постсоветском обществе отличаются декларативностью и не отражают стойкой личностной позиции. Может быть, именно благодаря этому они и не становятся механизмом массового агрессивного отношения к “чужим”, обуславливая не столько агрессивное неприятие “чужих”, сколько “обособленность”, стремление держать их на “безопасной дистанции”.

В пользу этой гипотезы свидетельствует анализ ситуации с межнациональными отношениями в Украине. С одной стороны, за все годы независимости в стране не было случаев массовых проявлений этнической нетерпимости, а с другой, — в эти годы заметно поднялся уровень психологической обособленности и изоляционизма по отношению к представителям большинства национальностей (см. табл. 2.2).

Таблица 2.2

Результаты мониторинга Института социологии НАНУ относительно показателей национальной дистанцированности населения Украины по шкале Богардуса: 1992–2005 годы

Национальная дистанцированность населения Украины от...	Индекс Национальной Дистанцированности (ИНД) Шкала: 1–7 баллов									
	1992 N = 1800	1994 N = 1807	1996 N = 1800	1998 N = 1810	1999 N = 1810	2000 N = 1810	2001 N = 1800	2002 N = 1799	2004 N = 1800	2005 N = 1800
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Азербайджанцев	–	–	–	–	–	–	–	5,8	5,8	5,7
Американцев	4,3	4,4	4,6	4,7	4,8	4,8	4,9	5,4	5,5	5,4
Арабов	5,4	–	–	–	–	–	–	6,1	6,1	6,0
Афганцев	–	–	–	–	–	–	–	6,2	6,2	6,1
Белорусов	2,9	2,7	2,6	2,5	2,4	2,8	2,7	4,2	4,1	3,9
Венгров	4,2	4,6	4,8	4,9	4,8	5,1	5,1	5,4	5,4	5,1
Грузин	5,3	4,9	5,0	5,1	5,0	5,4	5,3	5,4	5,5	5,4
Евреев	4,2	3,8	3,8	3,9	3,8	3,9	3,9	5,1	5,1	5,0
Китайцев	–	–	–	–	–	–	–	5,9	5,9	5,8
Крымских татар	5,1	4,6	4,8	4,8	4,9	4,9	5,0	5,6	5,5	5,4
Молдаван	–	4,6	4,7	4,8	4,8	5,1	5,1	5,3	5,2	5,1
Негров	4,5	–	–	–	–	–	–	6,0	5,9	5,9
Немцев	4,4	4,5	4,6	4,8	4,7	4,8	4,9	5,2	5,2	5,1
Поляков	3,8	4,4	4,5	4,6	4,5	4,8	4,9	5,0	5,0	4,8

Окончание табл. 2.2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Русских	2,5	2,3	2,1	2,0	1,9	2,3	2,2	3,3	3,1	3,1
<i>Румын</i>	4,6	4,7	4,9	4,9	4,9	5,2	5,2	5,4	5,4	5,1
Сербов	–	4,8	5,0	5,1	5,1	5,4	5,4	–	–	–
Словаков	–	4,6	4,8	4,8	4,8	5,0	5,0	5,1	5,1	4,9
Турков	–	4,9	5,2	5,3	5,4	5,6	5,6	5,9	5,9	5,7
Украинцев	1,6	1,8	1,4	1,5	1,5	1,6	1,6	2,4	2,2	2,2
Украинцев диаспоры	3,5	–	–	3,9	3,8	4,0	4,1	3,5	3,4	3,1
<i>Цыган</i>	5,6	5,1	5,3	5,4	5,5	5,6	5,7	6,0	6,1	6,0
Чехов	–	–	–	–	–	–	–	5,3	5,3	5,1
Чеченцев	–	–	–	–	–	6,1	6,1	6,3	6,4	6,4
ИИНД (Интегральный Индекс Национальной Дистанцированности)	4,6	4,5	4,6	4,7	4,7	5,0	5,0	5,5	5,5	5,4
ИИНД-10* (Интегральный Индекс Национальной Дистанцированности по 10 национальностям, выделенным <i>курсивом</i>)	4,4	4,4	4,5	4,6	4,5	4,7	4,8	5,3	5,3	5,1

* Поскольку на протяжении десяти лет происходили изменения в списке национальностей, то для нивелирования возможного влияния этих изменений в таблице приводится интегральный индекс национальной дистанцированности по десяти национальностям (ИИНД-10), отношение к которым оценивалось во всех исследованиях мониторинга ИС НАНУ.

В наибольшей мере население Украины психологически дистанцирует (“отстраняет”) от себя преимущественно те национальности, которые ассоциируются с возникающими в мире межнациональными конфликтами. За годы независимости украинского государства происходило нарастание как общего уровня национальной обособленности, так и распространенности ксенофобических установок по отношению к ряду национальностей. После террористического акта

в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года в массовом сознании произошел качественный “скачок” (зафиксированный в мартовском опросе 2002 года) в увеличении социальной дистанции по отношению к представителям подавляющего числа других национальностей.

Результаты мониторинга показывают, что изначально достаточно высокий (в 1992 году) уровень национальной дистанцированности украинского населения имел тенденцию к нарастанию национально-го изоляционизма и повышению распространенности ксенофобических установок. В 2002 году произошел качественный скачок в увеличении национальной дистанцированности практически от всех национальностей. В начале 2005 года наблюдалось некоторое снижение распространенности ксенофобических установок по отношению к большинству национальностей (в среднем на 1–2%), что сказалось и на общем уровне национальной обособленности, который немного снизился с 5,3 до 5,1 балла (различия статистически значимы на уровне 5%).

В таблице 2.3 представлены результаты динамики общей национальной толерантности населения Украины и региональных особенностей распространенности людей с различным уровнем толерантности (нетолерантности). В целом, как можно видеть, среди населения всех регионов Украины в 2005 году все еще преобладали изоляционистские (около 50%) и прямые ксенофобические установки (25%).

Таблица 2.3

**Уровень общей национальной толерантности населения Украины:
динамика и распределение по регионам**

Уровень дистанцированности	% населения с соответствующим уровнем толерантности						
	1992 год УКРАИНА в целом	2002 год УКРАИНА в целом	2005 год				
			УКРАИНА в целом	Восток	Юг	Центр	Запад
Открытость (Толерантность)	35,2	9,9	10,4	13,2	11,4	9,0	8,3
Обособленность (Нетолерантность)	25,2	16,0	14,8	15,9	12,7	11,2	23,3
Изоляционизм (Скрытая форма ксенофобии)	33,3	48,1	49,5	50,7	46,1	55,6	42,0
Ксенофобия (Открытая форма)	6,3	27,0	25,2	20,1	29,9	24,2	26,4

“Квалифицированное большинство” жителей Украины (около 75%) согласны в качестве своих сограждан видеть только представителей восточнославянских этносов, традиционно проживавших на этой территории. Около половины граждан в качестве жителей Украины допустили бы еще евреев, поляков, молдаван и крымских татар, то есть представителей тех народов, с которыми тоже есть исторический опыт совместного проживания. Подобная конфигурация национальных предпочтений позволяет предположить, что в основе национального изоляционизма, доминирующего в массовом сознании, заложены архаично-традиционалистские ценности, в значительной мере определяющие на настоящем этапе формирование, развитие и консолидацию системы социальных отношений в целом.

В таблице 2.4 представлены данные, характеризующие влияние демографических, социоэкономических, геополитических и политических факторов на значение как интегрального индекса национально дистанцированности (ИИНД), отражающего предпосылки формирования общего уровня национальной толерантности, так и на ИИД, отражающий отношение к представителям отдельных национальностей (на примере украинцев, русских, евреев и американцев).

Таблица 2.4

Факторы национальной дистанцированности населения Украины, 2005 год

ФАКТОРЫ	N	Интегральный индекс национальной дистанцированности		ИИД по отношению к ...							
				украинцам		русским		евреям		американцам	
				m1	Ср Кв	m2	Ср Кв	m3	Ср Кв	m4	Ср Кв
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
УКРАИНА		5,1	1,0	2,2	1,7	3,1	1,9	5,0	1,6	5,4	1,5
РЕГИОН											
Запад	319	5,0	1,1	1,9	1,6	4,0	1,8	5,4	1,4	5,0	1,7
Центр	583	5,2	1,0	2,0	1,6	3,2	1,8	5,1	1,5	5,4	1,4
Юг	474	5,2	1,1	2,6	1,8	2,9	1,8	4,8	1,6	5,5	1,4
Восток	388	5,0	1,1	2,0	1,6	2,3	1,7	4,8	1,7	5,6	1,4

Продолжение табл. 2.4

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
НАЦИОНАЛЬНОСТЬ											
Украинец	1407	5,1	1,0	2,1	1,7	3,2	1,9	5,1	1,5	5,4	1,4
Русский	305	5,1	1,2	2,3	1,7	2,4	1,8	4,7	1,7	5,5	1,5
Другая	50	4,7	1,2	2,4	1,8	2,7	1,7	4,2	1,7	5,4	1,7
ТИП ПОСЕЛЕНИЯ											
Киев	95	5,3	1,0	2,2	1,7	3,5	1,9	4,9	1,6	5,4	1,3
Большой город	596	5,1	1,1	2,2	1,7	2,8	1,9	4,8	1,6	5,4	1,5
Малый город	492	5,1	1,0	2,3	1,8	3,1	1,9	5,0	1,6	5,4	1,5
Село	581	5,1	0,9	2,1	1,7	3,3	1,9	5,2	1,5	5,5	1,4
ТИП МИГРАЦИИ											
Б.город – Б.город	406	5,0	1,1	2,2	1,6	2,9	1,8	4,7	1,7	5,3	1,6
М.город – Б.город	86	5,1	1,1	2,0	1,6	3,1	2,0	5,0	1,4	5,4	1,3
Село – Б.город	137	5,3	1,0	2,2	1,8	3,1	2,0	5,0	1,5	5,6	1,3
М.город – М.город	304	5,1	1,0	2,3	1,8	3,0	1,9	5,0	1,6	5,4	1,5
Село – М.город	113	5,2	1,1	2,1	1,7	3,5	1,8	5,3	1,3	5,3	1,6
Село – Село	517	5,1	0,9	2,0	1,7	3,4	1,9	5,2	1,5	5,5	1,4
Другие	201	5,0	1,1	2,2	1,7	2,5	1,7	4,8	1,7	5,5	1,5
ОБРАЗОВАНИЕ											
Начальное, н/среднее	615	5,2	1,1	2,1	1,7	3,1	1,9	5,1	1,6	5,6	1,4
Среднее полное	590	5,2	1,0	2,3	1,8	3,2	1,8	5,1	1,5	5,3	1,4
Среднее специальное	363	5,1	1,1	2,1	1,7	3,0	1,9	5,0	1,5	5,3	1,5
Н/высшее (бакалавр)	43	5,1	1,2	2,0	1,6	3,0	1,8	4,8	1,8	5,2	1,5

Продолжение табл. 2.4

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Полное высшее	152	5,0	1,0	2,2	1,7	2,9	1,8	4,4	1,6	5,3	1,4
ВОЗРАСТ											
До 30 лет	382	5,2	0,9	2,3	1,8	3,1	1,9	5,2	1,5	5,2	1,5
30–54 года	865	5,1	1,1	2,2	1,7	3,2	1,9	5,0	1,6	5,3	1,5
55 и больше лет	517	5,1	1,0	2,1	1,6	2,9	1,8	4,9	1,6	5,7	1,3
САМООЦЕНКА МАТЕРИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ СЕМЬИ											
Нищее	104	4,9	1,2	2,1	1,7	2,7	1,9	4,6	1,7	5,3	1,6
Бедное	708	5,1	1,0	2,1	1,7	3,0	1,9	4,9	1,5	5,5	1,4
Среднее	940	5,1	1,0	2,2	1,7	3,2	1,9	5,1	1,6	5,4	1,5
Зажиточное	10	5,1	1,4	2,2	2,0	2,9	2,2	5,5	1,4	5,5	1,4
СЕКТОР ЭКОНОМИКИ											
В государственном	468	5,2	0,9	2,1	1,7	3,2	1,9	5,1	1,4	5,5	1,4
В частном	405	5,0	1,1	2,3	1,8	3,1	1,9	5,0	1,5	5,2	1,6
И в том, и в том	63	5,1	1,1	2,3	1,8	3,1	1,8	4,8	1,8	5,0	1,6
Не работаю	826	5,1	1,1	2,1	1,7	3,0	1,9	4,9	1,6	5,5	1,4
ОПЫТ РАБОТЫ ЗА РУБЕЖОМ											
Да	213	5,0	1,1	2,0	1,6	3,2	1,8	5,1	1,6	5,0	1,7
Нет	1541	5,1	1,0	2,2	1,7	3,1	1,9	5,0	1,6	5,5	1,4
ОТНОШЕНИЕ К СОЮЗУ С РОССИЕЙ И БЕЛАРУСЬЮ											
Скорее отрицательное	491	5,0	1,1	2,0	1,7	3,7	1,9	5,1	1,6	5,1	1,6
Трудно сказать	328	5,1	1,0	2,1	1,6	3,3	1,9	5,1	1,5	5,2	1,6
Скорее положительное	943	5,1	1,0	2,3	1,7	2,7	1,8	4,9	1,6	5,6	1,3

Окончание табл. 2.4

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
ОТНОШЕНИЕ К ВСТУПЛЕНИЮ В ЕС											
Скорее отрицательное	345	5,2	1,0	2,3	1,7	2,6	1,8	5,0	1,6	5,8	1,4
Трудно сказать	579	5,2	1,0	2,2	1,7	3,0	1,9	5,0	1,6	5,5	1,4
Скорее положительное	839	5,0	1,1	2,1	1,7	3,3	1,9	5,0	1,5	5,2	1,5
ОТНОШЕНИЕ К ВСТУПЛЕНИЮ В НАТО											
Скорее отрицательное	883	5,1	1,0	2,2	1,7	2,7	1,8	4,9	1,6	5,6	1,4
Трудно сказать	610	5,2	1,0	2,1	1,7	3,5	1,9	5,1	1,5	5,4	1,4
Скорее положительное	267	4,9	1,2	2,1	1,7	3,6	1,8	5,1	1,6	4,8	1,7
ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ ВЫБОР											
В.Ющенко	955	5,1	1,0	2,1	1,7	3,5	1,9	5,1	1,5	5,2	1,5
В.Янукович	519	5,1	1,0	2,2	1,7	2,4	1,7	4,8	1,6	5,6	1,4
Против обоих	100	5,1	1,1	2,2	1,6	2,8	1,8	4,8	1,7	5,6	1,4
Не участвовал в голосовании	170	5,2	1,1	2,5	1,8	3,5	1,9	5,0	1,6	5,5	1,4

Выбор именно этих национальностей обусловлен следующими ображениями.

Украинцы. Отношение к украинцам, измеряемое шкалой социальной дистанции, в значительной мере выступает показателем украинской идентичности: чем ниже значение индекса социальной дистанцированности, тем о более высокой степени украинской этнической идентичности он свидетельствует. Валидность подобной интерпретации подтверждается достаточно высокой корреляцией этого показателя с показателем гражданской идентичности, измеряемым ответом на прямой вопрос «Кем Вы себя в первую очередь счи-

таете?”. Наиболее низкое значение индекса дистанцированности (1,6 балла) по отношению к украинцам — у лиц, отметивших, что в первую очередь считают себя “представителем своего этноса, нации”.

Русские. Естественно, что наибольший интерес, с точки зрения сохранения и поддержания гражданского мира в Украине, представляют взаимоотношения между украинцами (представителями титульной нации) и русскими, занимающими по своей численности, исторической, политической и экономической роли в общественной жизни Украины одну из ведущих позиций, значимость которой особо возрастает в связи с перспективой решения проблем российско-украинских отношений.

Американцы. Особый интерес к американцам в контексте исследования межнациональных установок обусловлен ключевой ролью США в современной мировой политике. Влияние США на Украину создает основания для формирования в массовом сознании как позитивного отношения (высокий уровень жизни, международная экономическая помощь, развитые технологии и т.п.), так и негативных установок, обусловленных прежде всего участием США в международных вооруженных конфликтах (Сербия, Афганистан, Ирак).

Евреи. Отношение к евреям всегда представляет особый интерес при анализе проблем национальной толерантности и ксенофобии. Во-первых, потому что проблема антисемитизма в силу исторических обстоятельств занимает особое, если не ведущее место в мировой проблематике межнациональных отношений. Во-вторых, проблема антисемитизма имеет исторические основания и в Украине. И не только исторические. Достаточно актуальной в Украине, как показывают наши исследования, она является и в настоящее время.

Рассматривая факторы общей национальной дистанцированности, в первую очередь следует отметить, что достаточно высокий уровень обособленности, изоляционизма и ксенофобии является феноменом, охватывающим практически все регионы и все категории населения Украины. Даже в самых “благополучных” группах средний интегральный индекс национальной дистанцированности редко опускается ниже значения 5 баллов (см. табл. 2.4, колонка **m1**).

Отношение к украинцам: факторы национальной идентичности

Значение Индекса национальной дистанцированности по отношению к украинцам как показателя уровня национальной украинской идентичности в 2005 году достигло 2,2 балла (с 1992-го по 2002 год это значение составляло около 1,6 балла). Следовательно, с 2002

года произошел сдвиг не только в дистанцированности от других национальностей, но и определенное понижение уровня украинской самоидентичности. Что касается региональных особенностей, то в целом в западных, восточных и центральных регионах население по этому показателю практически не различается. В южных регионах фиксируется значимое увеличение дистанцированности по отношению к украинцам (и, соответственно, снижение уровня украинской идентичности) по сравнению с остальными регионами.

Как и следовало ожидать, у этнических украинцев уровень национальной идентичности выше по сравнению с русскими и другими национальностями. Однако следует заметить, что у всех представителей разных национальностей, населяющих Украину, величина этого показателя не выходит за пределы поля национальной идентичности, что свидетельствует о достаточно высоком уровне ассимиляции и консолидации на основе украинской идентичности как предпосылки формирования гражданской нации, когда под нацией понимается не столько этническая общность, сколько гражданская принадлежность.

Для жителей села в целом характерен более высокий уровень украинской идентичности. Что касается городского населения, то существенное влияние на его особенности оказывает не только величина поселения, но и регион проживания: в городах, принадлежащих к разным регионам, фиксируется разный уровень украинской идентичности.

На уровне украинской идентичности практически не сказываются такие факторы, как возраст, образование, материальное положение семьи. Однако в исследовании зафиксированы статистически значимые различия в уровне украинской идентичности между людьми, работающими в государственном и частном секторах экономики: у работающих в государственном секторе уровень украинской идентичности несколько выше (на статистически значимом уровне) по сравнению с работающими на частных предприятиях.

Что касается геополитических ориентаций, то можно видеть, что отношение к западному вектору развития Украины (отношение к вступлению в ЕС и НАТО) не связано со степенью украинской идентичности, тогда как ориентации на союз с Россией и Беларусью взаимосвязаны с фактором украинской идентичности. У лиц, отрицательно относящихся к союзу с Россией и Беларусью, выше уровень украинской идентичности по сравнению с теми, кто к такому союзу относится положительно.

Определенная связь уровня украинской идентичности с политической активностью населения Украины зафиксирована и при анализе сопряженности этого показателя с характером участия в электоральной кампании по выборам Президента Украины в 2004 году.

Люди с более высоким уровнем украинской идентичности чаще (на статистически значимом уровне) голосовали за В.Ющенко по сравнению с теми, кто голосовал за В.Януковича или “против обоих”. Самый низкий уровень украинской идентичности у тех, кто вообще не участвовал в голосовании.

Отношение к русским: факторы национальной идентичности и толерантности

Значение индекса национальной дистанцированности населения Украины в целом по отношению к русским составляет 3,1 балла, оно выходит за пределы национальной идентичности и характеризует определенный уровень национальной толерантности по отношению к русским, динамика которого согласуется с общими процессами динамики межнациональных установок в современной Украине — повышением дистанцированности по отношению практически ко всем национальностям. Начало этого процесса приходится на конец 2001-го — начало 2002 года.

В отношении к русским основным дифференцирующим фактором является регион проживания. В восточных регионах отношение к русским можно оценивать как национально-идентификационное, так как соответствующий показатель составляет 2,3 балла. Довольно близок к этому значению показатель, характеризующий южные регионы (2,9 балла). В центральных регионах значение ИНД повышается до 3,2 балла. И, наконец, в западных регионах индекс национальной дистанцированности поднимается до верхней критической отметки национальной толерантности по отношению к русским — 4 балла.

Характеризуя региональные особенности отношения к русским в целом, можно отметить две основные особенности: 1) во всех регионах значение показателя ИНД находится в пределах национальной толерантности; 2) по мере продвижения от Востока к Западу (Восток — Юг — Центр — Запад) национальная дистанцированность по отношению к русским существенно увеличивается.

Определенные различия в отношении к русским отмечаются в разных типах населенных пунктов. Наиболее толерантное отношение к русским характерно для крупных городов (за исключением Киева). По мере уменьшения населенного пункта (малый город — село) нарастает дистанцированность (“отчуждение”) от русских. Наименее толерантное отношение к русским зафиксировано в Киеве. Увеличение дистанцированности по отношению к русским в Киеве, по сравнению с другими крупными городами, началось в 2001 году.

(Возможно, это обусловлено началом второй волны военных действий в Чечне.) В целом обнаруженные особенности отношения к русским в зависимости от типа поселения связаны как с опытом повседневного общения с представителями разных национальностей (в том числе и с русскими), который в крупных городах значительно шире, так и с региональным фактором — крупные города сосредоточены в основном в восточных регионах.

Существует определенная связь между материальным статусом и дистанцированностью по отношению к русским: чем выше самооценка материального статуса своей семьи, тем больше величина дистанцированности от русских.

Как и следовало ожидать, существенную роль в формировании уровня национальной толерантности по отношению к русским играют политические установки населения: геополитические ориентации и политический выбор. Лица, позитивно относящиеся к союзу с Россией и Белорусью, более толерантны к русским, чем те, кто к возможности такого союза относится отрицательно. Те, кто положительно относится к вступлению Украины в ЕС и, особенно, в НАТО, менее толерантны к русским по сравнению с теми, кто отрицательно относится к альянсам (особенно военным) с западными странами.

Исследование 2005 года выявило существенную взаимосвязь между отношением к русским и политической позицией, проявленной на выборах Президента Украины в конце 2004 года. Часть населения, которая голосовала за В.Ющенко, принципиально отличается от голосовавших за В.Януковича по величине дистанцированности по отношению к русским. Если ИНД сторонников В.Януковича свидетельствует о русской национальной идентичности (2,4 балла), то сторонники В.Ющенко демонстрируют дистанцированность, приближающуюся к верхней границе национальной толерантности по отношению к русским (3,5 балла).

Отношение к американцам: факторы национального изоляционизма

Среднее значение индекса национальной дистанцированности населения Украины в целом по отношению к американцам составляет 5,4 балла, оно существенно повысилось после 2001 года и в настоящее время характеризует довольно высокий уровень национального отчуждения от американцев. Отношение к американцам связано с рядом региональных, демографических, экономических и политических факторов.

Рассматривая региональный фактор, прежде всего следует отметить, что, в отличие от отношения к русским, которые во всех регионах Украины с разной степенью близости, но все же воспринимаются как “свои”, американцы с разной степенью отчужденности в разных регионах везде воспринимаются как “чужие”. Однако если русские воспринимаются как более “близкие” на Востоке страны, и в наибольшей степени “отодвигаются” в западных регионах, то американцы, наоборот, наиболее “близко” допускаются в западных регионах и, соответственно, наиболее далеко “отодвигаются” в восточных. В восточных регионах индекс национального дистанцирования по отношению к американцам составляет 5,6 балла, в южных — 5,5 балла; в центральных — 5,4 балла; в западных — 5,0 баллов.

На отношении к американцам, на первый взгляд, практически не сказывается ни национальность людей, ни населенный пункт, в котором они проживают. Отсутствие заметных различий между жителями города и села, однако, объясняется достаточно большим количеством в городе сельских мигрантов, субкультура которых отличается большей подозрительностью к “чужакам”. Учет фактора “миграционной маргинальности” позволяет увидеть, что в наибольшей степени антиамериканские настроения распространены среди жителей села, а также среди тех, кто переехал из села в город.

Степень социальной дистанцированности от американцев в определенной мере связана с уровнем образования и возрастом людей. Чем ниже уровень образования людей и чем выше их возраст, тем большую дистанцированность по отношению к американцам (как представителям западной культуры) они демонстрируют. На сокращении дистанцированности сказываются опыт работы за рубежом или в частном секторе экономики в Украине.

В исследовании установлена закономерная связь между отношением к американцам и геополитическими ориентациями населения. У тех, кто позитивно относится к союзу с Россией и Белорусью, показатели дистанцированности к американцам выше, чем у тех, кто относится к подобному союзу отрицательно. И наоборот, у тех, кто ориентирован на вступление в ЕС и, особенно, в НАТО, показатели дистанцированности значимо ниже по сравнению с людьми, негативно относящимися к европейской интеграции. Эти результаты вполне соотносятся с логикой геополитического выбора. Хотя не может не вызывать удивления значение ИНД по отношению к американцам у лиц, делающий геополитический выбор в пользу интеграции с западными государствами, так как у тех, кто положительно относится к вступлению в ЕС, ИНД по отношению к американцам равен 5,2 балла, а у тех, кто положительно относится к вступлению в НАТО — 4,8 балла. Эти значения свидетельствуют о достаточно

высоком уровне национальной обособленности и изоляционизма по отношению к представителям стран, с которыми люди предпочитают интегрироваться.

Внутриполитический выбор людей также связан с их отношением к американцам. Сторонники В.Януковича в своем сознании более “дистанцированны” от американцев по сравнению со сторонниками В.Ющенко.

Отношение к евреям: распространенность и факторы антисемитизма

Динамика отношения к евреям за период становления Украины как независимого государства согласуется с общим процессом изменения межнациональных установок населения Украины — нарастанием национальной обособленности, дистанцированности, ксенофобических установок.

В течение 1992–2001 годов значение индекса национальной дистанцированности по отношению к евреям балансировало на границе 4 баллов. Это значение можно было интерпретировать как “не совсем свои, но и не совсем чужие”. С 2002 года дистанцированность по отношению к евреям повысилась до 5 баллов, и это свидетельствует о том, что массовое сознание в среднем “подвинуло” евреев к рубежу, ограничивающему “пределы Украины”. В 2005 году только 3% жителей Украины были согласны допустить евреев в качестве членов своей семьи, 7% — в качестве близких друзей, 10% — в качестве соседей, 7% — в качестве коллег по работе. Можно видеть, что в итоге только чуть более четверти населения Украины (27%) проявили ту или иную степень толерантности по отношению к евреям и готовы поддерживать близкие социальные контакты с представителями этой национальности. 25% отметивших, что они согласны допустить евреев только в качестве жителей Украины, проявили “обособленческую” установку — “пусть живут в стране, но мне бы лично не хотелось вступать с ними в непосредственные социальные контакты”. Наибольший удельный вес (35%) имеет группа “изоляционистов”, готовых допускать евреев только “в качестве туристов, посещающих Украину”. Как уже отмечалось выше, эту позицию можно расценивать как скрытую установку на антисемитизм. Позицию крайнего антисемитизма — “вообще не допускал бы в Украину” — открыто выразили 12% взрослого населения Украины.

В дистанцированности по отношению к евреям значимо проявляются региональные, этнические и поселенческие различия. В западных регионах Украины антисемитские и изоляционистские установ-

ки распространены в наибольшей степени: 60% взрослого населения западных регионов Украины проявили ту или иную степень склонности к антисемитизму (из них 15% “вообще не допускали бы евреев в Украину”, а “допускали бы только в качестве туристов” — 46%). В центральных регионах склонность к антисемитизму присуща 50% (13% и 35% соответственно); в южных — 43% (11% и 32%); в восточных — 39% (10% и 29%). У украинцев нетолерантность по отношению к евреям несколько выше, чем у русских. Чем больше населенный пункт, тем меньше распространенность антисемитских установок: если в селах “вообще не допускали бы в евреев Украину” 14%, а в малых городах — 13%, то в крупных городах удельный вес прямых антисемитских установок снижается до 11%, а в Киеве составляет 6%.

Как и следовало ожидать, уровни антисемитизма и изоляционизма сопряжены с уровнем образования: чем ниже уровень образования, тем выше уровень как антисемитизма, так и изоляционизма.

Тревожные и весьма неожиданные данные получены при анализе влияния возрастного фактора на показатели национальной дистанцированности по отношению к евреям со стороны населения Украины. Молодежь Украины (18–29 лет) отличается более высоким уровнем национальной нетолерантности по отношению к евреям, особенно по сравнению с представителями старшего поколения. Это свидетельствует о нарастании изоляционистских и антисемитских настроений в стране, тем более что подобная тенденция проявляется и в отношении к русским, и в общих показателях национальной толерантности.

Также неожиданными являются данные, касающиеся взаимосвязи материального статуса и национальной толерантности. Чем выше люди оценивают свое материальное положение, тем в большей степени они дистанцируются от ряда других национальностей в целом, и от евреев в частности. Например, среди тех, кто оценил свое материальное положение как “нищее”, 9% не допускали бы евреев в Украину; среди “бедных” — 10%, среди “средних” — 14%, среди “зажиточных” — 18%. Если среди работающих в государственном секторе прямые антисемитские установки высказывают 9%, то среди тех, кто работает в частном секторе, удельный вес открытых антисемитов повышается до 15% (14% — среди тех, кто работает и в том, и в другом, 13% — среди тех, кто не работает).

Как мы уже неоднократно подчеркивали, антисемитские установки сопряжены с ориентацией на закрытость общества в целом. Этот тезис находит подтверждение и при рассмотрении геополитических ориентаций людей в их связи с межнациональными установками. Антисемитизм связан с негативным отношением к любым “инокультурным” контактам. Большей распространенностью открытых анти-

семитских установок отличаются как люди, отрицательно относящиеся к союзу с восточными соседями — Россией и Белорусью — 16% (среди тех, кто относится положительно — 10%), так и те, кто отрицательно относится к вступлению в ЕС — 15% (среди тех, кто относится положительно — 11%).

Говоря об особенностях связи отношения к евреям с внутривнутриполитическим выбором, следует заметить, что среди сторонников В.Ющенко более распространены антисемитские установки — 50% (из них 37% — скрытые и 13% — открытые) по сравнению со сторонниками В.Януковича — 43% (33% — скрытые, 10% — открытые).

Общий итог трансформации массового сознания был таков, что за десять лет независимости Украины удельный вес психологически открытых (толерантных) людей снизился более чем в три с половиной раза. Практически половину населения к настоящему времени составляют граждане с изоляционистскими установками на межнациональные отношения. Особую тревогу вызывает разрастание ксенофобических установок: численность их носителей за десять лет возросла более чем в четыре раза.

Основные выводы

Если с 1992-го года по 2001 происходило постепенное снижение среднего индекса общей национальной дистанцированности, то в 2002 году произошло резкое “дистанцирование” практически от всех национальностей. Какие же причины могли вызвать “большой скачок”, зафиксированный в феврале 2002 года? В свое время анализ причин, приводящих к увеличению массовой дистанцированности жителей Америки от той или иной национальности, привел Э.Богардуса к выводу, что первое место среди них занимают драматические события в стране и мире, в частности те, которые чаще всего встречаются в заголовках газет. Так, например, события в Пирл-Харборе изменили отношение американцев к японцам, а период “холодной войны” — к русским. Население Украины, как мы видели, тоже заметно реагировало на межнациональные конфликты. В данном случае складывается впечатление, что трагические события в Америке, связанные с террористическим актом 11 сентября 2001 года, и последующее позиционирование большинства стран по поводу создания антитеррористической коалиции, предвещающее бескомпромиссную борьбу с режимами, поддерживающими террористов, вызвало у украинского населения глобальную “страусиную” реакцию — “окопаться и переждать”.

Попытка разобраться, для каких категорий населения в большей мере характерна открытость, а для каких — изоляционизм и ксено-

фобия, привела к выводу, что повышение уровня изоляционизма и ксенофобии является феноменом, охватывающим все категории населения Украины. На уровень национальной толерантности практически не влияют такие социально-демографические факторы, как пол, возраст, национальность, семейное положение и национальный состав семьи, уровень дохода, тип занятости (в государственном или частном секторе экономики). Незначительное влияние оказывают такие характеристики, как уровень образования, род занятий, язык общения, тип населенного пункта (город/село). Хотя в этих группах и зафиксированы небольшие различия, но они непринципиальны. Даже в самых “благополучных” группах средний индекс национальной дистанцированности превышает отметку 5 баллов. Не влияет на уровень национальной дистанцированности и жизненный опыт, связанный со случаями столкновения с дискриминацией на национальной почве или опыт работы за рубежом. Даже у тех людей, которые только планируют поехать поработать за рубежом, преобладают те же межнациональные установки, что и у населения в целом.

Описанные выше феномены вызваны, на наш взгляд, тем, что массовое сознание в Украине находится “на перепутье” национально-гражданской идентификации. От одних народов, с которыми связывал опыт общения в рамках единого государства, уже достаточно отделились, а к другим еще не приблизились. Проголосовав за выход из СССР и за построение самостоятельного независимого государства, люди с разными чувствами оглядываются на совместное прошлое. Одни — с чувством огромного облегчения, связанного с освобождением от коммунистического и шовинистического диктата имперски настроенного соседа. Другие, вспоминая молодость, до сих пор не могут понять, правильное ли решение было принято. Но даже тот, кто, сожалея об ушедшей молодости, хотел бы вернуться к прежнему “содружеству”, поворачиваясь на Восток, видит там полыхающие межнациональные пожары или их тяжелые последствия. Поэтому даже адепты Советского Союза хотят реконструировать прежнее межнациональное союзное сообщество, предварительно удалив из него всех участников межнациональных столкновений, особенно тех, кто до сих пор выясняет межнациональные отношения с оружием в руках. Но и взор, обращенный на Запад, тоже открывает отнюдь не благодатную идиллию межкультурного сотрудничества различных наций и народов. Здесь уже началась “война цивилизаций”. И от каждого участника требуется внятная геополитическая позиция, подразумевающая необходимость в той или иной степени вовлекаться в открытый конфликт. Но это чуждо национальному менталитету, народная мудрость которого сконцентрирована в избитом выражении “моя хата с краю”. В результате формируется комплекс нацио-

нальной обособленности, направленный прямо к позиции государственного изоляционизма.

В массовом межнациональном сознании взрослого населения Украины продолжает сохраняться *высокий уровень восточнославянской обособленности*, национального изоляционизма и ксенофобии. В качестве “своих” население Украины воспринимает преимущественно этнических украинцев, русских и белорусов. Представители большинства национальностей воспринимаются как “чужие” и “выдворяются” массовым сознанием за пределы Украины. Некоторое “ослабление” проявляется к “историческим соседям”: около половины украинских граждан в качестве жителей Украины допустили бы еще евреев, поляков, молдаван и крымских татар, то есть представителей тех народов, с которыми имеется исторический опыт совместного проживания.

Подобная конфигурация национальных предпочтений позволяет предположить, что в основе национального изоляционизма, доминирующего в массовом межнациональном сознании населения Украины, заложены *архаично-традиционалистские ценностные ориентации*, в значительной мере определяющие формирование, развитие и консолидацию системы социальных отношений в целом на настоящем этапе развития украинского общества.

Наряду с неутешительной динамикой национальных установок особый пессимизм в оценивании перспектив развития Украины, декларирующей демократический путь развития и построение открытого общества, вызывает то обстоятельство, что *среди молодежи* ксенофобские и, особенно, антисемитские установки распространены в большей мере, чем у представителей среднего и старшего поколений.

Декларативные геополитические установки на европейскую интеграцию несколько снижают уровень изоляционизма и ксенофобии, но принципиально не сказываются на отношении к представителям национальностей развитых стран Западной Европы и Америки. Это отношение у позитивно относящихся к вступлению в Европейский Союз как и у населения в целом, характеризуется широкой распространенностью скрытых и открытых ксенофобических установок.

Региональный фактор играет едва ли не решающее векторное значение в особенностях формирования национальной толерантности граждан Украины по отношению к различным национальностям. Различия по отношению к каждой из национальностей четко ранжируются на оси “ВОСТОК — ЮГ — ЦЕНТР — ЗАПАД”. Население западных регионов Украины отличается наиболее выраженной украинской идентичностью; наименьшей толерантностью по отношению к русским; наименее отчужденным отношением к американ-

цам; наибольшей распространенностью антисемитских установок; в наибольшей мере ориентировано на интеграцию в европейское сообщество; наименее позитивно относится к идее союза с Россией и Белорусью; и наконец, в западных регионах очень высок удельный вес людей, проголосовавших на выборах Президента Украины за В.Ющенко. Население восточных регионов, соответственно, отличается наименее выраженной украинской идентичностью; наибольшей толерантностью по отношению к русским; наиболее отчужденным отношением к американцам; наименьшей распространенностью антисемитских установок; в наименьшей мере ориентировано на интеграцию в европейское сообщество; наиболее позитивно относится к идее союза с Россией и Белорусью; в восточных регионах наибольший удельный вес людей, проголосовавших на выборах Президента Украины за В.Януковича. Во всех этих измерениях южные и центральные регионы Украины занимают “свое” структурное место: ЮГ ближе к ВОСТОКУ, а ЦЕНТР — к ЗАПАДУ. Аналогичная структура регионов выстраивается и в соответствии с объективными результатами голосования на президентских выборах 2004 года.

Практически не различаясь по уровню украинской идентичности и по общему уровню национальной дистанцированности, сторонники В.Ющенко и В.Януковича существенно различаются по отношению к национальностям, определяющим вектор геополитической ориентации “восток–запад”. Если по отношению к русским Индекс национальной дистанцированности сторонников В.Януковича свидетельствует о русской национальной идентичности, то сторонники В.Ющенко демонстрируют дистанцированность по отношению к русским, приближающуюся к верхней границе национальной толерантности. По отношению к американцам сторонники В.Ющенко характеризуются меньшей степенью отчуждения по сравнению со сторонниками В.Януковича.

В заключение особо подчеркнем, что несмотря на отмеченные групповые различия в уровне национальной толерантности, для всех категорий населения Украины характерна общая структура национальных предпочтений-отторжений. В рамках этой структуры формирование национальной толерантности на основе идентификационных механизмов и восприятия представителей большинства национальностей как “своих” является скорее исключением, чем правилом. Для более ясного понимания перспективы изменения сложившихся структур и механизмов формирования национальной толерантности в постсоветском социальном пространстве необходимы систематические сравнительные исследования, предполагающие расширение сотрудничества социологов России и Украины.

2.2. Исторический дискурс и национальное прошлое в официальных речах Президентов Украины и России

Виктория Середа

После распада Советского Союза в обществах новообразованных государств начался процесс деконструкции коммунистической идеологии и переформатирования национальной идентичности. Данное исследование¹ касается двух постсоветских государств — России и Украины. Как и в случае появления других “изобретенных традиций”, потребность в создании новой исторической идентичности в этих странах возникла в период резких политических, социальных и культурных изменений, когда прежние советские идеологемы уже были неспособны выполнять объединительную и мобилизационную функцию для большинства членов данного общества. Можно было надеяться, что в такой ситуации украинские и российские властные элиты попытаются “порвать” с советским историческим прошлым, чтобы тем самым ослабить символическую связь с дискредитированным наследием Советского Союза. Важным шагом для достижения этой цели могло стать активное “возрождение” отдельных элементов досоветской модели конструирования прошлого с параллельным формированием новых национальных традиций. Интересно проследить, пошла ли украинская и российская власть именно этим путем или же попыталась инкорпорировать старые советские исторические мифы и коммеморационные практики в новую модель репрезентации национальной истории? Украинский случай особенно интересен, поскольку в 2004 году во время президентских выборов страна пережила еще один политический кризис, в результате которого к власти пришла новая политическая элита.

Важным средством легитимации власти в современном государстве является создание коллективных идентичностей, в том числе национальной и исторической, способных телеологически соединить существующий политический режим с событиями прошлого, циркулирующими в коллективной памяти рядовых граждан. В случае

¹ Исследование осуществлено в рамках совместного научного проекта Института социологии НАНУ и Института социологии РАН “Национально-гражданские идентичности и толерантность в Украине и России: сравнительный анализ” (№-05/РГНФ 05-03-91-303ф/Ук.).

Украины этот процесс имеет важные географические/региональные измерения. Учитывая это, можно предположить, что в процессе формирования официального исторического дискурса украинская политическая власть сталкивается не только с конкурирующими идеологическими интерпретативными схемами истории, но и с различными региональными идентичностями. Видение прошлого, которое государство “навязывает” своим гражданам, должно быть сигнифицировано таким образом, чтобы оказаться приемлемым для максимально широких слоев общества. Интересным и плодотворным тут может стать сравнение с российским случаем — для этого мы попробуем проанализировать, как современная российская власть пытается популяризировать те версии прошлого, которые ограничивают влияние конкурирующих или альтернативных моделей исторического прошлого, представляющих угрозу для внутреннего единства государства.

Задача нашего исследования заключалась в анализе официальной модели исторического прошлого. В частности, нас интересовало, какие исторические аргументы, события и факты используют президенты обеих стран для создания коллективной исторической идентичности и формирования новых представлений о национальном прошлом. Такой анализ может выявить стратегии символического насилия, применявшиеся политическими элитами Украины и России для собственной легитимации и формирования чувства коллективной принадлежности граждан, а также роль, которую в этих процессах играет историческое наследие.

Для изучения официального исторического нарратива мы взяли публичные выступления двух Президентов Украины: Л.Кучмы с 1994-го по 2004 год и В.Ющенко с января 2004 года по июнь 2006-го, а также Президента России — В.Путина с декабря 1999-го по июнь 2006 года. Отсутствие доступного архива выступлений Президента России Б.Ельцина не позволяет провести аналогичный украинскому случаю сравнительный анализ официального исторического дискурса, представленного двумя президентами России, поэтому мы будем опираться только на выступления В.Путина. Для нашего анализа было использовано двухтомное издание публичных выступлений Л.Кучмы с июля 1994-го по июль 2001 года. Тексты выступлений с июля 2001 года по декабрь 2004-го взяты с официальной веб-страницы Президента Украины. Все выступления В.Ющенко и В.Путина, цитируемые в данной статье, взяты с их официальных веб-страниц: <http://www.president.gov.ua> и <http://www.kremlin.ru>. Для анализа текстов применялись контент- и дискурс-анализ.

Анализ текстов выступлений обоих украинских президентов свидетельствует о том, что символический язык “национальной исто-

рии” и патриотизма является центральным не только для исторических, но и для других обращений. Так, у Л.Кучмы встречаем многочисленные упоминания и выражения, подчеркивающие важность исторического опыта украинцев для понимания настоящего и построения будущего: “история учит” [13], “история учит: память творит, а беспамятство разрушает” [14, с. 275], “прошлое ориентирует нас на создание будущего” [15], “настоящее и будущее вырастают из прошлого. И каждое следующее поколение должно извлекать из него уроки и выводы” [16]; “нас объединяет сыновья любовь к Украине, выросшая из общей истории, языка и культурного наследия и продолжающая подпитываться из этого вечного животворного источника” [14, с. 267] и т.п. Прошлое в выступлениях Л.Кучмы рассматривалось в рамках классического национального нарратива — как общее для всех украинцев, как поучительное и указывающее путь в будущее. Большинство исторических выступлений строилось вокруг идеи важности восстановления исторической памяти. Выступлениям Л.Кучмы свойственен дискурс “возвращения к истокам национальной идентичности” [17], “возрождения национальных традиций” [18] и т.п. Практически все “уроки истории” представлялись Л.Кучмой в соответствии с тем, что он очерчивает как “витальную потребность Украины” — “консолидация нации” [19], “общенациональный диалог” [20]. В обращениях В.Ющенко также прослеживается мотив необходимости восстановления истории (“не построишь будущего без правды. Один из моментов правды касается истории”; “нам нужно перестать бояться говорить о нашей истинной истории, нам нужно написать правдивые страницы этой истории”), однако в его текстах история предстает как территория конфликтов, которые можно преодолеть и через диалог достичь взаимопонимания:

“Наш внутренний национальный диалог по поиску исторической правды, безусловно, следует продолжать. Без эмоций, без деления на фронты, а таким образом, который продемонстрирует высокую культуру нашей нации, для которой нет тем запретных, а есть темы поучительные и консолидирующие. В этом контексте я вижу смысл в основании украинского форума взаимопонимания”.

“Я как Президент даю вам слово и обещаю, что мой труд будет направлен прежде всего на то, чтобы независимо от истории, этничности, языка, храмов мы были единой нацией”.

Таким образом, в большинстве своих исторических выступлений Л.Кучма использовал “эффект национальной амнезии” и конструировал именно такую модель исторического прошлого, которая способствовала “консолидации нации” благодаря отказу от любых идеологических экстрем: как крайне левой (коммунизм), так и крайне правой (этнический национализм), а также замалчиванию конф-

ликтных и контрверзийных событий. В.Ющенко, напротив, впервые вводит в официальный исторический дискурс упоминания о тех исторических событиях, которых часто избегают украинские граждане либо они вызывают внутреннюю дискуссию; при этом он артикулирует места разрывов национального нарратива.

Конечно, было бы слишком большим упрощением рассматривать официальный исторический дискурс, представленный в выступлениях Президента Л.Кучмы, как легитимирующий украинское национальное прошлое и пытающийся вытеснить советское прошлое “навязыванием” новой модели украинского исторического прошлого людям с советским сознанием вопреки их стратегиям сопротивления, как это стараются представить отдельные исследователи (в частности, К.Ваннер [21]). Вместо попытки институционализировать традиционные украинские национальные праздники и традиции на общенациональном уровне, что соответствовало бы той модели украинского национального прошлого, о которой идет речь в книге К.Ваннер, официальная власть скорее пыталась превратить прежние советские праздники в новые украинские и таким образом преодолеть конфликт между советской исторической идентичностью и новой украинской лояльностью. С момента избрания Л.Кучмы Президентом Украины в новый украинский календарь постепенно вернулись практически все ключевые советские праздники: 23 февраля — переименованное в День защитника Отечества, 8 Марта, 9 Мая, 7 ноября, названное днем социальной гармонии. С 2003 года Президент возобновил традицию поздравлять граждан с такими советскими праздниками, как 1 Мая, День партизанской славы, а с 2004 года ввел еще один праздник, связанный с событиями Второй мировой войны, — День ветерана.

Неоднозначным было отношение Л.Кучмы к советскому прошлому и в его выступлениях. Так, давая оценку дискуссиям по поводу 80-летия Октябрьской революции, он настаивал: “Провозглашение 7 ноября на законодательном уровне, еще раз подчеркиваю — на законодательном уровне, днем взаимопонимания и примирения свидетельствовало бы, по моему мнению, об уровне цивилизованности нашего государства, мудрости его народа” [14, с. 275–276]. Начиная с 2003 года Л.Кучма, возобновив поздравления граждан Украины с днем 1 Мая, в своих выступлениях демонстрировал намерение “деидеологизировать” советское прошлое, “вмонтировать” его в новую официальную модель исторического прошлого, апеллируя к повседневным практикам:

“Мы помним Первое мая советского периода, когда участие в торжествах было добровольно-принудительным. Но и тогда мы не считали Первое мая праздником чисто идеологическим. Это

был праздник Весны, когда все мы — в кругу семьи, с друзьями — отмечали обновление жизни. И тоталитарная идеология не могла выхолостить в нас человеческое. Прошли годы, и мы вернулись к истинному содержанию Первомая — Дня солидарности трудящихся» [22].

Попытки вплести старую советскую модель исторического прошлого в новый официальный дискурс наиболее четко обнаруживаются в обращениях Л.Кучмы, связанных с событиями Второй мировой войны. Именно советские дискурсивные рамки доминируют тут. В своих выступлениях он чтит память украинских советских солдат, погибших в Великой Отечественной войне, и не упоминал деятелей украинского национального подполья, игравших роль одной из ключевых групп стигматизированного “другого” в советском историческом нарративе.

В итоге культ героев Великой Отечественной войны, систематически развивавшийся в Советском Союзе, стал весомой составляющей украинского официального дискурса и практик коммеморации: “в горниле битвы с фашизмом родились нетленные ценности нашего народа, не подлежащие сомнению или пересмотру” [23]. В своих речах Л.Кучма обычно избегал четкого размежевания между советской и украинской Родиной:

“Неподвластен времени подвиг победителей, отстоявших свободу, честь и независимость своей Отчизны, очистивших родную землю от чужеземного нашествия, принесших свободу поработанной Европе. Украина внесла огромный и достойный, признанный международным сообществом вклад в этот подвиг” [24].

“Воздавая дань уважения и любви защитникам и освободителям Отчизны, мы не перестаем оплакивать миллионы мирных своих соотечественников, погибших от преступных рук. Человечество ждал апокалипсис, если бы путь коричневой чуме не преградили советские воины, партизаны и подпольщики. Они защищали прежде всего родную землю, свои семьи и свои дома. И нет войны более справедливой и священной. В этом главном смысле она была и останется в истории как Отечественная” [25, с. 330].

Однако Л.Кучма не прилагал усилий для создания такой модели советских празднований, которая была бы приемлемой для западных регионов Украины. Он полностью игнорировал в своих выступлениях предложения праздновать 9 мая не как день победы советской армии, а как день завершения Второй мировой войны.

Вместе с тем Л.Кучма в своих выступлениях, посвященных Второй мировой войне, полностью игнорировал националистический миф об украинском подпольном движении ОУН-УПА, направленном как против нацистской Германии, так и против советской армии.

Однако, учитывая то, что миф борцов ОУН-УПА является важной составляющей украинской модели национального прошлого и коллективной памяти жителей Западной Украины, Президент избегал открытой критики этих событий. В отличие от официальной советской модели, Л.Кучма в своих выступлениях никогда не говорил о коллаборации украинских националистов с нацистами. Он осторожно обходил любые упоминания о внутренних конфликтах, имевших место в украинском обществе в годы Второй мировой войны. Подчеркивая героические свершения украинцев, составлявших часть советской армии, он конструировал коллективную амнезию относительно деятельности западноукраинского подполья. Аналогична ситуация и с темой Холокоста. Единственный раз Президент Л.Кучма обращался к этой тематике (хотя во всем выступлении не было ни одного упоминания о Холокосте или жертвах еврейского народа) в своей речи, посвященной 60-летию трагедии Бабьего Яра. В остальных обращениях по случаю событий Второй мировой войны эта тематика отсутствовала. Наши наблюдения подтверждает и исследование В.Кравченко, который, на основе анализа советского прошлого в исторической памяти современного украинского общества подчеркивает, что празднование Дня Победы и советское трактование Великой Отечественной войны, часто противопоставлявшееся концепции Второй мировой войны, занимали особое место в государственной политике украинского руководства вплоть до “оранжевой революции” [26, с. 342].

Характерную тенденцию обнаруживает анализ частоты обращений Л.Кучмы и В.Ющенко к исторической тематике. Заметно постоянное увеличение количества обращений у обоих украинских президентов к историческому прошлому (у Л.Кучмы — от 1 упоминания в 1994 году до 10 в 2004-м; у В.Ющенко в 2005 году — 23, в первой половине 2006-го — 18). Кроме того, у В.Ющенко находим еще 19 упоминаний о тех или иных исторических событиях в выступлениях, непосредственно не касавшихся истории. Можно утверждать, что В.Ющенко весьма активно использует историческое прошлое для обоснования современной ситуации в Украине и ее места в глобальном пространстве.

Еще одна, общая для Л.Кучмы и В.Ющенко, черта заключается в том, что основным фокусом их обращений является Вторая мировая война: среди 38 обращений Л.Кучмы, посвященных тем или иным историческим событиям, — 12 (31,6%) относятся к этой тематике, у В.Ющенко — 11 (или 27%).

Следующими по частоте обращений в официальных выступлениях Л.Кучмы являются три утверждающих государственность события: День Соборности и провозглашение УНР (7,9%), День Незави-

симости (7,9%) и День Конституции (7,9%). Столько же упоминаний посвящено Дню памяти жертв Голодомора (7,9%).

У нас было недостаточно материала, чтобы проанализировать частоту упоминаний о других исторических праздниках в официальных речах В.Ющенко, поскольку они имеют преимущественно календарно-циклический характер (на данный момент прошло всего 1,5 года с момента его избрания). Обратимся к содержательному анализу выступлений нового украинского Президента и попытаемся проследить основные элементы артикулируемой им исторической модели. Далее по частоте обращений после событий Второй мировой войны в его речах фигурируют упоминания о Голодоморах 20-х, 30-х и 40-х годов прошлого века (16 упоминаний — 9,5%), репрессиях и депортациях (14 упоминаний — 8,3%), Холокосте и страданиях в концлагерях (13 упоминаний — 7,7%), периоде козаччины (13 упоминаний — 7,7%) и принятии Филиппом Орликом “первой в Европе Конституции” (9 упоминаний — 5,3%).

Как видим, В.Ющенко обращается преимущественно к драматическим событиям XX века. Нарратив, выстраивающийся на этой основе, апеллирует к теме страданий и виктимности. Вместе с тем он является полифункциональным и сочетает два дискурса — национальный и либеральный.

С одной стороны, апелляция к драматическим событиям призвана консолидировать национальное сообщество, закрепить чувство общности через пережитое:

“Наша победа — это праздник украинской государственности. В этот день вспомним героев, павших за Победу, мучеников Освенцимов и ГУЛАГов, жертв Голодоморов, депортаций и Холокоста”.

“Самые большие в истории человечества трагедии стали испытанием для нашей нации в прошлом веке. Двумя мировыми войнами, Голодомором и Холокостом, уничтожением духовных святынь чужие империи хотели превратить нашу землю в свою покорную окраину. Древо нашего рода потеряло много лучших ветвей. ... Мы, украинцы, познали великую историческую истину — только свобода спасет народ, только независимость выведет его на ясные зори и тихие воды”.

С другой стороны, в речах В.Ющенко формируется такая модель исторического прошлого, которая соответствует построению инклюзивной политической нации, базирующейся на принципах мультикультурализма и взаимной толерантности. Соответственно национальный нарратив выстраивается вокруг исторических событий, значимых для разных национальных групп, проживающих на территории Украины:

“Я — сын нации, пережившей самые страшные трагедии XX века — Голодомор и Холокост. 60-летие Победы Объединенных Наций над нацизмом еще раз напоминает о нашем долге — искоренить любые проявления антисемитизма и ксенофобии, гарантировать права меньшинств”.

“Для меня Освенцим отдается в сердце личной болью, подробностями отцовских рассказов, которые я передаю своим детям, горсткой земли, на которой я поклялся никогда не допустить в Украине никаких проявлений антисемитизма или любой нетерпимости к другим нациям, религиям, языкам и культурам. Освенцим и гитлеризм, ГУЛАГ и советский тоталитаризм, Холокост и Голодомор в Украине в 1932–1933 годах, унесший почти 10 миллионов людей и долгие годы замалчивавшийся сталинским режимом, железный занавес, депортация целых народов и расстрелы мирных демонстрантов, преследование инакомыслящих и другие ужасы, которые пережила Европа в двадцатом веке, заставляют нас в первую очередь помнить об общей ответственности за судьбу каждой европейской страны, о недопущении линии раздела и построения новых берлинских стен, за которыми можно безнаказанно совершать и скрывать любые преступления”.

Мультикультурный дискурс артикулируется В.Ющенко и путем внедрения новой традиции — поздравления представителей крупнейших религиозных конфессий в Украине (православных и греко-католиков, римо-католиков, мусульман и иудеев) с их наиболее важными религиозными праздниками, обычно составляющими национальный календарь.

Вместе с тем основная часть исторических лиц и событий, артикулируемых в выступлениях В.Ющенко, касаются украинской модели национального прошлого. Апеллируя к историческому прошлому, он активно пытается “вписать” Украину и ее историю в более широкий (центрально-)европейский или глобальный контекст:

“Американская Конституция осуществляла прорыв в извечной борьбе человечества за свободу. Именно отсюда [с Филадельфии] началась ее победная поступь. Она продолжается уже более двух веков. Ее не останавливают ни железные занавесы, ни колючая проволока на границах, ни старые линии раздела. Польская “Солidarность”, чешская бархатная революция, падение берлинской стены — за жизнь только одного поколения людей демократия полностью изменила европейское пространство. Украинская нация первой продолжила эти изменения в XXI веке”.

Пожалуй, можно было ожидать, что В.Ющенко, который в ходе президентской кампании 2004 года позиционировался СМИ как национально (если не националистически) ориентированный поли-

тик, будет стремиться полностью вытеснить из своего дискурса элементы исторической модели советского прошлого. Однако, как показывает анализ, он активно продолжает начатую Л.Кучмой тенденцию поздравления граждан с такими советскими праздниками, как 23 февраля (“Поздравления ветеранов Великой Отечественной войны и военнослужащих Вооруженных Сил Украины”), 8 Марта, 9 Мая, День партизанской славы, День ветерана, День славянской письменности и культуры, хотя несколько смещает акценты. Единственный советский праздник, имевший место в приветствиях Л.Кучмы, но отсутствующий в выступлениях В.Ющенко, — 1 Мая.

Конструируя официальный исторический дискурс, В.Ющенко достаточно селективно обращается к советскому прошлому, выбирая центральной темой именно события Второй мировой войны. Но, в отличие от Л.Кучмы, приветствуя героев Второй мировой войны, В.Ющенко больше подчеркивает украинские достижения или потери:

“Война всегда имеет человеческое измерение. Олесь Гончар, Олеся Телига, Алексей Берест и многие другие — каждый из них и миллионы других украинцев любили свою страну, любили Украину. Каждый из них защищал и погибал собственно за Украину”.

“Сегодня, в день 9 Мая весь украинский народ чтит каждую невинную душу, погибшую во время войны; каждого воина, боровшегося за свободу; каждое сердце, болевшее за Украину”.

“Вся украинская нация в едином порыве боролась за свою державу. Сыны и дочери Украины шли ради нее на смерть и страдания, хотя по-разному видели ее путь в будущее”.

Дискурс В.Ющенко о Второй мировой войне представляет собой некий гибрид, в котором, с одной стороны, используются элементы советской героической риторики о Великой Отечественной войне, далекие от рационального осмысления этих событий, а с другой — впервые в официальный исторический дискурс вводится проблема Холокоста в Украине (хотя и не поднимается вопрос о роли украинцев в уничтожении евреев), депортации крымских татар², а также тема украинского подполья. При этом ударение делается на необходимости взаимопонимания и взаимопрощения:

“В единой братской могиле похоронены евреи и украинцы, русские и цыгане, венгры и поляки. Все они — дети украинской земли, и сегодня мы вспоминаем каждую невинно уничтоженную душу. Наша память должна стать предупреждением для всех, кто пыта-

² У Л.Кучмы есть выступления в связи с годовщиной депортации крымских татар, однако в своих обращениях, посвященных Победе в Великой Отечественной войне, он никогда не упоминает крымских татар.

ется посеять зерна раздора в нашей многонациональной семье. Украина пережила и Голодомор, и Холокост”.

“Убежден, что в этот день [9 Мая] достойны слов солидарности наши соотечественники — крымские татары, которых с особым цинизмом поразила и война, и послевоенные репрессии”.

Все эти вопросы замалчивались как в советском дискурсе, так и в речах Л.Кучмы. Поздравив участников украинского освободительного движения по случаю 63-й годовщины создания Украинской повстанческой армии, В.Ющенко впервые вводит это событие в официальный исторический дискурс Украины. Начав диалог вокруг украинского повстанческого движения, В.Ющенко делает первые шаги по демифологизации советского нарратива Великой Отечественной войны и созданию такой модели празднований, которая была бы более приемлемой для жителей западных регионов Украины.

“Украинцы встали на защиту своей Родины, мужественно боролись на всех фронтах, ковали победу в тылу, в партизанских отрядах, в подполье на оккупированной территории. Неотъемлемой частью этой борьбы стало украинское освободительное движение, участники которого отстаивали суверенное право нашего народа жить в собственном государстве, дружбе и согласии. Настало время примирения и взаимного прощения в нашем обществе. Наши ветераны внесли свой вклад в уникальную победу во Второй мировой войне, в Великой Отечественной войне. Благодаря этому состоялась и Украина”.

“Прошло 60 лет после Великой Победы. В своих сердцах мы простили немцев, японцев, поляков. Мы простили всех, кто, возможно, был по другую сторону окопа. Мы не успели простить только самих себя. Ветераны Великой Отечественной войны, к сожалению, пока не подали руку ветеранам Повстанческой Армии”.

В процессе формирования воображаемого социального пространства каждой национальной группы важную роль играет мифологизация национальных героев, в которой активное участие принимают политические элиты. Проанализировав речи Л.Кучмы, можно утверждать, что в своих обращениях он избегал любых упоминаний (как позитивных, так и негативных) о деятелях национального героического пантеона, связанных исключительно с Западной Украиной, однако часто обращался к деятелям XIX и XX веков, действовавшим в центральных или восточных областях Украины: Б.Хмельницкому, Т.Шевченко, М.Грушевскому, М.Драгоманову. Именно эти фигуры сигнифицируются как новый украинский героический пантеон:

“Отдаем дань благодарной памяти величайшим фигурам и духовным отцам нации — от равноапостольного князя Владимира, Тараса Шевченко и Михаила Грушевского до известных и безы-

мянных борцов за свободу и независимость Украины в более поздние и недавние времена” [27].

“Я возлагал цветы к памятникам Владимиру Святому, Тарасу Шевченко и Михаилу Грушевскому. Именно эти люди олицетворяют стремление украинского народа к своей государственности” [28].

“В созвездии выдающихся сынов и дочерей Украины поистине титанической фигурой является Богдан Хмельницкий, с именем которого связаны само бытие Украины, ее выход на арену мировой истории, первоосновы становления современной политической украинской нации. Подобно легендарным героям древности, Богдан для украинского народа является настоящим Отцом Отчизны, олицетворением единства и преемственности ее истории — от Киевских времен до героической Казацкой эпохи, национального возрождения и освободительной борьбы 20 века” [14, с. 107].

“В пантеоне национальных героев навеки запечатлены имена рыцарей воинской доблести и борцов за свободу Украины, государственных мужей и гениальных мыслителей, но на вершине исторического пьедестала был и остается Поэт. 190 лет назад украинская земля дала миру своего Мессию Тараса Шевченко — сына крепостного крестьянина, ставшего властителем в царстве духа” [29].

В своих выступлениях, которые артикулируют героев и героическое прошлое, Л.Кучма в основном упоминал наиболее известных исторических деятелей, являвшихся в свое время частью украинского советского нарратива и соответственно в равной мере позитивно воспринимающихся на Востоке и на Западе страны. Исключение составляет только М.Грушевский, культ которого (как первого Президента Украины) важен для обоснования легитимации современного института президентства и связанных с ним коммеморационных практик. В.Ющенко в своих речах, напротив, демонстрирует значительно более широкий репертуар исторических событий или персоналий (свыше 50 исторических событий и более 60 исторических персоналий). Среди исторических деятелей, упоминающихся чаще всего, — персоналии, репрезентирующие национальную историю: Ярослав Мудрый, Владимир Великий, И.Мазепа, Ф.Орлик, Б.Хмельницкий, Т.Шевченко, М.Грушевский. Однако, конструируя исторический дискурс, В.Ющенко пытается выйти за рамки национального нарратива, активно используя в своих выступлениях региональные референтные образы-образцы (И.Франко, А.Шептицкий, Н.Руденко, И.Свитличный, В.Стус, И.Дзюба, А.Соловьяненко, С.Бубка, Р.Пономарев), а также известных мировых лидеров (Наполеон, У.Черчилль, Дж.Вашингтон, Дж.Кеннеди, Иоанн Павел II, Л.Валенса). Обращаясь к историческому прошлому страны, Л.Кучма преимущественно останавливается на отдельных событиях или

героях и не выстраивает на их основе какой-либо более сложной модели или схемы. В.Ющенко, конструируя официальный исторический дискурс, часто выстраивает сложные цепи эквивалентности из разных исторических событий и/или персоналий, которые фиксируются доминирующими определителями: нация, демократия, общеевропейское пространство:

“Русь-Украина сама свободно выбрала себе веру, и князь Владимир крестился не вождем покоренного племени, а властелином государства, раскинувшегося от Крымского Корсуня до Балтийского берега. Союза с той древней Украиной искали и Византия, и мусульманский мир, и европейские государства. Из тех веков в наши сердца пришла уверенность — мы можем сами определять свою судьбу, мы можем быть равными среди равных в кругу других народов. Украинская казацкая держава передала нам твердое убеждение — каждый имеет свои права и свободы, у каждого есть святой долг защищать их. Там наши предки прошли науку чести и достоинства, равенства и демократии. Первая в Европе Конституция Филиппа Орлика — бессмертная слава украинской мысли и украинской свободы. Вся наша дальнейшая история убеждает — в народной памяти стремление к свободе осталось навсегда. Пророческое Шевченково слово, труд мыслителей и подвижников наших от Франко и Грушевского до Хвильевого и Стуса вселили в нас непоколебимую веру в Украину”.

В выступлениях Л.Кучмы украинское общество представлялось как гомогенное и в прошлом, и в настоящем, и в будущем: “Мы доказали — и прежде всего самим себе — что являемся народом, духовным целым, объединенным как общей памятью о прошлом, так и заботой и ответственностью о будущем” [25, с. 217]. И далее: “Источник силы и твердости духа нашего народа, залог его исторической перспективы — в единстве украинских земель, сплоченности людей, общности их помыслов, планов и действий. Это завещали нам в начале XX века творцы и исполнители “Акта Злуки”. Это должны делом подтвердить в новом столетии мы — украинский народ” [25, с. 218]. Для речей В.Ющенко тема единства украинского общества также чрезвычайно важна, ведь после раскола, происшедшего в обществе в ходе событий ноября–декабря 2004 года, перед политическими элитами, которые пришли к власти, встала задача создания такого официального дискурса, который помог бы “сшить” общество. Тема единства присутствует почти во всех его речах и обращениях, однако здесь прослеживается сочетание национального и либерального дискурсов, а узловой точкой, вокруг которой выстраиваются цепи эквивалентности, служит лозунг из европейского дискурса о “единстве в разнообразии”:

“Мы знаем, что Украину строит каждый из нас, на каком бы языке он ни говорил, в какой бы храм ни ходил, каким бы политическим взглядам ни симпатизировал. У всех нас одна судьба и одна Украина”.

“Региональное многообразие следует рассматривать как основу украинской национальной идентичности. В этом, собственно, заключается наша сила”.

“Духовное возрождение нации должно опираться на собственную правдивую историю, которой предстоит пройти через сердце и душу каждого гражданина, каждой этнической общины Украины. Она должна быть без белых пятен или недоговорок, в равной мере “своей” для жителя Киева или Донецка, Львова или Симферополя. Это — основа для консолидации украинского общества”.

В речах обоих Президентов присутствует акцент связи Украины и ее прошлого с Европой. В выступлениях Л.Кучмы украинцы предстают как “великая нация в центре Европы”, которая когда-то играла важную роль в европейской истории:

“Мы стали европейцами не сегодня, о чем красноречиво свидетельствует наша история. Украина в течение многих веков была неотъемлемой частью европейской цивилизации, играла важную роль в ее становлении и развитии. Достаточно вспомнить средневековое Киевское государство, занимавшее влиятельное место среди тогдашних стран Европы. Поддерживать связи с ним считали за честь ведущие силы мира” [30].

“Мы — испокон веков — европейцы, здесь, на нашей земле, во времена великого Гомера прославились античные Ольвия и Херсонес, творил гениальный Овидий. Здесь встречал посланников Византии и принимал христианство великий князь Владимир — лидер одной из самых влиятельных в тогдашней Европе державы — Киевской Руси” [28].

Подобно Л.Кучме, В.Ющенко подчеркивает в своих выступлениях культурно-историческую принадлежность Украины к Европе. Ударение делается на ценностях демократичности и стремлении к свободе, доминирующих в современном западном политическом словаре. В своих обращениях В.Ющенко представляет их как изначально присущие украинцам:

“Наши предки издавна включились в процессы построения государства и законотворчества. “Русская правда” — кодекс законов Ярослава Мудрого — дала собственный, неповторимый ответ на проблему справедливости и правосудия. Первая в Европе Конституция Филиппа Орлика, написанная еще в 1710 году, предлагала путь к демократии в украинском казацком государстве. Поиск свободы, справедливости и чести стал поиском украинской

идентичности в новые времена. Гений Тараса Григорьевича Шевченко возвестил о рождении в центре Европы украинской нации. Я вижу здесь многих людей, которые уже давно увидели Украину в семье европейских народов”.

“Корни Украины — в Европе. Ее история неотделима от хроники континента. Ее культура создавалась в едином европейском процессе, в ней оставили след и греческие полисы на берегах Черного моря, и постмодернизм конца XX века. Украинцы будут среди народов, которым предстоит определять новый облик Европы. Границы Европы определяются общими ценностями, которые исповедуют ее народы. Украинцы доказали — свобода, демократия и верховенство права являются их идеалами, которые они готовы защищать и утверждать”.

Как видим, официальный исторический дискурс и пропагандируемая им модель национального прошлого, проявлявшиеся в обращениях Президента Л.Кучмы в течение 1994–2004 годов, имели амбивалентный характер. Для определения национального прошлого он часто использовал события и праздники, содержавшие конфликтные идеологические и символические значения. С одной стороны, происходило активное “возрождение” отдельных элементов досоветской модели конструирования прошлого, таких как: Владимир Великий, Б.Хмельницкий, Т.Шевченко, с одновременным (пере)определением советских символов и формированием новых коммеморационных практик, например, Дня независимости или Дня Конституции:

“Украинский народ почти через триста лет после первой попытки закрепить украинскую государственность конституционно, осуществленной Филиппом Орликом в 1710 г., наконец скажет свое окончательное “да” конституционному оформлению своего продвижения от Киевского государства 10 ст. к новейшему Украинскому государству конца 20 ст.” [14, с. 191–192].

“Извечное стремление нашего народа к свободе нашло историческое воплощение 24 августа 1991 года в Акте провозглашения независимости Украины” [14, с. 203].

С другой стороны, не подтвердилось наше предположение о том, что украинские властные элиты этого периода попытаются “порвать” с советским историческим прошлым, чтобы тем самым ослабить свою символическую связь с дискредитированным советским политическим и культурным наследием. В речах Л.Кучмы, наоборот, наблюдалась постепенная инкорпорация прежних советских исторических мифов и коммеморационных практик в новую модель презентации украинской истории.

Подобное балансирование между украинским и советским прошлым, между прозападными и провосточными ориентациями, с од-

ной стороны, могло способствовать созданию “усредненной” модели исторического прошлого, “сближению” регионов, а с другой — давало возможность каждому региону, в предложенных Президентом дискурсивных рамках, сигнифицировать свои элементы (праздники, персоналии, события) исторического прошлого и репродуцировать их в региональных коммеморационных практиках, тем самым воспроизводя имеющиеся различия. Такого мнения придерживается и В.Кравченко. Он считает, что возвращение в публичный дискурс советской исторической символики и мифологии не приведет к ощутимым изменениям в уже имеющихся национальных идентичностях населения и присущих каждой из них проекциях недавнего прошлого. Это полезно для политического выживания господствующей политической элиты, но в действительности только консервирует и углубляет раскол в обществе по культурным, языковым и региональным признакам [26, с. 364]. Подобные выводы подтверждают и события ноября–декабря 2004 года, когда общество продемонстрировало незаурядную мобилизационную активность на основе региональных, национальных и других социокультурных идентичностей.

В выступлениях В.Ющенко частота обращений к истории самая высокая, а репертуар используемых событий, фактов и персоналий — более широкий, чем у Л.Кучмы, однако структурно и тематически речи обоих президентов весьма подобны. Оба стараются сочетать в своих речах элементы национального и советского дискурсов, но прибегают при этом к разным стратегиям. Л.Кучма использует стратегию национальной амнезии, а В.Ющенко — привлечения либерального дискурса единства путем осознания различий.

Далее мы рассмотрим особенности конструирования официального исторического дискурса в Российской Федерации и структуру пропагандируемой им модели национального прошлого на примере заявлений Президента, попробуем сопоставить их с украинским случаем. Анализ тематического содержания речей В.Путина свидетельствует о том, что частота обращений российского Президента к историческому прошлому существенно ниже, чем в случае его украинских коллег (по сравнению с В.Ющенко — в 6 раз). Но аналогично тенденции, которую мы наблюдаем у Л.Кучмы, в речах В.Путина фиксируется увеличение частоты обращений к истории с 8 в 2000 году до 13–15 в 2003–2004-м. На 2005 год (60-я годовщина окончания Второй мировой войны) приходится пик заинтересованности историей российского Президента (28 обращений).

В период общественных изменений перед властными элитами встает потребность в создании новых официальных моделей исторического прошлого, поскольку апелляция к историческому прошлому служит важным легитимационным фактором новых политических

институтов. Для достижения этой цели могут применяться две стратегии — “возрождение” отдельных элементов досоветской (национальной) модели конструирования прошлого и/или параллельное формирование новых. Мы видим это на примере выступлений В.Путина, где он отмечает годовщины основных политических институтов (10-летие принятия Конституции Российской Федерации, 100-летие российского парламентаризма, 80-летие Верховного Суда, 200-летие Министерства экономического развития и торговли) и ключевых культурных учреждений (225-летие Государственного Академического Большого театра, 200-летие музеев Московского Кремля). Видно также, что официальный исторический дискурс создает новые коммеморационные практики, среди которых — поздравление Президента, посвященное Дню принятия Декларации (который со временем трансформируется в День России), Дню Конституции и (с 2005 года) Дню национального единства. Однако следует отметить, что изменение исторических символов и значений, приписываемых определенным институтам, событиям или личностям, происходит не как процесс замены одного другим, а как сложная борьба, в результате которой происходит иногда частичное вытеснение, иногда частичное наложение и даже гибридизация моделей исторического прошлого. Помимо новоучрежденных российских праздников, некоторые праздничные речи В.Путина посвящены нескольким бывшим советским праздникам — День Победы, День защитника Отечества, 8 Марта, однако совершенно отсутствуют упоминания о 1 Мая или 7 Ноября. Этот перечень праздников подобен тому, который находим в речах В.Ющенко. Среди обращений российского Президента к советскому прошлому можем назвать поздравления по случаю 70-летия введения звания “Герой Советского Союза”, 80-летия принятия Плана ГОЭЛРО, 70-летия ДнепроГЭС, 85-летия газеты “Известия”, вручения государственных наград СССР ветеранам Великой Отечественной войны и т.п.

Традиционно большое внимание российский Президент уделяет годовщинам разных воинских формирований (70-летие Президентского полка, 70-летие Воздушно-десантных войск, 100-летие подводного флота, 195-летие МВД, 50-летие со дня открытия космодрома Байконур) и ежегодному празднованию профессиональных праздников военных и силовых структур — Дня космонавтики, Дня внутренних войск, Дня сотрудников органов безопасности, Дня милиции. Одним словом, как и украинские президенты, В.Путин пытается инкорпорировать старые советские исторические мифы и коммеморационные практики в новую модель репрезентации российской истории, но делает это с большей интенсивностью. Абсолютное большинство (две трети) исторических событий, артикулируемых в официальном

дискурсе В.Путина, приходится именно на советский период, остальные поровну делятся между досоветской и современной российской историей. Кроме приветствий, непосредственно посвященных тому или иному историческому событию или личности, российский Президент также использует ссылки на разные исторические факты и события в своих речах для интерпретации или легитимации широкого спектра явлений внутренней и внешней политики России.

Исторический дискурс, используемый российским Президентом, имеет две модальности — международную и внутреннероссийскую. Выступая на многочисленных международных встречах, В.Путин использует довольно широкий репертуар исторических деятелей и событий. В этих выступлениях в число исторических персоналий преимущественно включены известные российские и иностранные ученые и художники (А.Солженицын, Л.Гумилев, А.Толстой, Рерихи, Ф.Достоевский, А.Чехов, А.Пушкин, И.Кант, И.Гете, Т.Шевченко, А.Кунанбаев, А.Мицкевич) и выдающиеся политические деятели (Петр I, Екатерина II, Александр II, П.Столыпин, А.Линкольн, Наполеон, Ш. де Голль). Посредством обращения к таким референтным образам-образцам конструируется образ России как страны, имеющей органичную связь с европейским сообществом:

“Россия всегда ощущала себя неотъемлемой частью европейской цивилизации. Нас сближают общая история, давние политические, экономические и культурные связи. Давайте вспомним, что по территории Древней Руси шел легендарный путь “из варяг в греки”, объединявший север и юг средневековой Европы. Веками мы нарабатывали багаж сотрудничества, и сегодня, убежден, есть все необходимые условия для того, чтобы пополнить его новыми общими делами”.

“Российский народ всегда чувствовал себя частью большой европейской семьи, был связан с ней едиными культурными, моральными, духовными ценностями”.

Среди исторических репрезентаций прошлого, к которым апеллирует российский Президент в своих зарубежных выступлениях, весомое место занимают упоминания о примерах культурного взаимодействия или установления дипломатических связей России с ведущими государствами Запада:

“Российско-германским отношениям столько же лет, сколько самим нашим странам. Первые германские племена появились на территории России в конце первого века”.

“В этом году мы отмечаем и 200-летие Договора о содружестве между Россией и Францией”.

“История отношений России с Данией исчисляется веками. Еще в 1493 году в Копенгагене был подписан союзный договор, который

имеет очень красивое название и хорошо звучит сегодня, — ‘О любви и братстве’”.

“Если окинуть взглядом два с лишним столетия наших отношений, то одно бросается в глаза сразу: на крутых поворотах истории, в так называемые “моменты истины”, когда на карту было поставлено подчас само существование наших государств, Россия и Америка всегда стояли вместе. Они были вместе на заре американской независимости, когда — вспомним и об этом — русская императрица Екатерина II вежливо, но собственноручно и решительно отказала королю Георгу III в просьбе прислать русских солдат для участия в подавлении восстания в американских колониях”.

Выбор именно этих исторических событий и артикуляция их в официальных текстах В.Путина, произносимых в ходе международных визитов, призваны создать образ давности и непрерывности экономических, политических и культурных отношений России с главными западными партнерами, скрыть разрывы, возникшие в советскую эпоху.

Подобно тенденции, которую мы наблюдали в речах украинских президентов, В.Путин использует историческое прошлое для легитимации европейскости России, демонстрации ее принадлежности к единому европейскому пространству. При этом сравнение речей трех президентов выявляет следующее: в попытках “вписать” свою страну в европейское культурное пространство каждый из них апеллирует к историческому наследию древнерусского государства Рюриков. В процессе дискурсивного структурирования пространства нации происходит апроприация или “национализация” исторического события путем приписывания ему разных значений в рамках российского или украинского официального дискурса.

Л.Кучма: “Здесь [на нашей земле] возникла древняя европейская династия потомков легендарного Рюрика, состоявшая в родстве с правящими домами Германии, Польши, Англии, Чехии, Византии, Франции, Австрии, Венгрии, Дании, Болгарии, Норвегии”.

В.Ющенко: “Это наши, европейские ценности, и я убежден, что Украина находится не на обочине их формирования. В очень многих обстоятельствах мы были в фарватере формирования этих ценностей. Ярослава Мудрого называли тестем Европы, поскольку эта страна имела коммуникации со многими странами европейского мира”.

В.Путин: “Давняя история связей России и Франции дает прекрасную возможность едва ли не каждый год считать юбилейным в наших отношениях. Достаточно вспомнить, что 950 лет назад дочь Ярослава Мудрого Анна, став женой французского короля Генриха I, взойшла на французский трон”.

Еще одна тенденция, которая прослеживается в текстах официальных речей В.Путина, заключается в том, что в своих зарубежных выступлениях он гораздо активнее использует элементы мультiculturalного и либерального дискурсов, нежели внутри страны:

“Российская Федерация — это уникальное место на земле. Уникальность заключается в том, что здесь, как ни в каком другом месте планеты, десятилетиями и столетиями люди разных культур и разных религий не только уживались вместе, не только веками жили в мире и добрососедстве, но помогли друг другу и ощущали себя близкими родственниками”.

К тому же в свои международные выступления он включает упоминания о тех исторических событиях, которые замалчиваются во внутреннем национальном дискурсе и составляют часть национальной амнезии (например, Холокост, пакт Молотова–Риббентропа, события в Венгрии 1956 года, Голод в Украине, сталинские репрессии и т.п.).

Модель исторического прошлого, конструируемая В.Путиным для международного сообщества, включает также неоднократные обращения к теме Великой Отечественной войны, выступающей центральным историческим событием для всего российского официального дискурса. Однако за пределами России это событие получает иную смысловую нагрузку:

“Вторая мировая война сплотила в общей борьбе людей разных национальностей и религий. Перед лицом общей угрозы объединились представители разных стран, различных политических взглядов и убеждений. Сейчас, когда в мире поднимает голову терроризм и экстремизм, такой опыт единства особенно ценен. Он, безусловно, ценен и для антитеррористической коалиции государств, где Россия является последовательным союзником и партнером”.

“Наши отцы и деды делили все тяготы войны, но не делили Победу в 1945 году. Не делим ее мы и сейчас. Вторую мировую войну выиграли все союзники по антигитлеровской коалиции, немецкие антифашисты”.

Основной упор делается на опыт объединения разных стран в борьбе против общего врага (нацизма). Посредством апелляции к событиям прошлого, в которых важнейшую роль сыграла Россия/Советский Союз, делается проекция на современную ситуацию — деятельность антитеррористической коалиции.

Осуществленный нами анализ официального исторического дискурса, в рамках которого формируются и репродуцируются новые модели российского национального прошлого, подтверждает вывод Л.Гудкова о том, что Великая Отечественная война является цент-

ральным элементом коллективной идентификации россиян, концентрирующим все самые важные линии интерпретаций современности [31, с. 12]. Из общего количества речей Президента РФ, посвященных историческим событиям, 43% непосредственно касаются Великой Отечественной войны, еще 7,5 % посвящены Дню защитника Отечества (во время празднования последнего В.Путин выступает на собраниях ветеранов, а тексты своих речей структурирует вокруг Великой Отечественной войны). Президент России обращается к теме войны и победы еще в 10% своих обращений, посвященных другим историческим событиям (300-летию Санкт-Петербурга, 1000-летию Казани, 100-летию подводного флота и др.), а также в 25 обращениях, совсем не посвященных исторической тематике. Таким образом, в модели исторического прошлого, пропагандируемой российским официальным историческим дискурсом, Великая Отечественная война служит той узловой точкой, которая фиксирует цепи эквиваленции и структурирует означающие. В речах В.Путина День Победы определяется как “Великий и священный”, “самый главный”, “самый народный”, “самый родной, искренний и всенародный”, “дорогой и светлый”, “день национальной гордости”, “вершина славы”, “день нашего величия”, а Великая Отечественная война — как “жестокая”, “справедливая”, “праведная”, “героическая” и “легендарная”. Такого рода героизация и сакрализация события, которое фиксируется как центральный элемент модели исторического прошлого, пропагандируемой официальным дискурсом (“опорная точка нашей великой истории”, знание и память о которой обуславливают “бессмертие и величие Родины”), делает невозможной репрезентацию гетеротопности прошлого или попытку его рационального переосмысления. Этот героический дискурс пытается максимально маргинализировать любые проявления контр-памяти. В.Путин подчеркивает, что “святой долг каждого российского гражданина — хранить память об этом великом подвиге, уважать его как историю доблести, высокого патриотизма и силы духа”, он утверждает, что “правду об этой войне мы будем отстаивать. Бороться против любых попыток эту правду переименовать или исказить, принизить и пренебречь памятью павших. Потому что историю нельзя обмануть”. Здесь видим отличия в позициях В.Ющенко и В.Путина в плане переосмысления наследия Второй мировой войны. Как уже упоминалось, украинский Президент в своих речах впервые вводит в мифологизированный дискурс Великой Отечественной войны элементы других контрнарративов, создавая дискуссионное поле. Президент России, напротив, занимает весьма активную позицию в фиксации и пропагандировании ценностей, воспроизводящих советские модели героизации Великой Отечественной войны, служащие основой консоли-

дации общества и легитимации политического курса страны. Это находит отражение в конструировании коммеморационных практик. В 2005 году подготовка к празднованию 60-летия Победы объявляется “важнейшей общенациональной задачей” и определяются основные направления работы: “мы обязаны содержательно акцентировать решающий вклад Советского Союза в разгром фашизма”; “в оставшееся до юбилея время задать тон, соответствующий той роли, которую сыграла наша страна, наша армия, наш народ в Победе во Второй мировой войне. Именно с таким пониманием Великой Победы нужно подойти к организации всех мероприятий юбилея”; “Еще раз повторю: события Великой Отечественной — это опорные точки нашей великой истории, неисчерпаемый источник преемственности поколений и победоносных традиций в воспитании молодежи. И в таком ключе нужно строить и информационную кампанию, и всю культурно-просветительскую и патриотическую работу внутри страны. Второй важный аспект — это военно-мемориальная деятельность”.

Подобно тенденции, которую мы отмечаем в выступлениях Л.Кучмы, в речах российского Президента также прослеживаются попытки — параллельно с институционализацией на общенациональном уровне новых национальных праздников — превратить прежние советские праздники в новые и таким образом преодолеть конфликт между советской и национальной моделями прошлого. Коммеморации событий Великой Отечественной войны (включая отмечание Дня защитника Отечества) в обращениях В.Путина становятся теми ключевыми праздниками, вокруг которых структурируются и объединяются два дискурса — национальный и советский. Причем если в речах Л.Кучмы наблюдается постепенное вытеснение советского дискурса национальным, то в речах В.Путина они используются иногда параллельно, а иногда — как взаимодополняющие (“Россия испокон веку была страной-победительницей”; “истоки народной гордости и российского патриотизма”; “какую роль в Победе сыграло наше Отечество”; “фашистская агрессия против нашей страны оказалась наиболее жестокой. Ее целью было не только подавление воли, не только порабощение, но и уничтожение целого народа”; “Память о величии подвига советского народа”; “вы укрепили славу советского и российского оружия”; “все народы многонационального Советского Союза внесли свой вклад в общую копилку Победы”; “Это наш общий праздник. И день нашей общей памяти о том, как вместе шли к Победе”). Как показывает анализ, российские властные элиты не пытаются “порвать” с советским историческим прошлым или ослабить свою символическую связь с наследием Советского Союза. Наоборот, героическая символика Победы в войне использу-

ется для легитимации советского прошлого, включая его тоталитарные проявления:

“Еще сложнее обстоит дело с символами советской эпохи. Потому что живы еще люди, которые на себе испытали все ужасы сталинских лагерей. И мы не можем этого, конечно, не учитывать. Но если мы будем руководствоваться только этой логикой, тогда мы должны забыть и достижения нашего народа на протяжении веков. И неужели за советский период существования нашей страны нам нечего вспомнить, кроме сталинских лагерей и репрессий? Куда мы тогда с вами денем Дунаевского, Шолохова, Шостаковича, Королева и достижения в области космоса? Куда мы денем полет Юрия Гагарина? А как же победа весной 1945 года? Если мы подумаем обо всем этом, то мы признаем, что не только можем, но и должны использовать сегодня все основные символы нашего государства. Другое дело, что они должны быть соответствующим образом оформлены и систематизированы. И в этом ряду должно быть найдено достойное место и красному знамени, потому что именно этого цвета было знамя Победы нашего народа в Великой Отечественной войне ... Красное знамя может стать официальным знаменем Вооруженных Сил России”.

В выступлениях В.Путина находим также попытки выборочной десталинизации советского прошлого. В одном из своих выступлений, отвечая на вопрос журналиста, российский Президент замечает:

“Сталин, конечно, диктатор. Это человек, который руководствовался в значительной степени интересами сохранения личной власти, и этим очень многое объясняется. Проблема заключается в том, что именно под его руководством страна победила во Второй мировой войне, и эта победа в значительной степени связана с его именем”.

Как справедливо отмечает Л.Гудков: “Не случайно по мере возрастания символического веса Победы в войне восстанавливается авторитет Сталина (и как главнокомандующего, и как вождя народа). Сталин не просто возвращается, изменяется (по сравнению с периодом перестройки) характер его роли. Чем выше статус событий “войны”, телеологически организованных как цепочки событий, ведущих к заданной наперед Победе, тем дальше отходит память о сталинских репрессиях” [31, с. 13].

События войны и топос Победы выступают не только как символический центр, вокруг которого структурируется, объясняется историческое прошлое, но и как точка отсчета (“наше духовное богатство и духовный маяк”), через которую легитимируются идентичности, в частности национальная (“В крови, в традициях нашего народа, народов России всегда была особая любовь к Родине, готовность к ее защите, к самопожертвованию, если нужно. Так было во

все времена нашей великой истории”; “Мы отмечаем День Победы как день нашей национальной памяти и национальной гордости”; “Россию никогда не понять, если не знать, что же пережил наш народ во время войны”), гендерные роли (“И потому быть хорошим воином — это еще и быть настоящим мужчиной. Надо поклониться российским матерям, которые воспитывают солдат и настоящих мужчин. Тем, кто, провожая в армию сыновей, уверен в правильности сделанного ими выбора”; “Сегодня, 8 марта, мы, конечно, прежде всего должны вспомнить о тех женщинах, которые принимали активное участие в Великой Отечественной войне. Это матери, которые воспитали своих детей и сделали из них защитников России, настоящих защитников России”). Война выступает референтным “мерилом”, задающим определенную оптику оценки настоящего и будущего, становится основным мотиватором для выработки чувства единства и сплоченности против существующих угроз (“Спустя вот уже шесть десятилетий нам по-прежнему важна и эта опаленная память, и проявленная народом сплоченность. И нужно четкое, ясное отношение к урокам войны в связи с опасностью современных угроз”). Упоминания о войне и победе и формирование устойчивых эмоциональных связей с этими событиями становятся основой государственных мобилизационных практик, приобретающих особую актуальность в условиях чеченского конфликта:

“Все, что заложено нашими ветеранами, — самый большой дар, доставшийся нам от прошлых лет. Это умение любить свою страну и не жалеть для ее развития и благополучия ничего, в том числе и собственной жизни”.

“Сегодня на параде — сыновья и внуки солдат Великой Отечественной. Они держат равнение на Знамя Победы и готовы защищать Родину, суверенитет и достоинство страны, готовы, как вы, жить, трудиться и побеждать”.

Соответственно главным референтным образом-образцом в речах В.Путина становится человек в военной форме, для которого функционирование в экстраординарной модальности является нормой. Именно образ солдата или воина образует героическую основу национального прошлого:

“Вся история Государства Российского неразрывно связана с историей воинства. А армия была, есть и остается неотъемлемой составной частью самого народа российского. Этот крепкий союз был нужен нам всегда. Благодаря ему в самые тяжелые времена Россия отстаивала и свою независимость, и свое достоинство”.

“Вся история нашей страны буквально пронизана традициями, идеями и ценностями военного патриотизма. Патриотизм армии и

гражданственность российского офицерства во все времена питали духовность российского общества”.

Даже такие “мирные” сферы общественной жизни, как культурная или научная, встраиваются В.Путиным в содержательный ряд, связанный с героизацией военных (“Офицер в России всегда был и символом мощи страны, и образцом личной чести. Во все времена наши военные отличались отвагой быть первыми. И не только в воинских победах: история страны знает немало примеров в области культуры, науки, инженерной мысли, образования. Среди военных были и авторы великих географических открытий, дипломаты, ученые, всемирно известные писатели — достаточно вспомнить только такие имена, как Лермонтов, Толстой, Даль, Крузенштерн, Пржевальский, и многие-многие другие”). Исходя из того, что события Великой Отечественной войны составляют фундамент доминантной парадигмы объяснения прошлого, В.Путин структурирует национальный метанарратив именно через военную историю и глорификацию побед, одновременно окончательно вытесняя из российского пространства нации всяческие упоминания о поражениях:

“Подвиги российского воинства навеки вплетены в летопись страны. Мы восхищаемся ратниками Дмитрия Донского и Александра Невского, ополченцами Минина и Пожарского, героями Бородинского сражения, склоняем головы перед мужеством и самоотверженностью, самопожертвованием солдат Великой Отечественной войны”.

“В этот торжественный момент мы находимся на величественной Соборной площади Московского Кремля. Именно отсюда отправлялись в поход дружины Дмитрия Донского, на этой площади триумфальным колокольным звоном чествовали ополченцев Минина и Пожарского. В Кремле праздновал Полтавскую победу Петр I. Здесь стояли в развернутом парадном строю лучшие воины России”.

Весьма иллюстративна в этом случае роль новых российских праздников, ведь День России и День Конституции и их символика относятся к либеральному дискурсу, который трудно сочетать с пафосно-военным:

“Сегодня мы отмечаем День принятия Декларации о государственном суверенитете России. С этого документа начался отсчет нашей новой истории. Истории демократического государства, основанного на гражданских свободах и верховенстве закона. Сегодня мы живем в другой стране. Изменилась сама природа российской власти, государственности, изменился ее конституционный строй”.

Вместе с тем либеральный дискурс не имеет такого мощного мобилизационного ресурса. Таким образом, конструируя националь-

ный метанарратив, В.Путин обходит эти праздники стороной, поскольку они не вписываются в модель российского прошлого, в которой центральным структурирующим символом является Великая Отечественная война. Отличие официального исторического дискурса, репрезентируемого украинскими президентами, заключается в том, что для них День Независимости — это узловая точка, основной символ нации, представляемый как день “осуществления извечной мечты украинского народа”. Однако у российского Президента появляется потребность создания такого праздника, который бы, с одной стороны, символизировал новую российскую историческую традицию, не связанную с предыдущим политическим режимом, а с другой — вписывался в предлагаемую модель национального прошлого, для которой война и победа являются структурирующими означающими. Таким праздником становится введенный в 2005 году День национального единства, который может послужить интересным примером конструирования современных коммеморационных практик как “изобретенных традиций”. Объявляя новый государственный праздник, Президент России пытается легитимировать его через апелляцию к прошлому, создав иллюзию его историчности (“Сегодня мы впервые отмечаем День народного единства. Этот новый государственный праздник пока только входит в нашу жизнь, но его смысл и значение имеют глубокие духовные и исторические корни”). Артикулируя новую коммеморационную практику, В.Путин объединяет национально-патриотический дискурс, где узловой точкой является тема войны и победы, с элементами либерального и мультикультурного дискурса (единства в многообразии):

“Само название праздника настраивает на определенный лад. Всему наперекор звучит вдохновляюще — единение, народное единство. И повод замечательный. Мы знаем, что в 1611–12 годах здесь происходили очень серьезные события. Мы Кремль всегда называем политическим и духовным центром России. Когда здесь оказался неприятель, это поставило под угрозу существование всего Российского государства. То, что освобождение пришло именно в результате объединения народа, причем объединения народа самого разного — самых разных конфессий, национальностей, вы знаете, что собственно движение началось с Поволжья, с Нижнего Новгорода и с Казани, — это особенно символично и особенно важно для нашей многонациональной страны”.

“Это была победа патриотических сил, победа курса на укрепление государства за счет объединения, централизации и соединения сил. С этих героических событий началось духовное возрождение Отечества, началось становление державы — великой и суверенной. Пока мы будем ощущать такое единство внутри себя, до тех пор Россия будет непобедима”.

Предложенное определение празднования хорошо вписывается в пропагандируемую В.Путиным модель исторического прошлого. Однако учрежденные праздники оказываются успешными лишь тогда, когда они воспринимаются социумом и включаются в систему коллективных представлений об историческом прошлом. Остается опасность того, что новые праздники могут не восприниматься рядовыми гражданами, вызывая сомнения в их необходимости или валидности того прошлого, которое они призваны репрезентировать.

Наше исследование содержит только анализ структуры и образов прошлого, которые функционируют и репродуцируются в рамках официальных исторических дискурсов России и Украины, представленных в выступлениях президентов. Оно не учитывает доминирующие парадигмы понимания и объяснения прошлого, продуцируемых другими элитами России и Украины, а также тот факт, что упомянутые модели национального прошлого могут конфликтовать с “личной” памятью рядовых граждан. Чтобы судить о том, насколько удачны предложенные президентами России и Украины модели исторического прошлого и в какой мере они соответствуют историческим представлениям их граждан, нам следует провести дополнительное исследование и выяснить уровень интернализации описанных выше дискурсов.

В целом же в российских и украинских официальных исторических дискурсах много схожих элементов. Главным образом, это — слияние советского нарратива с национальным и включение в эту модель отдельных аспектов либерализма, а также подчеркивание собственной извечной европейскости. Однако соотношение этих элементов различно, что указывает на бóльшую дистанцированность украинского руководства (особенно В.Ющенко) от советской модели исторического прошлого и его бóльшую ангажированность в созидание новой политической нации, с одной стороны, а с другой — на ключевую роль военно-патриотической репрезентации прошлого в публичном дискурсе российского руководства.

Литература

1. *Лебедева Н.М.* Социально-психологические и индивидуально-личностные факторы этнической толерантности-интолерантности в межкультурном диалоге // Межкультурный диалог. Лекции по проблемам межэтнического и межконфессионального взаимодействия / Под ред. М.Ю.Мартыновой, В.А.Тишкова, Н.М.Лебедевой. — М.: Изд-во РУДН, 2003. — С. 204–255.
2. *Хомяков М.Б.* Идентичность, толерантность и идея гражданства // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной

- России / Отв. ред. В.С.Магун. — М.: Изд-во Института социологии РАН, 2006. — С. 30–56.
3. *Park R.E.* The Concept of Social Distance // *Journal of Applied Sociology.* — 1924. — Vol. 8. — P. 339–344.
 4. *Park R.E.* The Urban Community as a Special Pattern and a Moral Order // *The Urban Community* / Ed. by E.W.Burgess. — Chicago, 1927. — P. 3–18.
 5. *Bogardus E.S.* Measuring Social Distance // *Journal of Applied Sociology.* — 1925. — Vol. 9. — P. 299–308.
 6. *Bogardus E.S.* Immigration and Race Attitude. — Boston; N.Y., 1928; *Bogardus E.S.* Social Distance. — Yellow Springs, 1959.
 7. *Bogardus E.S.* Forty Year Racial Distance Study. — Los Angeles, 1967.
 8. *Головаха Е.И., Паніна Н.В., Чурилов Н.Н.* Киев 1990–1991: Соціологічне репортажи. — К.: Наукова думка, 1992.
 9. *Golovakha E., Panina N.* The Development of a Democratic Political Identity in Contemporary Ukrainian Political Culture // *Nationalism, Ethnicity, and Identity. Cross-National and Comparative Perspectives* / Ed. by R.Farnen. — New Brunswick, 1994. — P. 403–425.
 10. *Головаха Е.И., Паніна Н.В.* Социальное безумие. История, теория и современная практика. — К.: Абрис, 1994.
 11. *Panina N.* Interethnic Relations and Conflict in Ukraine // *Post-Soviet Puzzles* / Ed. by K.Zegers, S.De Spiegeleire. — Baden-Baden, 1995. — Vol. 4. — P.101–122.
 12. *Panina N.* Ukrainian Society 1994–2005: Sociological Monitoring. — Kyiv: Institute of Sociology NAS, 2005. — 132 p.
 13. Вступне слово Президента України Л.Кучми на науковій конференції “Нові політичні реалії України на межі тисячоліть” 15 листопада 2000 року. — <http://www.president.gov.ua/activity/zayavinterv/speakto/28.08.2001>.
 14. *Кучма Л.* Вірю в український народ. — К., 2001. — Т.1. — С. 267.
 15. Звернення Президента України Л.Кучми до українського народу з нагоди Дня соборності України. — <http://www.president.gov.ua/activity/zayavinterv/speakto/27609416.html> 06.01.2005.
 16. Звернення Президента України Л.Кучми до українського народу з нагоди Дня Перемоги. — <http://www.president.gov.ua/activity/zayavinterv/speakto/1027770823.html> 06.01.2005.
 17. Звернення Президента України Л.Кучми до українського народу з нагоди Воскресіння Хрестового. 11 квітня 2004 року. — <http://www.president.gov.ua/activity/zayavinterv/speakto/27609416.html> 06.01.2005.
 18. Звернення Президента України Л.Кучми до козаків України з нагоди Дня українського козацтва. 14 жовтня 2003 року. — <http://www.president.gov.ua/activity/zayavinterv/speakto/198351042.html> 06.01.2005.

19. Націю звеличують великі цілі і діла. Виступ Президента України Л.Кучми у Верховній Раді України 22 лютого 2000 року. — <http://www.president.gov.ua/activity/zayavinterv/speakto/28.08.2001>
20. Звернення Президента України до Верховної Ради України у зв'язку з посланням Президента України до Верховної Ради України “Про внутрішнє і зовнішнє становище України у 2000 році”. 6 березня 2001 року. — <http://www.president.gov.ua/activity/zayavinterv/speakto/28.08.2001>.
21. *Wanner C.* Burden of Dreams. History and Identity in Post-Soviet Ukraine. — Pennsylvania, 1998.
22. Президент України привітав український народ зі святом Першого травня. 30 квітня 2003 року. — <http://www.president.gov.ua/activity/zayavinterv/speakto/155082930.html> 06.01.2005.
23. Звернення Президента України з нагоди 58-ї річниці Перемоги у Великій Вітчизняній війні. 8 травня 2003 року. — <http://www.president.gov.ua/activity/zayavinterv/speakto/157194396.html> 06.01.2005.
24. Звернення Президента України Л. Кучми з нагоди 56-ї річниці Перемоги у Великій Вітчизняній війні 1941–1945 років. 9 травня 2001 року. — <http://www.president.gov.ua/activity/zayavinterv/speakto/27609454.html> 28.08.2001.
25. *Кучма Л.* Україна — європейська держава. — К., 2001. — Т.2. — С. 330.
26. *Кравченко В.* Бой с тенью: советское прошлое в исторической памяти современного украинского общества // *Ab Imperio*. — 2004. — № 2. — С. 342.
27. Виступ Президента України Л.Кучми на відкритті Монумента Незалежності України. 23 серпня 2001 року. — <http://www.president.gov.ua/activity/zayavinterv/speakto/28.08.01>.
28. Звернення Президента України Л.Кучми з нагоди Дня Європи. 17 травня 2003 року. — <http://www.president.gov.ua/activity/zayavinterv/speakto/159529275.html> 06.01.2005.
29. Президент України звернувся до українського народу з нагоди 190-річчя від дня народження Тараса Шевченка. 6 березня 2004 року. — <http://www.president.gov.ua/activity/zayavinterv/speakto/06.01.2005>.
30. Звернення Президента України Л. Кучми з нагоди Дня Європи. 15 травня 2004 року. — <http://www.president.gov.ua/activity/zayavinterv/speakto/06.01.2005>.
31. *Гудков Л.* “Пам’ять” про війну та масова ідентичність росіян // *Критика*. — 2005. — № 5. — С.11–15.

3.1. Коллективные идентификации украинцев в возрастной перспективе

Екатерина Иващенко

В поисково-исследовательской части мониторинга “Украинское общество–2006” была применена чрезвычайно интересная методика измерения “мы-идентификаций”, предложенная несколько лет назад группой польских социологов и впоследствии апробированная в России. Методика позволяет выявить условные самоидентификации респондента в сопоставлении его с окружающими людьми, группами людей или обществами. Соотнесение себя с другими в ответе на вопрос “*О ком из приведенных групп Вы можете сказать “Это — мы”*” дает возможность почувствовать близость к воображаемому коллективу или отчужденность от него и определить собственную идентичность через так называемые группы отношений (*groups references*) [1, с. 222]. Поскольку эта методика в мониторинге применялась впервые, полученные данные позволяют нам пока лишь зарегистрировать существующее условное преобладание тех или иных групповых идентификаций среди опрошенных, без фиксации возможно проявляющихся временных трендов.

Прежде чем привести и прокомментировать некоторые, наиболее интересные данные исследования, позволим себе несколько замечаний, важных для правильного понимания социальной природы и адекватной интерпретации функциональной роли коллективных идентичностей в так называемых переходных обществах. Во-первых, следует понимать, что хотя в рамках разных политических, национальных, религиозных и других идеологий коллективная идентичность достаточно часто используется как “первозданная реальность” [2] бытия общества или группы, она не является врожденным свойством ни одного из общественных образований и может выступать лишь как абстрактное понятие, теоретические рассуждения о котором требуют определения координирующих наше представление о нем концептуальных конструктов. Не имея возможности для об-

основания выбора одной рабочей концепции из ряда самостоятельных теоретических разработок известных идеологов “идентичности”, отметим, что мы разделяем точку зрения исследователей, считающих, что, во-первых, социальные сообщества как таковые не имеют никакой коллективной идентичности и не могут их самостоятельно конструировать (понятие “мы” создается, скорее всего, отдельными индивидами — лидерами, идеологами, руководителями — и потом опосредованно, через различные каналы коммуникации, транслируется членам группы), и, во-вторых, “мы-идентификация” членов группы происходит не вследствие самостоятельно осознанной необходимости определения себя как части определенного сообщества, а скорее как результат “социального запроса”. Вопрос “Кто ты? К какой группе ты принадлежишь?” возникает у индивида не сам по себе, а как реакция на взаимодействие с окружением. Иначе говоря, мы определяем себя для других, вписывая свой социальный образ в систему ситуационно сконструированных иерархий “мы-идентичностей”. Хотя “сущность” коллективной идентичности относительна и условна, она, тем не менее, способна играть важную мобилизационную и интеграционную роль в обществе: осознание единства с группой становится основой солидаризации, придает смысл коллективному действию во имя общих интересов. Не исключается также и дезинтеграционная направленность действий сообщества, осознающего отчужденность от других и видящего противоречие между своими интересами и интересами других групп. В обществах, переживающих комплексные трансформации, наблюдается своего рода кризис коллективных идентичностей, происходит постепенное разрушение их привычной иерархии. Прежние объединительные идеологемы теряют свое функциональное значение, а новые, еще недостаточно артикулированные, в условиях углубления экономического неравенства и усиления социальной диверсификации имеют ограниченный солидаристический потенциал.

Вопрос о распространенности тех или иных коллективных идентичностей среди представителей разных возрастных групп представляется нам чрезвычайно интересным, поскольку возраст человека маркирует определенные условия его социализации, происходящей на фоне комплексных экономических, социально-политических, культурных процессов в обществе: каждому этапу исторического развития, каждому возрасту общества и возрасту человека в этом обществе присущая своя “мозаика идентичностей” [3, с. 256]. Попробуем выяснить, какие модели коллективных идентичностей на современном этапе присущи представителям разных возрастных групп, и является ли различие между их возрастными иерархиями настолько

существенным, чтобы можно было прогнозировать развитие новых групповых общностей среди молодого поколения.

Рассуждая о признаках изменений социокультурного проекта современности и генезисе идентичности нового типа, российский социолог Ю.Согомонов пишет: “человек постсовременный становится человеком рефлексии и выбора своей социальной самости и культурной самобытности (идентичности)”. Он “в принципе может выбирать для себя буквально все, что угодно, включая и степень его включенности в социальную жизнь, и семейные функции, и сексуальную идентичность, и этническую принадлежность” [4, с. 183]. Очевидно, признаки подобной “открытой модели” идентификации в первую очередь должны проявляться среди младшего поколения, менее зависимого (по крайней мере, на уровне самопрезентации) от жестких кодов так называемого пространства социальной нормативности. Однако данные мониторингового опроса “Украинское общество–2006” дают нам основания утверждать, что, невзирая на различные условия социализации представителей разных возрастных групп и присущие им особые стили позиционирования себя в социальном пространстве, разница между “мозаиками идентичности” разных возрастных групп не настолько значима, чтобы можно было говорить об изменении социокультурного проекта и формировании коллективной идентичности нового типа.

Обобщенная структура идентификационных предпочтений населения Украины (рис. 3.1) подтверждает весьма популярный у современных исследователей переходных обществ тезис о наблюдающемся среди населения этих обществ преобладании посттоталитарных транзидентичностей. Так, хотя почти 83% респондентов могут отнести себя к группе “граждане Украины” (эта идентификация лидирует в предложенной шкале), чуть больше половины (51%) также могут связать себя с группой “советский народ”. Заметим, что идентификация по государственно-гражданским, национально-этническим, территориально-поселенческим и религиозным признакам (“граждане Украины”, “те, кто живет в нашем населенном пункте”, “люди той же национальности”, “славяне”, “люди той же религии, что и я”) в целом доминируют над стратификационно-статусными (“люди той же профессии”, “люди, относящиеся к среднему классу”) и ценностно-идеологическими идентификациями (“приверженцы украинских народных традиций”, “те, кто близок нам по взглядам”, “разделяющие европейские ценности”), также является тенденцией, типичной для постсоветского транзитивного общества. Отмеченные наблюдения, хоть и в неодинаковой степени, но все же проявляются среди разных возрастных групп респондентов.

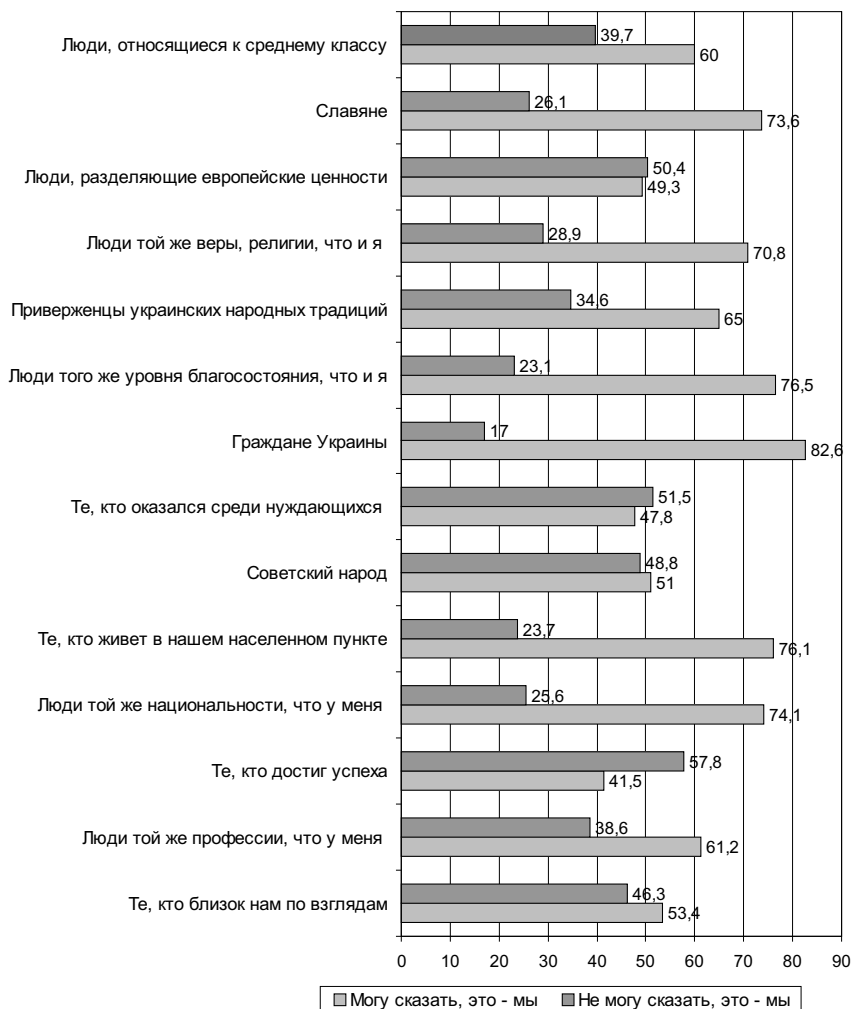

Рис. 3.1. Распространенность «Мы-идентификаций» среди населения Украины по совокупным ответам («Не могу сказать, это — мы» включает варианты: «наверное, не могу сказать» и «совершенно не могу сказать, это — мы». «Могу сказать, это — мы» включает варианты: «по-видимому, могу сказать» и «безусловно могу сказать, это — мы»), %

Если проанализировать, какие из коллективных идентификаций наиболее дифференцированы по возрасту (табл. 3.1), можно заметить, что наиболее противоречивой, учитывая численное различие между «приверженцами» и «отстраненными», является символично-гражданская идентификация «советский народ»: она объединяет 65% опрошенных в возрасте старше 55 лет и только 39% — в возрасте до

30 лет. Достаточно контрастно выглядят также показатели идентификации на основе имущественной депривации: 61% опрошенных в старшей возрастной группе могут сказать “это — мы” об оказавшихся среди неимущих, тогда как среди респондентов до 30 лет таких 35%. Заметно различаются также показатели идентификации по самооценке достижений, причем среди людей в возрасте старше 55 лет значительно меньше тех, кто идентифицирует себя с “достигшими успеха”. Отметим также, что средняя возрастная группа (от 30 до 55 лет) является в известной мере “плавающей”: в приверженности к некоторым из идентичностей она по показателям приближается к младшей возрастной группе (это, прежде всего, касается стратификационно-статусных идентификаций — “люди той же профессии, что и у меня”, “те, кто достиг успеха”, “люди, относящиеся к среднему классу”, и некоторых ценностных ориентаций — “приверженцы украинских народных традиций”, “люди той же веры”), но в других предпочтениях (в первую очередь идеологических — общность с разделяющими те же взгляды и поддерживающими европейские ценности) она ближе к старшей возрастной группе.

Таблица 3.1

**“Мы — идентификации” населения Украины
по возрастным группам, %**

Могу сказать “ЭТО — МЫ”	До 30 лет	От 30 до 55 лет	Старше 55 лет
Те, кто близок нам по взглядам	47,3	55,1	55,8
Люди той же профессии	62,2	63,9	56,6
Те, кто достиг успеха	44,6	43,6	36,8
Люди той же национальности	73,7	72,6	77,7
Те, кто живет в нашем населенном пункте	74,5	74,1	81,1
Советский народ	39,1	47,9	65,1
Те, кто оказался среди неимущих	35,4	45,8	61,2
Граждане Украины	83,8	81,9	84,0
Люди того же уровня благосостояния, что и я	74,1	76,6	79,4
Приверженцы украинских народных традиций	61,1	63,8	70,6
Люди той же веры, религии, что и я	68,3	69,4	75,7
Люди, разделяющие европейские ценности	54,1	48,9	46,9
Славяне	71,0	72,7	77,8
Люди, относящиеся к среднему классу	64,8	61,0	55,4

Несмотря на существование определенных возрастных различий в иерархии “мы — идентификаций” (табл. 3.2), полученные данные позволяют утверждать, что структура идентификационных предпочтений населения Украины приблизительно одинакова среди всех возрастных групп. Доминируют в “мозаике идентичности” граждан Украины государственно-гражданская и национально-этническая “мы–общность”. Очевидно, что некоторые идентификации (прежде всего те, что основаны на символично-гражданской и идеологической общности, обусловленной общим советским прошлым) более распространены и устойчивы среди представителей старшей возрастной группы, однако постепенно маргинализируются и среди молодых людей. Другие (в первую очередь стратификационно-статусные) идентификации более актуализированы среди людей молодого и среднего возраста. Отмеченные тенденции вполне оправданы, учитывая дифференцированные условия реализации жизненных стратегий разных социально-демографических групп населения Украины.

Таблица 3.2

**Распространенность “мы–идентификаций”
в возрастных группах населения Украины**

<i>Уровень распространности, %</i>	<i>До 30 лет</i>	<i>От 30 до 55 лет</i>	<i>Старше 55 лет</i>
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>
80 и больше	Граждане Украины	Граждане Украины	Граждане Украины Те, кто живет в нашем населенном пункте
79–70	Те, кто живет в нашем населенном пункте	Люди того же уровня благосостояния, что и я	Люди того же уровня благосостояния, что и я
	Люди того же уровня благосостояния, что и я	Те, кто живет в нашем населенном пункте	Люди той же национальности
	Люди той же национальности	Славяне	Славяне
	Славяне	Люди той же национальности	Люди той же веры, религии, что и я Приверженцы украинских народных традиций

Окончание табл. 3.2

69–60	Люди той же веры, религии, что и я	Люди той же веры, религии, что и я	Советский народ	
	Люди, относящиеся к среднему классу	Люди той же профессии	Те, кто оказался среди неимущих	
	Люди той же профессии	Приверженцы украинских народных традиций		
	Приверженцы украинских народных традиций	Люди, относящиеся к среднему классу		
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	
59–50	Люди, разделяющие европейские ценности	Те, кто близок нам по взглядами	Люди той же профессии	
			Те, кто близок нам по взглядам	
			Люди, относящиеся к среднему классу	
49–40	Те, кто близок нам по взглядами	Люди, разделяющие европейские ценности	Люди, разделяющие европейские ценности	
	Те, кто достиг успеха			Советский народ
				Те, кто оказался среди неимущих
	Те, кто достиг успеха			
39–30	Советский народ		Те, кто достиг успеха	
	Те, кто оказался среди неимущих			

Безусловно, данных одного исследования недостаточно, чтобы определить возможные тенденции развития идентификационных предпочтений представителей разных возрастных групп и предположить вероятность ситуативной актуализации определенных «мы-идентичностей». Использование предложенной шкалы в будущих опросах мониторинга Института социологии НАНУ «Украинское общество» позволит сделать следующий шаг в исследовании динамики распространенности коллективной идентичности среди граждан Украины и выявить тренды, присущие чрезвычайно чувствительному к социально-экономическим, политическим и культурно-идеологическим условиям процессу определения своей идентичности на фоне осознания других групповых общностей.

3.2. Идентичность и толерантность в студенческой среде московских гуманитарных вузов

Екатерина Арутюнова

Чтобы выйти на прогноз ситуации с межэтнической толерантностью в будущем, в проекте был предусмотрен квотный опрос студенческой молодежи¹. Опрашивались студенты старших курсов гуманитарных факультетов трех московских вузов — РУДН, ГУ ВШЭ и АПУ. Выбор обусловлен тем, что сегодняшние студенты в скором будущем составят интеллектуальную элиту нашего общества, будут влиять на идеологию и транслировать ее обществу. Результаты количественного опроса мы дополнили данными лейтмотивных нарративных интервью [5], проведенных нами со студентами для уточнения и углубления картины результатов².

В силу возраста опрошенные (большинство от 19 до 22 лет) весьма восприимчивы, при этом особое влияние на них может оказывать идеология, выражаемая с большей эмоциональностью, жесткостью, яркостью. Нынешняя молодежь имеет ряд особенностей по сравнению с более старшими поколениями: большинство студентов выросли и сформировались в новой России, “советская” идентичность, все еще значимая для старшего поколения, для молодежи не так актуальна. Кроме того, для молодых может быть более значимым влиянием семейной среды, воспитания.

Общегражданское единство, идея политической нации находят поддержку среди студентов (опрос показал высокую значимость для них государственной идентичности). Сказать “это — мы” обо всех гражданах России могут в той или иной мере 89% опрошенных сту-

¹ Исследование государственно-гражданской, этнической идентичностей и межэтнических установок студентов московских вузов (РУДН, ГУ ВШЭ, ГУТН, АПУ) в рамках среднесрочной городской программы “Москва многонациональная: формирование гражданской солидарности, культуры мира и согласия (2005–2007 годы)”. Опрос проводился в апреле–октябре 2006 года. Всего по анкете опрошено 155 студентов. Исследование базируется на квотном отборе респондентов. Критериями отбора были: обучение на факультетах социально-гуманитарного направления московских вузов; возраст 21–22 года, то есть обучение на IV курсе по двухступенчатой системе образования. Кроме того, с применением метода полуструктурированного интервью были проведены интервью с 17 студентами.

² Интервью проведены Е.М.Арутюновой.

дентов, из них часто ощущают единство со всеми гражданами России 34%, иногда — 55%. Однако этническая идентичность все же преобладает. Единство с людьми своей национальности в той или иной мере ощущают 93% опрошенных студентов, из них часто — 46%, иногда — 47%.

В ходе интервью мы попросили уточнить — какие смыслы вкладывают студенты в выражение “быть россиянином, быть гражданином России”. Оказалось, что студенты разделяют такие состояния как “ощущать себя гражданином России” и “ощущать единство с гражданами России”: *“Да, себя чувствую россиянкой, а по поводу единства — иногда ощущаю его, иногда нет”, “Гражданин России — это человек, который родился в России и поэтому имеет гражданство. Есть же физическое состояние — родился в России, жить можешь где угодно и не чувствовать себя россиянином, и духовное — ощущать единство, даже если родился в другой стране, но просто живешь в России. И эти состояния различны”.*

“Ощущение себя гражданином России” сопряжено с идентификацией с государственными институтами, лояльностью к государству и его лидеру, а также фактическим пребыванием на территории государства: *“Быть россиянкой... жить здесь и паспорт иметь российский”, “то, что я живу в этой стране, соблюдаю законы, являюсь носителем русского языка, который является официальным в России”, “Я ощущаю себя россиянкой, когда заходит речь о государстве — в любом аспекте — экономическом, политическом... Когда слушаю речи президента, вообще, когда слышу В.В.Путина, слышу о нем, то вот, наверное, мое очень положительное отношение к нему, оно провоцирует возникновение ощущения самобытности российской”.*

“Ощущение единства с гражданами России” связано с чувством эмпатии — сопереживанием, взаимным переживанием общности народа, оно более эмоционально, чем предыдущее: *“Мне здесь жить нравится. ... Я здесь выросла, прекрасно понимаю уклад, устройство жизни россиянина”, “Человек должен понимать, в какой стране он живет, разделять ценности, экономическое, политическое состояние страны должно его волновать. Какая-то связь духовная должна быть”, “Есть какое-то чувство родины, можно даже сказать — гордости за то, что россиянин”, “Я живу в России, я люблю свою страну, значит, я россиянка. Считаю, что россиянин должен любить и принадлежать своей стране”.*

Гражданско-государственная идентичность не актуализирована, ее ощущение возникает в конкретных обстоятельствах — за границей, в ситуациях, связанных с оформлением виз, документов, причем ее ощущение может быть связано с негативными эмоциями: *“для нас*

часто проблема в получении виз, а, например, граждане каких-то других стран могут без виз путешествовать или проще их получить”.

Для русских студентов гражданско-государственная и этническая идентичности совмещены: *“Для меня это связанные вещи. Я счастливый человек, потому что я русская и россиянка одновременно. Я живу в государстве, где у меня совпадает национальность и гражданство”, “Русский и россиянин — разве разные понятия? Я об этом особенно не задумывался, но считаю, что это одно и то же. Не вижу причин, по которым можно считать, что это не одно и то же. Другие национальности... наверное, если они знают русский язык, живут на территории России и главное, хотят быть русскими — почему нет?”.*

Представления о российском народе включают основные элементы, характерные для россиян в целом, по данным общероссийских опросов. Основные из них — русский язык, территория. К теме территории России студенты обращаются часто — и при обсуждении интегрирующих идей, когда территория представляется проблемным фактором (*“Россия большая страна и очень разная”, “У нас большая территория, за ней сложно следить и сложно ею управлять. Простой пример: пытались бороться с национальными противостояниями в Москве, а взрыв получили в Кондопоге”*); и при определении места России в мире (*“У нас ведь 1/6 часть суши, это же очень немало... с территорией нельзя не считаться, мы сами не можем не считаться с тем, что у нас такая территория. В мире наша роль должна быть пропорциональной нашим территориям и богатствам, по крайней мере, у нас есть для этого больше возможностей, я не думаю, что какой-нибудь Люксембург сильно может чем-то управлять, ведь у него ничего нет”*). Территории придаются мистические черты сходства с “русской душой”: *“Территория, конечно, наше богатство... я бы провела аналогию с душой нашей... открытость... и широта души”*. Территория обозначается как признак особого значения народа России: *“Мы можем быть сильным государством, обладая такой значительной частью мировых природных ресурсов, в то же время, это ответственность. В мировом масштабе”*.

В структуре представлений о российском народе значимы история, достижения (*“Очень много в науке, в культурных достижениях было сделано нашими людьми”, “народ, который выиграл Великую Отечественную войну. Даже речь не вообще о военных достижениях, а сам факт — смогли остановить... что-то особенное проявил народ в этом”*). Демонстрируются представления об общих чертах российского/русского народа (*“Мы вообще самодостаточные”, “Терпимость какая-то, всеприемлемость... ведь мы довольно просто и не напряжно сливаемся со всеми остальными, не сильно сопротивляемся”, “Нашим людям только лениться бы поменьше, это характерная черта”*).

Патриотизм студенты связывают как с эмоциональными проявлениями, так и с конкретными действиями: *“Патриот — человек, который любит родину. Который готов ее защищать”*. Действия подразумевают активный созидательный подход: *“Патриотизм может быть как активным, так и пассивным, это зависит больше от характера человека. Но активные патриоты — это явно не те, кто стоят на митингах, бьют себя в грудь и кричат “Я люблю Россию”! Настоящие патриоты — это те, кто делает что-то, чтобы продвигать нашу страну”, “Быть российским патриотом для меня значит выполнение законов, защита родины. Причем защита не только с военной точки зрения, защита — это развитие страны”, “Для меня патриотизм — это не активно-наступательная стратегия, в военном смысле, это не агрессивность... если говорить о том, какие сейчас идут подвижки в стране — укреплять армию, обороноспособность... лучше бы укрепляли социальную сферу”*.

Мнения об **интегрирующей идее** среди студентов различны. Кто-то считает, что такой идеи в современном российском обществе нет — россияне объединены не идеей, а общими обстоятельствами: *“Только общие проблемы нас объединяют”, “Все стремятся хоть как-то улучшить жизнь, это сейчас объединяет. И это выражается не только в попытках получить больше материальных благ, но и в попытках получить более продуктивное правительство”*. Отсутствие интегрирующей идеи является проблемой для общества, причем она связана со сменой эпох в истории страны: *“За счет того, что долгое время у нас был и не СССР, и не Россия, не понятно что, вот за счет этого слова, мы до сих пор не можем его переступить. Очень сильна разница между поколениями”*.

По некоторым мнениям, интегрирующие идеи есть, но они не эффективны: *“Может потому, что у нас сейчас отсутствует сформулированная свыше, от правительства, идея, возникает какая-то идея внутри, но низкого качества — как все плохо. Но хорошо, что она хотя бы есть”*. К неэффективным идеям студенты отнесли также идею объединения против чего-либо: *“На мой взгляд, проще объединяться против чего-то. Проблема нашего государства, как я считаю, в том, что мы можем объединиться против чего-то внешнего, противопоставить себя чему-то. Но какой-то силы, которая просто сближает, нет”, “Первое, что мне приходит в голову — противоречие с Америкой. Россия, мне кажется, всегда противопоставлялась Америке, и в сознании многих людей это есть — есть Америка, есть Россия, и мы как-то не явно, но против. ... Люди не любят Америку. Наверное, эта идея способна нас сплотить, но это не самая хорошая идея для сплочения, хотя я сама это чувствую, но головой я понимаю, что это не хорошо. Идея изначально конфликтна”*.

Так или иначе, интегрирующая идея для российского общества, по мнению студентов, необходима, но определенно сказать, какой она могла бы быть, для них нелегко. Выдвигаются несколько вариантов, например, **повышение благосостояния граждан**: *“Может, хоть как-то поднять наше государство, на какой-то уровень, хоть какие-то социальные показатели увеличить, то есть повышение уровня жизни, это могло бы стать целью”*.

Развитие, процветание государства — через повышение гражданской активности: *“Нас могло бы объединить стремление самим исправить ситуацию в России, а не ждать... если мы перестанем ждать, что придет правитель, который нас спасет, в государственном плане, то мы можем стать очень активными, и вот эта активность могла бы нас объединить”, “Для нас было бы лучше объединиться как-то и сделать себя полноценным государством. Сплотиться должны граждане страны, те, кто смогут, во имя развития, процветания государства”*.

Державность как идея, способная стать интегрирующей, также высказывается: *“Россия, на самом деле великое государство, но сейчас она переживает один из своих худших моментов. ... Идея того, что сейчас Россия в очень плохом состоянии, а на самом деле она другая, и то, что мы ждем того, что придет какой-то один правитель, который нас всех спасет — эта идея во всей нашей истории, внутри нашего менталитета сидит. Эта идея нас сейчас объединяет”, “Идея сделать Россию великой державой может нас объединить, это связано с историей, с двумя войнами, к которым мы имели непосредственное отношение. Еще это связано с тем, что такая большая страна, а вторая такая большая страна — США, которые сейчас становятся все сильнее”*.

Обращение в беседе к теме США как основного конкурента в борьбе за лидерство вполне характерно при обсуждении идей державности: *“Сейчас Россия, естественно, претендует на звание мировой державы, но не мирового гегемона, каким себя позиционируют США. То есть Россия хочет, возможно, в союзничестве со странами бывшего СССР, изменить мир под себя. И это правильно, мы должны стремиться стать одним из лидеров, потому что однополярный мир, каким он был после распада СССР, себя исчерпал. Поэтому, естественно, Россия не должна стремиться завладеть всем миром, а должна быть просто наравне с другими. Россия должна стать такой державой, чтобы ее воспринимали как равную среди равных”*.

Примечательно, что студенты демонстрируют “позитивную, мирную” державность: *“Эту идею — великой страны — я оцениваю позитивно, но только если это не приведет к конфликтам, если в мирных целях, просто как идею для объединения, и не в русле противопостав-*

ления с Америкой, а в русле того, что мы большая сильная страна, что в случае каких-то конфликтов, угроз мы сможем защитить себя и может быть, еще кого-то”, “Речь не о том, чтобы сделать Россию лучшим государством мира, нет, к этому стремиться категорически не стоит, надо стремиться к тому, чтобы Россия была достойным государством, когда человек мог бы с гордостью сказать: я гражданин России”.

Студенты демонстрируют и защитные настроения, “оборонное сознание”: для России, по их мнению, существуют угрозы как внешние, так и внутренние. Главным “врагом” называли США, от которых ожидают сразу несколько угроз. США рассматривается в качестве конкурента в борьбе за мировое лидерство и ресурсы: “Долгое время у нас бытовало представление о США как враге. Они не враг, а конкурент. ... Сейчас США претендуют на наши ресурсы. Они нам самим нужны”, “У нас единственная угроза и достойный соперник — США. Они могут быть сравнимы с Россией. Хотя США меньше по территории, но они хорошо организованы, это их преимущество, организованность, систематизированность, другая ситуация на политической арене”. Политику США по отношению к России студенты рассматривают как манипулятивную, скрытую, нечестную: “Запад, Америка, в частности, с нами хитрят, нас обманывают, по-тихому прибирают все к рукам. Сейчас они не являются нашим врагом, сейчас они сотрудничают, но с явной выгодой для себя и невыгодой для нас”. Еще одна угроза — угроза культурной экспансии: “Всякие Макдоналдсы, фастфуды, ... но мы же это все принимаем”, “Америка для всех — угроза. Выражается это в насаждении культуры. Культуры МТВ, Макдоналдса... индивидуализации... когда дети думают о том, что надо зарабатывать деньги, считают доллары уже в 5 лет, это ужасно, этого не должно быть, это угроза”. Наконец, от США, по мнению студентов, может исходить прямая военная угроза.

Угрозы, по мнению студентов, могут исходить и от других государств. В частности, некоторые государства могут претендовать на территорию России: “Еще я бы врагом назвала Китай. Если учесть то, что я слышала о попытках заполучить территорию ... многие говорят, что то же самое с Японией, что если мы уступим в вопросе с Курилами, то ими дело не закончится. Очень большая часть Сибири — лакомый кусок для Японии или Китая”. Китай связывается еще и с угрозой культурной экспансии: “Есть латентная угроза со стороны Китая... опасность — в проникновении их культуры в нашу, то есть угроза нашей культуре”.

Не менее значимыми для России студенты называли внутренние угрозы — демографическую ситуацию, “фашизм”, “разобщенность”.

Идея **сильного государства** находит поддержку у студентов. России следует стремиться стать сильным государством; при этом сильное государство чаще отождествляется со страной вообще. У России есть объективное основание быть сильным государством — обширная территория: *“Большое государство должно быть сильным, оно подразумевает силу”*.

Какой должна стать Россия как сильное государство? Важным компонентом этого образа респонденты видели социальное благополучие граждан: *“В первую очередь, сильное государство обеспечивает хорошую социальную защиту своему населению”, “сильное государство — это защищенные люди, которые могут постоять за себя, за те блага, которые им государство дает. Тогда это будет на самом деле сильное государство”, “Правительство должно больше заботиться о своем населении”, “Чтобы поддерживать достойный уровень своего состояния, чтобы населения было защищено и жило нормально, нужно быть сильным государством. Государство должно быть для людей, а не для самого себя”*.

Необходим высокий уровень экономического развития, но при этом интервьюируемые отмечали, что оно должно быть самостоятельным: *“Чтобы нас не рассматривали просто как сырьевой придаток, как делают это сейчас”, “Мешает нам экономическая зависимость, почти полная, от воздействия глобализации”*.

В сильной стране, по представлениям интервьюируемых, должен быть единый народ. Студенты говорили о необходимости общей идентичности для российского народа: *“Единство, которого нам не хватает, чтобы быть сильной страной”*.

Примечательно, что по представлениям респондентов, гражданское общество — важная составляющая сильного государства: *“Чтобы было гражданское общество — вместо централизации, когда даже если у тебя есть право что-то сказать, тебя все равно никто не услышит”*. Формировать гражданское сознание можно с помощью системы образования: *“Надо через систему образования внедрять политическое сознание. ... Больше правовых уроков, связанных с политическими свободами, с творчеством, потому что это развивает свободный дух, понимание. Ну, то есть формировать гражданское сознание именно через систему образования”*.

Сильная армия сильному государству тоже нужна, но в целях защиты от гипотетических угроз, а не в агрессивно-имперских целях: *“Армия нужна не для того, чтобы оказывать влияние на политику”, “С военной точки зрения сильное государство тоже должно быть сильным. Но не как было в СССР — был бзик на танках, ракетах и прочем... нормальное вооружение должно быть, но не должны на это тра-*

титься все ресурсы государства. Все должно быть в меру. Это нам нужно для защиты”.

Сейчас, по мнению студентов, в перечисленных смыслах Россия не является сильным государством, но, возможно, остается таковым во мнении Запада — по инерции советских успехов: *“Нас держат за сильное государство, которое что-то может — то ли по воспоминаниям о прошлом, то ли помня о том, что такое русский авось, никто нас не трогает”*, *“Это государство, которое пытается доказать всему миру, что оно сильное, но все-таки, основываясь на сильных позициях прошлого государства, СССР”*, *“Раньше мы были сильным государством, а сейчас как бы по инерции”*, *“Уважение по всему миру, а не только боязнь — боязнь ядерного оружия, я имею в виду. Сейчас нас еще боятся, может, это осадок от прежнего, но что-то остается, боятся в каком-то саркастическом смысле”*.

С экономической точки зрения Россия представляется зависимым государством, сырьевым придатком Запада: *“Мы сейчас источник ресурсов. И немного — производства. А также потребитель товаров, производимых за рубежом”*. Отсутствие идеи, которая бы эффективно интегрировала российское общество, сказывается на восприятии страны: *“Россия для меня — нечто неясное”*, *“Сейчас Россия — это что-то большое и абсолютно несистематизированное, я даже не могу емко описать, я это чувствую, принадлежа к этому государству, но описать это сложно, это какая-то мощь, которую мы все ощущаем, но всему этому не хватает какой-то целостности, какой-то разумности, логичности и организованности”*.

Образ СССР нередко затрагивался в интервью — как с негативом, так и с положительными эмоциями. Из негативных впечатлений упоминаются гонка вооружений, отсутствие гражданского общества. В позитивном свете Советский Союз предстает в качестве государства, сплотившего общество: *“В СССР много было не только плохого ... там было много хороших начинаний, хотя бы идеи — зачем все это делается, зачем столько работается, зачем продвигаются какие-то моменты на политической сцене... была какая-то идея, зачем вообще люди живут”*, *“Вот были в советском обществе какие-то ценности, которые надо вернуть — уважение к своей культуре, к людям, окружающим тебя, уважение к семье, традициям, это хорошие ценности”*, *“Мы должны быть такой же большой страной, самодостаточной, только более демократической”*.

Сильное государство, быть которым России следует стремиться, включает в себя один из наиболее важных, по оценкам студентов компонент: влияние на международной арене: *“На сегодняшний день важно влияние, вес в международных отношениях. Не только с Америкой, а вообще с другими государствами. Присутствие в различных*

международных организациях, которых сейчас много, не только присутствие, но и сильное право голоса”. **Достижение более значительного места в мире, “достойных позиций”** — задача российского государства, по мнениям интервьюируемых, причем как с точки зрения уровня благосостояния граждан: “*В идеале Россия заслуживает высокого места, точно не какого-то там, в сотне, хотя бы в десятке, потенциал-то есть, чтобы нормально жить. Надо стремиться к высокому уровню жизни, как в европейских странах*”, так и с точки зрения влияния на мировую политику: “*Нужно стремиться к лучшему представлению своего государства. Нужно стремиться к тому, чтобы были не лучшие, но достойные позиции*”, “*Россия начинает стремиться к достижению тех же позиций, которые занимал СССР в прошлом. Но в мире ее не воспринимают серьезно. А должно быть — авторитетным должно быть наше государство. Наше государство должны уважать, прислушиваться к мнению нашего государства*”.

Идеи многонациональности, поликультурности России, учитывая ее историческое прошлое, могут стать объединяющим фактором. В ходе интервью высказывалась мысль: “*Если постоянно пропагандировать не мысль “Россия для русских”, а “Россия как многонациональная страна”, делать упор на это, думаю, это могло бы как-то сплотить. Если не делать упор на разность культур, а делать упор на то, что мы в одной стране живем, и давно живем, и хорошо жили... ну то есть общая территория, общая история и позитивный опыт проживания — это может нас объединить. Если делать упор на это, на то, что мы такие разные, но мы давно вместе*”. Идеологема ценности многонационального государства, которую, как было показано выше, можно увидеть в дискурсе государственной власти, может восприниматься. Однако направляет образ мысли и поведения повседневный дискурс, в котором, зачастую на языке вражды, обсуждаются проблемы миграции. А в какой-то мере ее слышат и активно действующие националистические организации.

На фоне высокого уровня ксенофобских настроений в целом по России студенты выглядят более терпимыми. Этноцентристские установки характерны приблизительно для трети опрошенных студентов — 37% из них поддерживают лозунг “Россия для русских”. Это те, кто имеет актуализированное этническое самосознание: почти 90% из них никогда не забывают о своей национальной принадлежности. Более низкий уровень этноцентризма в студенческой среде, вероятно, связан с уровнем материального благополучия, ощущением у большинства некоторой защищенности за счет родительской семьи, удовлетворенностью жизнью, общей культурой и с более низким ощущением конкуренции. Характерно, что в семьях с более низким социальным статусом уровень этноцентризма выше, чем в семь-

ях с более высоким статусом. Восприимчивость молодежи, неустоявшиеся жизненные позиции, мобильность делают молодых в значительной мере подверженными влиянию радикальных правонационалистических организаций, которые в связи с этим часто ориентируются именно на молодежь.

Этноцентристские установки у студентов чаще совмещены с антизападными: почти 2/3 из тех, кто поддерживает лозунг “Россия для русских”, согласны, что “Западные страны оказывают экономическую помощь, чтобы ослабить нашу страну”.

Идентификация по вероисповеданию в студенческой среде достаточно высока. Единство с людьми своей веры в той или иной степени ощущают 75% опрошенных студентов. “Верующими” и “скорее верующими” себя назвали 90% студентов. При этом обращает на себя внимание то, что представители других конфессий, кроме православия (мусульманство, католицизм, буддизм), более определенно называют себя верующими. Те же, кто называет себя православными, чаще выбирают вариант “скорее верующий, чем нет”, есть среди них “скорее неверующие” и “неверующие”. Это объясняется тем, что идентификация с православием шире, чем просто с религией, это в значительной мере культурная идентификация [6, с. 318]. Этот факт повышает возможности православия стать составляющей общероссийской идентичности. Возможность такой роли для православия подтверждается данными интервью: *“По-моему, православие сейчас очень здорово объединяет. Хотя не знаю. Может, это я просто так воспринимаю, через телевидение. Мне кажется, очень здорово насаждают сейчас определенную религиозность”*.

Часть студентов готова поддержать ограничение прав и свобод граждан ради наведения порядка в стране: так, 9% считают, что для этой цели можно запретить митинги и демонстрации в стране; 24% убеждены, что это возможно, но в зависимости от обстоятельств. Сходным является мнение по поводу возможности ограничения государством выезда за границу. Введение государственного контроля над СМИ как средства наведения порядка поддерживает уже бóльшая часть студентов — 31%, а 27% выбрали вариант “Зависит от обстоятельств”. Нарушение закона во имя порядка и безопасности в стране готовы поддержать 33%. Такие данные могут свидетельствовать о неустойчивости ценностей демократии среди студентов; также может иметь значение критичность молодежи, резкость оценок. Согласно опросам Левада-Центра, порядок (который трактуется как стабильность общества) преобладает в общественном мнении над демократией [7].

Итак, в целом первое десятилетие 2000-х годов примечательно тем, что в дискурсе власти сочетаются ценности демократии, свобо-

ды, социального благополучия и ориентации на усиление государства, державности, вертикали власти, укрепление вооруженных сил, обороноспособности страны, усиление влияния страны в мировом сообществе.

Идеологемы державности, охранительной защитной позиции, миссии российского народа на евразийском пространстве усилились во время второго срока президентства В.В.Путина. И эти идеологемы во властном дискурсе воспринимались россиянами.

Как показывает анализ общероссийских опросов по нашей проблематике, идеологемы державности, защитная позиция — идеологемы, ожидаемые от властного дискурса, воспринимаются россиянами и могут стать интегрирующими.

На фоне общероссийских выборок студенты гуманитарных вузов выглядят более открытыми, толерантными, миролюбивыми. В их среде уровень этноцентризма и ксенофобии ниже, чем в целом по стране.

Литература

1. *Данилова Е.* Через призму социальных идентификаций (сравнительное исследование жителей России и Польши) // Россия реформирующаяся: Ежегодник–2004 / Отв. ред. Л.М.Дробижева. — М.: Ин-т социологии РАН, 2004. — С.220–244.
2. *Миненков Г.* Идентичность и сообщество: источники самости и принадлежности / Концепт идентичности: перспективы определения. — <http://www.belintellectuals.com/discussions/?id=74>
3. *Черниш Н., Маланчук О.* Поколінські моделі особистісних ідентичностей: регіональні виміри // Харківські соціологічні читання : Збірка наукових праць. — Харків: Вид-во ХНУ, 2003. — С. 254–260.
4. *Согомонов А.* Солидаристические утопии высокой современности (о конструкциях “нового поколения и “рефлексивной” биографии” // Солидаризация в рабочей среде: социальное и индивидуальное / Под ред. В.Ядова. — М.: Дело, 1998. — С. 177–193.
5. *Квале С.* Исследовательское интервью. — М.: Смысл, 2003.
6. *Рыжова С.В.* Русское самосознание и православная идентичность: между миролюбием и экстремизмом // Россия реформирующаяся: Ежегодник–2004 / Отв. ред. Л.М.Дробижева. — М.: Ин-т социологии РАН, 2004. — С. 318–344.
7. *Левада Ю.* Общественное мнение на переломе эпох: ожидания, опасения, рамки. К социологии политического перехода // Мониторинг общественного мнения. — 2000. — № 3 (47). — С. 7–18.

4.1. Возможность совместимости гражданской и этнической идентичности: пример российских республик

Леокадия Дробижева

В наших исследованиях, на материалы которых мы опираемся в данном параграфе, делалась попытка в известной мере соединить социально-психологический и идеологический уровни изучения идентичности, но в целом доминировал социологический ракурс. Источником для рассмотрения проблем будут служить результаты социологических исследований, которые мы проводили по сопоставимой программе и выборке в 1994-м и 1999 годах в Татарстане, Саха (Якутии), в 1994-м в Северной Осетии — Алании (по 1000 респондентов в каждой республике), в 1999-м в Башкортостане (1347 респондентов). Для сопоставления приводятся данные по Оренбургской области (1999 год), где живут русские и татары (за пределами республики)¹. За 2002 год приводятся некоторые сравнимые данные по Татарстану и Саха (Якутии), полученные по руководимому Д.Барри-Барллет проекту “Этничность и доверие в постсоветском обществе” и любезно предоставленные нам в знак давнего сотрудничества по предыдущим проектам. Участники и организаторы с российской стороны — П.Козырева, М.Косолапов. Данные за 2007 год приводятся по результатам исследования с коллегами из Саха (Якутии)

¹ Привлекаются материалы трех проектов: “Национальное самосознание, национализм и регулирование конфликтов в РФ” (1993–1996 годы), “Этнические и административные границы: факторы стабильности и конфликтности” (1997–1998 годы), “Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции в России” (1999–2000 годы). Руководитель и автор проектов Л.Дробижева. Участники проектов: первого — А.Аклаев, З.Анайбан, У.Винокурова; всех трех — В.Коротеева, А.Коростелев, И.Кузнецов, Р.Мусина, С.Рыжова, Л.Сагитова, Г.Солдатова. Во втором и третьем проекте участвовали также В.Амелин, Э.Виноградова; в третьем — Д.Брагина, Р.Кузьмина, Л.Остапенко.

(А.Бравин, Э.Яковлева), а по Татарстану предоставлены нам коллегами из Казани².

В ходе массового стандартизированного интервьюирования мы использовали методики выбора общностей для идентификаций (частота выбора “мы–идентификаций” служила основанием для суждений об отождествлении или включенности людей в данный тип общностей). Методика “социального термометра” предполагала определение респондентом своей позиции на шкалах “достатка”, “удовлетворенности трудом”, “социального положения”, “благополучия”. Соотнесение этих двух методик позволяло выявить факторы, влияющие на интенсивность этнической и российской идентификаций. Мы использовали методику “идеологемы” (автор С.Рыжова), когда респондента просят выбрать суждения, с которыми он согласен: “Я редко задумываюсь о том, кто я по национальности” или “Я никогда не забываю о своей национальности”. Она позволяет судить об уровне идентичности. Выбор суждения “Каждому человеку важно чувствовать себя членом своей национальности” или “Человеку не обязательно чувствовать себя членом какой-либо национальности” является индикатором аффилиативных установок.

Выбор суждений использовался также для выявления ценностей этнонационализма и гражданского национализма (автор Л.Дробичева). Так, первый параметрировался через выбор ценности: “Землей и природными ресурсами должна распоряжаться только республика”, “Каждая республика должна иметь право на свободный выход из Российской Федерации”, “Лучше развитие республики как суверенного государства в составе РФ”, “Министерство внутренних дел республики должно подчиняться только правительству республики”. Вторая ориентация на российскость, государственный национализм (не в оценочном, негативном значении) фиксировалась выбором суждений: “Землей, природными ресурсами должна распоряжаться только Российская Федерация”, “Министерство внутренних дел республики должно подчиняться только МВД Российской Федерации”, “Республики не должны иметь права выхода из РФ” и др.

Для выявления поведенческих стратегий применялась методика “интеракции”, позволяющая фиксировать ориентацию респондентов на агрессивные действия или сотрудничество. На уровень и содержание идентичности влияют психологические состояния людей и групп, поэтому мы также использовали эмотивные шкалы, улавливающие тревожность и раздражительность.

² Выборочная совокупность в каждом из исследований была репрезентативной для национальности, дающей название республике, и живущих там русских. Руководитель исследования по Татарстану — Г.Исаев.

Кроме того, для изучения содержания идентичности мы используем данные глубинных интервью, проведенных нами с представителями элитных групп. 110 интервью, собранных в 1995 году, опубликованы в [1]; 112 интервью, собранных в 1999-м и 60 интервью, полученных в 2004–2005 годах, не опубликованы; часть из них мы используем для понимания того, почему в массовом общественном сознании существуют те или иные идентичности и каково их наполнение.

В рамках параграфа мы не можем изложить все результаты изучения российской государственной и этнической идентичности, поэтому представим те из них, которые в наибольшей мере связаны с целью данной книги — выявить подвижность и предпочтения в выборе национально-гражданской и этнической идентичности.

Динамика изучаемых идентичностей

Оба вида идентичностей, которые мы рассматриваем, в человеческом восприятии вписываются в другие множественные идентичности и на уровне личности в большинстве случаев в более или менее спокойной социально-политической обстановке не доминируют. Это зафиксировано как в исследованиях наших коллег (Е.Данилова, В.Ядов), так и в наших исследованиях (Л.Дробижева, С.Рыжова, Г.Солдатова).

Если мы специально не ориентируем наших респондентов на суждение этнической или общегосударственной идентичности, то они не часто актуализируют их. (Значимость этих идентичностей выяснялась с помощью известного в социологии и психологии теста Куна–Макпартленда. Респондента просили 5 раз ответить на вопрос “Кто я?”. По устной инструкции интервьюер просил назвать наиболее важные для респондента характеристики.)

У всех национальностей доминируют базовые категории (к ним нами отнесены самоопределения типа: человек, семейные — ролевые, гендерные). Они составляют от 50 до 70% всех самоидентификаций.

Как правило, этнические категории в наборе всех самоопределений в 1994 году (когда воспоминания о национальных движениях, конфликтах были еще очень остры) составляли не более чем 6–14%. Разумеется, они были актуализированы в ситуациях конфликтов, особенно насильственных.

Государственная идентичность в групповых идентификационных матрицах по тесту Куна–Макпартленда тоже не занимала большого места.

Этнические самоопределения респонденты давали себе чаще, нежели называли себя россиянами или гражданами локального сооб-

щества. Наиболее выраженной этнической идентичностью в условиях этнических конфликтов была у осетин и русских из Северной Осетии — Алании. Но надо сказать, что эта ситуация обостряла и республиканское, и российское самосознание. По результатам опросов было очевидным, что для осетин и русских (причем для последних даже в большей степени), принадлежность к республике и России была намного значимее, чем для жителей других регионов.

Казалось бы, в Татарстане и Саха (Якутии) начало 1990-х годов было временем прямых последствий провозглашения суверенитетов, принятия конституций, в Татарстане — этнополитического конфликта с Москвой. Солидаризация в республике, а для русских — актуальность российской общности могли бы существенно повыситься. Но на уровне личностной самоидентификации это сильно не сказывалось.

Пока мы сопоставляли актуальность этнической и общероссийской идентичности в сравнении с другими идентичностями. Но важно представить, как менялись ориентации и солидарности — внутри-этническая, республиканская, российская. В опросах 1999-го, 2002-го, 2007 годов респондентам — русским, татарам, якутам — задавали вопрос в формулировке: “Встречая в жизни разных людей, с одними мы легко находим общий язык, понимаем их, иные же, хоть и живут рядом, всегда остаются чужими. Если говорить о Вас, то как часто Вы ощущаете близость, единство с перечисленными ниже людьми, о ком Вы могли бы сказать: “Это — мы”?”. Далее шло перечисление: “часто”, “иногда”, “никогда”, “не знаю”.

Прежде всего обращают на себя внимание изменения, происшедшие с конца 1990-х до 2002 года. Интенсивность всех трех солидарностей выросла в каждой этнической группе. В Татарстане, например, доля русских, которые часто ощущали общность с гражданами России, выросла более чем вдвое, у татар — почти в два раза. При этом интенсивность этнической идентичности у тех и других тоже выросла почти вдвое.

Российская идентичность растет и интенсифицируется, однако при этом в республиках этническая остается более значимой. Обращает на себя внимание и отличающаяся значимость российской и локальной идентичности в разных регионах страны и в этнических группах. У русских в Саха (Якутии) российская идентичность опережала республиканскую (71% против 60% в 1999-м), а в Татарстане российская несколько уступала республиканской (на 6–10 пунктов в 1999-м, 2002 годах). В 2007 году 96% русских и 92% якутов ощущали себя россиянами (в значительной мере соответственно 81% и 63%), а якутянами больше себя чувствовали, естественно, якуты (62%), русские реже (19%), но еще 48% русских чувствовали себя и тем, и другим в равной степени. В Татарстане больше всего и татар, и русских

чувствуют себя и россиянами, и татарстанцами (63% и 71% соответственно), татарстанцами — 56% татар и 16% русских (при этом 44% русских ощущают себя в равной мере россиянами и татарстанцами).

Этническая идентичность в республиках более выражена, актуальна и интенсивна, чем российская. Еще в 1990-е годы исследования показывали, что этничность уступает поколенческой, профессиональной идентификации по интенсивности. В 2002 году она и у русских, и у других национальностей — в нашем случае у татар, якутов — конкурировала с ними практически на равных. Можно говорить о *чувстве этнической солидарности*. Подтверждением этому был выбор респондентами ответа “Современному человеку необходимо ощущать себя частью своего народа”. На рубеже веков его сделали более 60% татар, около 80% якутов, примерно половина русских как в республиках, так и в Оренбургской области.

Ранее приходилось отмечать, что в условиях, когда бывшие граждане СССР потеряли прежнюю государственную идентичность, веру в правильность своего исторического выбора и реальность многих достижений, когда значительная часть населения меняла привычный социальный статус, этническая солидарность обеспечивала некоторую психологическую поддержку. Как образно заметил З.Бауман, “общность — это “теплое”, уютное и удобное место. Это как крыша, под которой мы прячемся от ливня, как камин, у которого мы греем руки в морозный день” [2]. Хотя, конечно, воображаемое сообщество не тождественно тому, что существует в реальности.

В поликультурной среде этническая идентичность приобретает особую чувствительность и к самооценке, и к оценке себя другими на уровне деклараций властных элит, в дискурсе СМИ, в текстах учебников, научной и художественной литературы. Все, кто изучает этничность, легко могут привести множество примеров подобных реакций. Чувство достоинства — неизменный спутник и один из важных работающих элементов в этнической идентичности. Среди факторов, которые “очень важны” для ощущения “равенства или неравенства”, русские, башкиры, татары, якуты на втором месте после “равенства перед законом”, “возможности получить образование” или наравне с последним называли “уважение достоинства моего народа”. Оно оказывалось даже важнее “возможности получить работу независимо от национальности” или “приобрести собственность”. Более 60% респондентов называли это условие “очень важным” для них, чтобы чувствовать свое равенство в обществе.

В этом этнорегиональном самочувствии есть представление о несправедливости распределения благ для человека по параметру Центр–периферия. Не случайно в условиях рецентрализации по реформам В.Путина 60% татар и 31% русских в Татарстане высказыва-

лись за то, чтобы землей и природными ресурсами распоряжалась республика или они находились бы в совместном распоряжении с федеральным Центром. При том, что практически 80% татар и 85% русских считали, что для Татарстана лучше развиваться в составе России, 69% татар и 74% русских полагали, что республики могут иметь право на выход или это зависит от обстоятельств. Последнее скорее всего и говорит о психологической потребности в *свободном* выборе общероссийского единства.

Насколько значима эта группа людей, про которую можно сказать, что у нее актуализированная этническая идентичность?

В целом этническая солидаризация типа “мы–татары”, “мы–русские” распространена широко и характерна практически для 90% респондентов во всех этнических группах. Но доля тех, кто *часто* себя этнически идентифицирует, кто выбирал ответ “я никогда не забываю, что я — якут (татарин, осетин, русский человек)”, больше среди сельских жителей, среди специалистов среднего звена, среди тех, кого можно отнести к низшему слою “среднего класса”, кто относил себя к низшему классу. Это чаще немолодые люди. Среди саха в группе до 40 лет таких людей 34%, а среди более старших возрастов — 50%, у татар соответственно — 52% и 58%.

Среди специалистов высшей квалификации у татар, якутов, русских так себя идентифицируют 39–44%, а среди специалистов средней и низшей квалификации, работников физического труда — 52–70%. Те же тенденции у русских и татар в Оренбуржье. Как мы уже констатировали в главе 1, общероссийская идентичность в целом по стране становится все более массовой. В областях с русским населением, как показали исследования по проекту “Будущее России: социальная сфера”, например, в Томске, Екатеринбурге, Саратове, Воронеже национально-гражданская идентичность у граждан стала более приоритетной по сравнению с этнической. Но государственный тренд в идеологии и массовых настроениях, сопровождающийся идеями сильного государства, в 2000-е годы воспринимается в республиках как опасность “имитационного федерализма”, обсуждение проектов изменения государственного устройства (укрупнение регионов, губернизация) вызывает актуализацию этнической идентичности. В 2007 году среди татар 75% имеют актуализированную этническую идентичность (присоединяются к мнению “я никогда не забываю, что я татарин”).

Как известно, среди ученых — сторонников механистического варианта теории модернизации этничность рассматривалась как уходящее явление, пережиток традиционного общества, который должен исчезать в процессе модернизации обществ [3]. И даже после взрыва этничности, расширения и обострения этнической вражды и

насилия в 1960–1970 годы и затем — в 1980–1990-е при конфликтах уже в условиях глобализации в Европе, США, Канаде, в Азии и Африке все еще остается представление об этничности как анахронизме в наше время (подр. об этом см.: [4; 5]).

Парадокс состоит в том, что при росте модернизационных установок у населения из-за политического контекста этническое самосознание и чувства не тускнеют. Даже те, кто считает актуальную этничность рудиментом, должны представлять, что это феномен живой и весьма распространенный. В самом неблагоприятном варианте акцентированная этническая идентичность выражается в готовности к любым средствам действия во имя своего народа. В нашем опросном листе респондентам предлагалось согласиться или не согласиться с высказыванием “Любые средства хороши для защиты интересов своего народа”. По опросам 1997 года с этим мнением согласилось не менее четверти опрошенных (25% татар, 29% осетин, 34% саха, 23–29% русских в республиках). За 2000-е годы подобная гиперидентичность не уменьшилась, а среди русских и изучавшихся нами национальностей она увеличилась. Конечно, чаще всего она была характерна для менее благополучного, в чем-то обездоленного населения. Лечить социальные беды — один из путей снятия не только социальной, но и этнической напряженности и гипертрофии этничности.

Но это средство тоже не для всех. Ведь и в более благополучной, образованной среде (инженеров, управленцев, предпринимателей), в группах мобильного населения, адаптировавшегося к новой жизни, от 30% до 50% — люди с актуализированной этнической идентичностью. В ситуации социальных и политических напряжений актуализированная гиперидентичность может стать основой и этнического национализма, и интолерантного поведения.

Стремясь противостоять идеологии этнического национализма, исследователи обращаются к идее Л.Гринфельд противопоставить этническому национализму гражданскую нацию и гражданский национализм, в котором приоритет прав остается за личностью, а не за нацией. Однако гражданская нация, нация в значении государственной общности тоже имеет свои идеалы, ценности, объединяющие мифологемы, и питаются они прежде всего историей, традициями, культурой доминирующего народа. Поэтому можно согласиться с Э.Смитом в том, что, различая два выделенных типа национализма, не стоит забывать: это всего лишь два идеальных типа и “каждый национализм содержит гражданские и этнические элементы в разной степени и в разной форме”. В данном контексте гражданская идентичность понимается как государственная.

Так же относительно делимо этническое и общегосударственное самосознание. Но в условиях травматических трансформаций,

которые переживали русские и все другие народы России, амплитуда разделенности возросла и в какой-то период, в начале 1990-х годов, приобрела кризисные черты. Только в начале XXI века национально-гражданская идентичность приобретает более четкое очертание, а в ряде регионов становится более масштабной.

Категоризация общероссийской государственной идентичности: идеологический и социально-психологический ракурс

С тем, что российская государственная идентичность должна утверждаться, согласны специалисты разных научных школ и направлений. И даже зарубежные кремленологи считают “важным для России определенное восстановление национальной идентичности вдоль культурных линий, вдоль исторических линий”. И пока это восстановление не заходит слишком далеко, не становится нацизмом или фашизмом, или до тех пор, пока не превращается в идеологию, которая лишает некоторых членов российского общества полноправного участия, — все в порядке”, — считает Кайт Блэкер, директор Института международных исследований Стенфордского университета, ведущий специалист Белого дома по России и СНГ в Администрации Б.Клинтона [6].

Специалисты расходятся в стратегии и способах формирования государственной идентичности. Это предмет специального историографического анализа. Частично он осуществлен нами в [7; 8].

А.Малинкин предложил типологию дискурсов по *новой российской* идентичности, выделив пять идеальных типов с характерными для них представлениями о русских, их самосознании, исторических судьбах России и путях ее развития — модернизации. Элементы описания типов идентичностей таковы: характеристика места России в мире; отношение к личности (самобытности) России, русских; отношение к традиционной российской идентичности; отношение к российскому народу и русским (другим народам мира и Российской Федерации); отношение к модернизации; отношение к интеграции в мировое сообщество (глобализации); политическое измерение (западное и российское) и ответ на вопрос: как сформировать новую российскую идентичность.

Обратим внимание, что вопрос о *русских* в *новой российской* идентификации называется первым. Как может заметить читатель, мы не случайно обратили внимание на вышеприведенный вывод Энтони Смита.

Гражданские и этнические элементы часто бывают мало разделены. А.Малинкин выделяет революционаристский тип (радикально настроенные “западники”), либералистский (умеренные новые “западники”), центристский. Они стоят либо особняком от “западников” и “славянофилов”, либо в их взглядах есть элементы и тех, и других. Россия в их представлении — евразийское государство, оно не загадочное, но отличительное, новая российская идентичность, по их мнению, должна быть построена по принципу “нация — государство” с сохранением собственных лучших традиций и готовностью взять лучшее у всех мировых цивилизаций, с политической направленностью на социально-демократическую и национально-демократическую центристскую ориентацию. Следующий выделенный тип — консервативный (умеренные новые “славянофилы”), и последний — фундаменталистский (радикально настроенные новые славянофилы).

При том, что названия типов и конкретная “прописка” идеологом по типам всегда условны, сам анализ дискурса автором представлен достаточно полно и масштабно.

Как читатель мог убедиться из материалов главы 1, в официальном дискурсе доминирует так называемый центристский тип. Декларируемый альтернативный вариант в публицистике в 2005–2006 годах был представлен евразийцем-консерватором А.Дугиным, а умеренный славянофильский — национал-патриотом А.Прохановым.

В условиях, когда бывшие российские граждане потеряли свое прежнее Отечество и в глобализационные процессы входят, пережив травматические перемены, разнообразие представлений о должном и будущем понятно.

Россия — это страна, которую никто не хотел. Авторы трансформации Союза полагали, что будет СНГ. И даже зарубежные лидеры побаивались раскола страны из-за непредсказуемости последствий, неуправляемости территорий со стратегическим оружием. И все же у большинства населения в стране российская идентичность уже есть. Россиянами увереннее себя идентифицируют люди в молодом и среднем возрасте. Это понятно: люди старшего поколения еще нередко идентифицируют себя с гражданами СССР. С тем периодом у них связана молодость, многие тоскуют по стабильности, привычной в прошлом жизни.

Среди тех, кто имеют российскую идентичность (сравниваются с теми, кто ее не имеет или выбирает местную), чуть больше удовлетворенных работой, у кого положение на работе улучшилось, кто выбирает позицию “жить трудно, но можно терпеть” и “все не так плохо и жить можно”. Среди них, естественно, больше тех, кто “часто”, а не “иногда” идентифицирует себя “со всеми гражданами России”, но не

больше тех, кому нравятся и кто “чувствует себя близко” с русскими националистами (3–8% по всем массивам).

Образ россиян, в какой-то мере фиксируемый в ходе массовых опросов, основывается на агрегированных показателях взглядов на страну, на то, какой ее хотят видеть граждане. Эти показатели не вскрывают всей сложности и внутренней разнородности содержания, которое несет в себе этот образ. Попытаемся совместить их с материалами глубинных интервью с элитами, теми людьми, которые и конструируют этот образ или транслируют его в массы³.

В их описаниях образа России, той, как они ее видят и с которой себя идентифицируют, присутствует несколько составляющих. Прежде всего цивилизационное определение России — страна между Востоком и Западом (“мы все же страна западной цивилизации”, “мы — евразийцы”, “до Запада никак не дотянемся, мы — особая “цивилизация””). Несколько раз и в 1999-м, и в 2004–2006 годах было употреблено определение “российская цивилизация”. Наполнение этих определений обычно идет за счет набора присущих людям нашей страны экономических, социально-культурных ценностей в сопоставлении с Западом или Востоком: передовая — отстающая, модернизирующаяся, европейская, богатая ресурсами, талантливыми людьми, “блоху подкуем”, “освоили космос”, “если не потеряли бы от войн, революции, были бы передовой страной”, “нам есть чем гордиться”, “имеем культурное наследие, признаваемое всем миром”. В противопоставлении давались характеристики: “мы — больше азиаты”, “не бережем ресурсы”, “достигаем штурмом”, “не хватает культуры”, “нужна палка, дисциплина”, “страдаем от коррупции”, “воров много”.

Набор описаний часто связан с историческими воспоминаниями от Петра I, Столыпина до Ленина, Сталина, Хрущева, Брежнева и Горбачева с Ельциным, а затем с ассоциациями времени В.Путина.

С цивилизационными определениями сочетаются и раздумья: в каком направлении должно идти развитие. Среди интервью с элитами не было ни одного, где бы содержалась идея вернуться в советское прошлое, хотя среди респондентов были и коммунисты, и представители оппозиционных партий. Никто в 1990-е годы не назвал желаемой перспективой капитализм. В 2000-е годы появляется идея желаемого “не дикого, а нормального капитализма”, “справедливого общества”. Почти все использовали определения “Запад”, “американцы”, “как Америка”, “как в Европе”. Чаще всего желаемая Россия — это страна с преимуществами Запада (“благополучно живущее боль-

³ Интервью были взяты Л.Дробижевой в 1999-м и в 2004–2006 годах у тех, кого в ходе массовых опросов в республиках называли респонденты, определяя лидеров, выражающих интересы народа.

шинство населения”, “рациональное использование ресурсов”, “порядок в организации труда”), но отличная от него (“у нас свои ценности”, “общество должно быть более справедливым”, “не должно быть бедных”, “не допускать свободы порнографии”, “сохранить культуру” — в это вкладывается обычно протест против примитивизма массовой культуры, считающейся пришедшей с Запада).

В целом из описаний создается образ россиян как людей, живущих в стране постоянно догоняющего развития. Но поскольку это задевает самолюбие думающих людей, конструируется образ — мы отличная (не загадочная, какая-то особая), другая страна. При этом никто не дал названия того общества, которое будет в желаемой России. А в интервью 2004–2006 годов не раз встречалось утверждение или, скорее, опасение о возврате к советскому прошлому в стране.

Одна из ведущих черт образа — внешнеполитическая составляющая: отношение с западными странами, НАТО, проблема стратегии, которой мы должны придерживаться (“дружба” или “изоляция”, “наступать” или “встраиваться”, “защищать границы”, не распродавать богатства). Запад привлекателен по уровню технического оснащения и образу жизни, вместе с тем угрожающий образ враждебности Запада нарастал.

Доминирующим в определении желаемого образа все же выступает Россия с политикой прагматизма. Бóльшая или меньшая настороженность к Западу и к Востоку сочетается с надеждой на развитие сотрудничества во имя экономического благополучия и сохранения мира (“избежать риска”, “не допустить насильственных конфликтов” и т.п.).

Внутреннее содержание образа сочетает представления о большой, богатой ресурсами стране, с культурным наследием, которым гордятся, и одновременно “попранном достоинстве”, потерях и ущербах от революции, войны, неразумной перестройки (комплекс неполноценности).

В этих внутренних описаниях значительное место занимает “образ врага” (“давит Запад”, “приехало много мигрантов”, “не перевариваем нахлынувших из Китая, Вьетнама, Кавказа” и т.п.). Негативная эмоциональная подпитка образа звучала в большинстве интервью. Именно она стимулирует оборонные, а иногда и агрессивные ориентации.

В целом образ россиян, который улавливается из элитных интервью, ближе всего к тому типу, который на основе анализа дискурса в литературе А.Малинкин определил как центристский. С ним, главным образом, идентифицирует себя российское население. Любопытно, что только в некоторых интервью (3-х за 2004-й год и 3-х за 2006 год) звучала мысль об ответственности людей за происходящее в стране, о необходимости солидарных действий, о возможности

влияния на власть, то есть то, что можно было бы квалифицировать как выражение гражданского самосознания. В какой-то мере это сознание проявлялось в озабоченности за судьбу города, региона.

Наши элитные респонденты были выделены на основе ответов в массовых интервью, полученных по репрезентативной выборке, где стоял вопрос: “Кто, с Вашей точки зрения, лучше других выражает сейчас интересы людей Вашей национальности?”. Следовательно, можно полагать, что они отражают то мнение, с которым солидаризируется большинство наших граждан. Конечно, в каждом конкретном регионе, в зависимости от особенностей обстановки, могут быть отклонения. Но в целом субъекты Федерации, в которых мы работали, представляют общую ситуацию в стране в ее разнообразии (исключая Северный Кавказ, хотя в Северной Осетии — Алании в 1994-м и 1997 годах проводились сравнительные исследования).

Выводы на основе элитных интервью коррелируют и дополняются данными массовых опросов.

В разных регионах и этнических группах сохраняется внутри-страновая патриотическая ориентация. Свыше 60–70% в 1999-м и не меньше в 2002 году русских, татар, якутов, башкир считали, что “даже для спасения экономики России нельзя распродавать ее природные богатства”. Но государственный патриотизм в основном был взвешенный, умеренный. Об укреплении военной мощи по радио, телевидению россияне слышали часто, но с мнением, что “для сохранения военной мощи Российской Федерации можно идти на снижение жизненного уровня” соглашалось менее 10%.

Выступая за сохранение целостности страны, более трети русских в субъектах Федерации считали, что республики должны иметь право на выход. Уже в условиях путинских реформ по укреплению централизации в стране, которые, по данным ВЦИОМ, поддерживало большинство в Татарстане, нередко обвиняемом Центром в сепаратизме, половина русских все же считали, что такое право у республик должно быть или “это зависит от обстоятельств”. Российскость для большинства в республиках не может быть узко этноцентричной. С мнением, что “Россия должна быть для русских”, соглашалось не более 20% русских, тем более с этим не были согласны другие национальности (и в России в целом по данным Левада-Центра с этим мнением соглашалось более 50%). Около 60% русских были согласны, или скорее согласны с мнением: “Российское правительство должно делать больше для обеспечения прав национальных меньшинств”. И это в условиях, когда антикавказские настроения отнюдь не снижались.

Данные опросов говорят о том, что государственный ультрапатриотизм чаще был присущ популистским политикам, чем населению. Но, конечно, и пятая часть людей с этнодоминирующими уста-

новками в государственной политике в республиках, и еще бóльшая по стране в целом — группа достаточная, чтобы развертывать идеи А. Проханова и А. Дугина, созвучные с ориентациями “новых правых” в Австрии, Франции, Германии. Идеи этнодоминирования в республиках у титульных национальностей распространены еще шире, что создает опасность межнациональной конфронтации. В таких ситуациях важно, какие идеи являются не разъединяющими, а объединяющими. Одну из них мы уже назвали — это защитная идея — сохранение в стране ресурсов. Другая — отношения с Западом. Большинство и русских, и титульных национальностей едины в противопоставлении себя Западу, согласны с тем, что “Запад нам оказывает экономическую помощь, чтобы поставить нашу страну в зависимость”. В то же время это не изоляционизм. Более трети респондентов расширение отношений с Западом оценивали положительно, а 40–50% видели в этом и положительное, и отрицательное. В путинский период это соотношение в худшую сторону не менялось. Таким образом, массовое общественное мнение в целом ближе к центристскому типу российской идентичности. Устойчиво сохраняется психологическое чувство ущерба, потерь. Практически половина и русских, и других национальностей полагают, что теряют самобытность культуры.

Считается, что чувства потери, ущерба сплачивают общность. Но сплочение на такой основе не продуктивно, к тому же каждый народ в потере культурной самобытности винит “других”. Этими другими выступают для всех “Запад” или “советская власть”, но для нерусских эта вина нередко возлагается на доминирующий народ.

Позитивные объединяющие общероссийские ценности еще предстоит утверждать. Их давно ищут политики, идеологи, причем нельзя сказать, что успешно. Именно такая ситуация заставляет, на наш взгляд, ставить вопрос “стоит ли противопоставлять этническую, этнонациональную, региональную и общероссийскую идентичность?”.

Как мы видели из приведенного материала, когнитивное наполнение российской идентичности в чем-то совпадает, а в чем-то не совпадает с этнической. Этническая идентичность в основном базируется на языке, культуре, национальности родителей, историческом прошлом, территории. Российская идентичность — на месте в мире, геополитическом пространстве, цивилизационном развитии, на представлениях о ресурсах страны, достижениях в культуре, исторической общности. Она более динамична, чем этническая, выбор которой совсем не исключает российской идентичности. Когнитивное наполнение той и другой идентичности не исключает, оно способно дополнять друг друга. Это дает нам основания говорить о совместимости этих идентичностей. Но эта совместимость возможна при определенных условиях.

Чтобы произошло совмещение государственной и этнической идентичности, государство должно выстроить систему отношений, основанную на взаимопонимании и обеспечении участия. В стране, где русские составляют доминирующее большинство, государственная идентичность не может не базироваться на этнической идентичности большинства. Но именно поэтому, чтобы общероссийская идентичность стала привлекательной для других народов России, ее ценности, символы, представления, ассоциирующиеся с российской идентичностью, должны соответствовать также их интересам и ценностям.

Формирование гражданского сознания, солидаризация с ценностью человеческого достоинства, свободы и ответственности, уважения к индивидуальному выбору могло бы стать цементирующим государственную и этническую идентичность, делающим государственную, национально-гражданскую идентичность привлекательной для доминирующей части страны.

4.2. Опыт сравнительного анализа национально-групповой идентификации украинцев и русских в Украине

Александр Стегний

В социологической литературе проблема идентичности рассматривается прежде всего как самоопределение индивидов в социальных межгрупповых и межобщностных взаимоотношениях. За основу принимается конструктивистская идея (П.Бергер, Т.Лукман, Дж.Мид, Г.Тэддфел). Идентичности и контридентичности составляют систему координат (Г.Зиммель, Г.Стоун), в которой индивид определяет свою позицию. Идентичность, таким образом, есть отождествление человеком себя с некоторой общностью, определение того, кем “на самом деле” он является. Чтобы сделать такое заключение относительно себя самого, человек должен иметь представление о более и менее близких группах, составляющих общество. Если индивид осознает свою идентичность, он помещен в пространство социальных отношений.

Национально-гражданская идентификация в условиях пролонгации трансформационных процессов может служить своеобразным маркером потенциальных и реальных социальных ресурсов для интеграционных или, наоборот, дезинтеграционных процессов. При

этом вполне очевидно, что национально-гражданская идентификация происходит в конкретном социальном контексте, а значит, позволяет судить о существующих особенностях социальных процессов конкретного общества.

Методика⁴ и эмпирическая база исследования

Процедура национально-гражданской идентификации основана на сопоставлении индивида с определенными категориями: в случае национальной идентификации — группы принадлежности, а в случае Мы–идентичности — группы отношений.

Среди предложенных признаков *национальной идентичности* отдельные отражают объективные характеристики индивида, в частности страну рождения, наличие определенного гражданства, время постоянного проживания на территории Украины и национальную принадлежность на основании национальностей родителей. Вместе с этим особый интерес у нас вызвали признаки национальной идентификации, который респондент должен был выбирать самостоятельно, а не приписывать себе автоматически. Прежде всего речь идет об осознании себя украинцем, чувстве ответственности за свою страну, а также уважении к украинским законам и политическому устройству.

Участникам опроса предлагалось ответить на вопрос: *“Насколько важно это обстоятельство, чтобы считаться настоящим украинцем?”*. Респонденты должны были определить весомость каждого из девяти предложенных признаков “настоящего украинца” по четырехбалльной порядковой шкале, где один балл фиксировал максимальную весомость признака, а четыре, наоборот, фактическое отсутствие влияния соответствующего признака на осознание себя “настоящим украинцем”. Таким образом, мы получили определенный набор релевантных характеристик и их ранжирование по степени важности, чтобы можно было идентифицировать каждого респондента как “настоящего украинца”.

Национальная идентичность в обыденном сознании, как правило, ассоциируется с этнической идентичностью. В нашем случае когнитивное наполнение понятия “настоящий украинец” подразумевает идентификацию респондента с украинской нацией, а не с украинским этносом. Однако мы не можем исключать возможного влияния

⁴ В нашем исследовании использовалась методика изучения национально-групповой идентификации, любезно предоставленная Е.Даниловой и В.Магуном для выполнения совместного украино-российского проекта “Национально-гражданская идентичность и толерантность в Украине и России: сравнительный анализ”.

на ответы респондентов двойственности семантической нагрузки этого понятия. Для сравнения: в России семантика понятия “русский” не тождественна понятию “россиянин”.

В выборе коллективной идентификации (Мы-идентичности) индивид выбирает в качестве близкой общности ту, которая является для него социально значимым образованием. Механизмы социальной самоидентификации основаны на выделении “своих групп” в социальном пространстве, что, как правило, предполагает: наиболее эмоциональную и ценностную значимость групп, которые индивид определяет как коллективное “мы”; распознавание общих с группой черт и качеств; возможность обеспечения групповой поддержки, защиты и условий для самореализации [9].

Состояние групповой (социальной) идентичности осознается индивидом в разной мере, даже может не осознаваться в условиях противоречия между когнитивными и эмоциональными структурами диспозиций. Солидарное групповое действие зависит от интенсивности, глубины личностной идентификации, ее места в иерархии доминирующих и периферийных идентификаций. Построение иерархии социальных идентичностей, с точки зрения “имплицитной теории личности” Г.Келли [10], по сути, является самоконструкцией “Я” в социальном пространстве: одни группы или общности доминируют, являются “кросситуативными”, тогда как другие оказываются на периферии.

Для выяснения *групповой идентичности* использовалась методика регистрации групповых идентичностей. Для идентификации нами было выделено несколько групп и категорий, каждая из которых имеет соответствующее отображение в массовом сознании. Респондентам предлагались следующие объекты идентификации:

1. По *профессионально-производственному признаку*: с людьми своей профессии.
2. По *статусно-имущественному признаку*: с людьми, которые имеют такой же уровень благополучия, и с теми, которые испытывают нужду.
3. По *социальному положению*: с людьми, принадлежащими к среднему классу.
4. По *признаку этнической и территориально-поселенческой принадлежности*: со славянами и с теми, кто живет в том же населенном пункте.
5. По *ценностным и политическим ориентациям*: с людьми, близкими по политическим взглядам; со сторонниками украинских народных традиций, людьми своей веры, религии, и с теми, кто разделяет европейские ценности.
6. По *критерию гражданства*: с гражданами Украины; с общностью, которую называли “советский народ”.

7. По критерию оценки собственных успехов: с теми, кто достиг успеха.

Респондентов просили определить свое отношение к разным социальным группам. Вопрос звучал следующим образом: *“С одними людьми Вас многое объединяет, другие, хотя и живут рядом, всегда остаются чужими. О ком, о каких из перечисленных ниже группах людей Вы могли бы сказать “это — МЫ?”*. Участники опроса могли выбрать один из четырех вариантов ответа: безусловно, могу сказать; вероятно, могу сказать; вероятно, не могу сказать; совсем не могу сказать. Для измерения использовалась четырехбалльная шкала с аналогичными к предыдущему вопросу значениями балльных показателей. Респонденты, выбравшие две первых позиции шкалы, интерпретируются как имеющие “позитивную идентификацию”, а указавшие на две последние позиции имеют соответственно “негативную идентификацию” с определенной социальной группой.

Базовым источником первичной социологической информации послужила очередная волна республиканского мониторинга “Украинское общество” за 2006 год⁵. В качестве объекта социологического анализа выступили две целевые группы респондентов: этнические украинцы и русские.

Основные результаты⁶

В целом по массиву наиболее важными признаками “настоящего украинца”, по мнению респондентов, являются ощущение ответственности за Украину, ощущение себя украинцем. Второе место по уровню важности занимает уважение украинских законов и политического устройства страны, на третьем — знание украинского языка и наличие украинского гражданства, на четвертом — постоянное

⁵ Данное исследование ежегодно проводится Институтом социологии НАН Украины с 1994 года. В рамках этого проекта разработана система социологических показателей, позволяющая отслеживать тенденции социальных изменений на основании изучения общественного мнения и массового сознания. Первый вариант инструментария, положенный в основу дальнейшей работы, был разработан Н.Паниной и Е.Головахой. Выборочная совокупность охватывает 1800 человек, репрезентирующих взрослое население Украины (от 18 лет) по полу, возрасту, образованию, типу поселения и областям страны. По своему построению выборка трехступенчатая, случайная, с квотным скринингом на последней стадии [см.: 11].

⁶ Автор выражает особую признательность А.Горбачику за ценные предложения, высказанные в ходе обсуждения методов вторичного анализа полученных эмпирических данных.

проживание в Украине бóльшую часть своей жизни, на пятом — национальная (этническая) принадлежность, на шестом — факт рождения в Украине, на последнем — осознание себя верующим христианином (табл. 4.1).

Среди этнических украинцев наиболее важным признаком настоящего украинца, как и среди всех участников, является ощущение себя украинцем и ощущение ответственности за свою страну. На втором месте оказалось сразу два признака: не только уважение к украинским законам и политическому строю, но и знание украинского языка. Третью позицию занимает наличие украинского гражданства, четвертую — постоянное проживание в Украине бóльшую часть своей жизни, тогда как на пятой стоит национальность по происхождению. И, наконец, последние две позиции занимают факт рождения в Украине и осознание себя верующим христианином.

В свою очередь, среди этнических русских на первый план также выходит ощущение ответственности за Украину и уважение к украинским законам и политическому строю, хотя в абсолютных баллах оно уступает соответствующим показателям среди всех респондентов и опрошенных этнических украинцев.

Однако более важным, с учетом предмета нашего анализа, является ранжирование важности признаков национальной идентичности, в данном случае — настоящего украинца, именно среди респондентов двух самых многочисленных национальностей Украины. В отличие от группы этнических украинцев в этой группе на вторую позицию переместилось ощущение себя украинцем. Третье место занимает украинское гражданство и пребывание бóльшую часть жизни на территории Украины. Следующую, четвертую позицию занимает знание украинского языка, что ощутимо уступает уровню важности этого признака национальной идентичности среди опрошенных из числа этнических украинцев. На предпоследнем месте оказалась религиозная компонента, тогда как наименьшее влияние для определения национальной идентичности этой категории респондентов имеет факт рождения в Украине, а также этническая принадлежность. Последний результат вполне логично объясняется тем, что оба последних признака минимальным образом приписываются этническим русским с украинским паспортом (табл. 4.1).

При анализе признаков национальной идентичности украинцев и русских мы правомерно можем поставить два основных вопроса. Во-первых, существует ли латентное свойство “идентификация настоящего украинца” и каково его влияние на ответы респондентов на поставленные нами девять вопросов, фиксируемое в виде корреляций между этими вопросами. И, во-вторых, какова структура данного свойства, если о таковой можно говорить.

Таблица 4.1

**Иерархия признаков национальной идентичности
украинцев и русских**

Признаки национальной идентичности	Средний балл		
	Украинцы (n = 1448)	Русские (n = 311)	В целом по массиву (N = 1800)
Чувствовать ответственность за Украину	1,56*	1,72	1,59
Чувствовать себя украинцем	1,53**	1,86	1,61
Уважать украинские законы и политический строй	1,66	1,77	1,68
Знать украинский язык	1,66**	2,16	1,76
Иметь украинское гражданство	1,72**	2,03	1,78
Прожить в Украине бóльшую часть своей жизни	1,80**	2,08	1,85
Быть украинцем по национальности	1,86**	2,52	2,00
Родиться в Украине	2,00**	2,50	2,11
Быть верующим христианином	2,14**	2,35	2,19
Коэффициент α Кронбаха	0,86	0,84	0,86
Аддитивный индекс проявления признаков национальной идентичности	1,77**	2,11	1,85

* $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$.

Рассмотрим гипотезу о существовании одного свойства. Взаимная скоррелированность признаков национальной идентичности (коэффициент α Кронбаха по всему массиву составляет 0,86, а по группам украинцев и русских соответственно 0,86 и 0,84) позволяет говорить о латентном свойстве национальной идентичности, присущем респондентам; проявление этого свойства мы наблюдаем в скоррелированности ответов на этот вопрос. Удаление из анализа одной переменной (“быть верующим христианином”) незначительно увеличивает этот коэффициент. При этом схожесть упорядоченности признаков национальной идентичности среди украинцев и русских сочетается с постоянным сдвигом величин средних баллов. Взаим-

ная скоррелированность позволяет нам построить аддитивный индекс национальной идентичности.

Факторный анализ с использованием метода главных компонент и однофакторным решением объясняет 49% общей дисперсии. Данный результат позволяет нам ограничиться однофакторным решением за исключением, опять-таки достаточно незначительной, доли дисперсии переменной “быть верующим христианином” (около 29%). Для сравнения: в случае всех остальных переменных один фактор описывает более 40% дисперсии. Однофакторное решение с оценкой значений фактора методом регрессии достаточно высоко коррелирует с аддитивным индексом (коэффициент корреляции Пирсона 0,998). Однофакторное решение согласуется с гипотезой об отсутствии структуры свойства “идентификация настоящего украинца”. При этом для анализа эмпирических данных в равной мере успешно используется как аддитивный индекс, так и однофакторное решение. Мы остановимся на аддитивном индексе, учитывая простоту используемой шкалы.

Данный индекс принимает значения от единицы, когда для респондента все девять предложенных нами признаков идентификации “настоящего украинца” считаются очень важными, до четырех, если все эти признаки он, наоборот, считает неважными. Среднее значение индекса для всей выборочной совокупности составляет 1,85, то есть занимает промежуточное место между позициями “очень важно” и “в какой-то мере важно”. Среди опрошенных украинцев данный индекс составил 1,77, а среди респондентов из числа русских — 2,11. Сравнивая средние значения аддитивного индекса для группы украинцев и русских, видим, что у украинцев его значение больше, чем у русских, и различие значимо на уровне $p < 0,01$. Как свидетельствуют данные таблицы 4.1, у украинцев средние значения по всем девяти признакам меньше, чем у опрошенных русских и во всех случаях различия статистически значимы, за исключением одной компоненты — уважения украинских законов и политического строя.

Теперь рассмотрим двухфакторное решение, исходя из гипотезы о том, что изучаемое свойство “идентификация настоящего украинца” состоит из двух независимых компонентов. Двухфакторное решение с использованием метода главных компонент и варимакс-вращением описывает 61% дисперсии. Как и в случае однофакторного решения, исключение составляет описание дисперсии переменной “быть верующим христианином”, что косвенно подтверждает недостаточную взаимосвязь этой переменной с остальными переменными национальной идентификации (только 31%).

Из матрицы факторных нагрузок видно, что первый фактор больше связан с объективно приписываемыми респондентами признаками (гражданство, национальность, ценз оседлости, знание языка),

тогда как второй — с эмоционально-субъективными признаками национальной идентификации (чувство ответственности за страну, уважение ее законов и строя, ощущение себя украинцем). При этом средние значения обоих факторов у украинцев значительно меньше, чем у респондентов из числа русских.

Таблица 4.2

Матрица факторных нагрузок двухфакторного решения

Признаки национальной идентичности	Факторные нагрузки	
	1	2
Родиться в Украине	0,844	
Иметь украинское гражданство	0,781	
Прожить в Украине бóльшую часть своей жизни	0,749	
Быть украинцем по национальности	0,706	0,302
Знать украинский язык	0,560	0,492
Быть верующим христианином	0,516	
Чувствовать ответственность за Украину		0,839
Уважать украинские законы и политический строй		0,746
Чувствовать себя украинцем	0,328	0,743

Главный вывод проведенного анализа эмпирических данных состоит в том, что независимо от национальной принадлежности все участники опроса в качестве главного признака “настоящего украинца” называют гражданскую ответственность за свою страну, уважение к ее законам и политическому устройству. Это весомый аргумент в пользу ценностей унитарного и независимого статуса украинской государственности. На этом фоне принадлежность к конкретной национальности, прежде всего двух наиболее многочисленных — украинцев и русских, выглядит важной, но все же не доминирующей для определения в массовом сознании признаков настоящего украинца. Поэтому можно утверждать, что последний понимается прежде всего как *гражданин* своей страны, а не *представитель титульной нации*. Учитывая региональную неоднородность национального состава населения Украины, полученный результат может быть полезным для проведения взвешенной государственной региональной политики, направленной на преодоление негативных последствий электорального выбора и определенного политического противостояния с целью консолидации украинского общества.

При анализе *признаков групповой идентичности* мы ранжировали процент тех респондентов, которые позитивно идентифицировали себя с конкретной социальной группой. Данная процедура позволяет построить иерархию групповых идентификаций. В таблице 4.3 приведена “позитивная идентификация” для всей выборочной совокупности, для украинцев и русских. Строки в таблице упорядочены по выраженности “позитивной идентификации” для всего массива опрошенных.

Таблица 4.3

Иерархия объектов групповой идентичности украинцев и русских, %

Объекты групповой идентичности	Доля респондентов с позитивной идентификацией		
	Украинцы (<i>n</i> = 1448)	Русские (<i>n</i> = 311)	В целом по массиву (<i>N</i> = 1800)
Граждане Украины	84,3**	77,0	82,9
Люди того же достатка, что и я	77,1	75,5	79,6
Те, кто живет в нашем городе, поселке, селе	77,1	72,9	76,3
Люди той же веры, религии, что и я	72,2	67,1	76,0
Люди той же национальности	75,7*	69,7	74,4
Славяне	72,9*	80,3	73,8
Приверженцы украинских народных традиций	69,0**	50,6	62,4
Люди той же профессии	61,9	59,0	61,3
Люди, принадлежащие к среднему классу	59,2	65,8	60,2
Те, кто близок по политическим взглядам	54,5	50,3	53,6
Советский народ	47,3**	66,8	51,1
Люди, разделяющие европейские ценности	51,6*	43,2	49,4
Те, кто оказался в числе нуждающихся	47,0	52,3	48,1
Те, кто добился успеха	41,9	42,4	41,8

* $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$.

Среди перечня признаков групповой идентичности их значения в целом совпадают для всего массива опрошенных и респондентов украинской национальности, за исключением позиции “сторонники украинских народных традиций” и “советский народ”. Несложно заметить, что зафиксированные отличия являются результатом прежде всего различных взглядов на указанные объекты групповой идентичности со стороны этнических украинцев и русских. Поэтому целесообразно сосредоточиться на анализе именно этих двух категорий респондентов.

Полученные результаты позволяют построить иерархию социальных идентичностей украинцев и русских. Какие именно социальные идентичности детерминируют поведение украинцев и русских, что общего и каковы различия между ними?

Анализ значимости различий доли респондентов с “позитивной идентификацией” выявил отдельные различия в содержании групповой идентичности украинцев и русских.

Среди этнических украинцев наибольшее число респондентов имеют “позитивную идентификацию” с таким объектом групповой идентичности как граждане Украины, а на вторую позицию вышли локальная идентичность и люди того же достатка. На третьей ступени оказались люди той же национальности, на четвертой расположились единоверцы, имеющие аналогичную конфессиональную принадлежность и осознающие себя частью наднационального символического объединения “славяне”. Пятыми по численности оказались респонденты, имеющие “позитивную идентификацию” с приверженцами украинских народных традиций, тогда как следующую позицию заняли идентифицирующие себя с людьми той же профессии и представителями среднего класса. “Позитивная идентификация” с политическими единомышленниками оказалась не столь выраженной, поэтому данная группа респондентов заняла седьмую позицию. Но еще меньшим оказалось количество респондентов, идентифицирующих себя с людьми, разделяющими европейские ценности, с советским народом, а также испытывающими материальные лишения. Минимальная доля участников опроса из числа украинцев имеет “позитивную идентификацию” с успешными людьми.

Среди этнических русских наибольшее число имеет “позитивную идентификацию” со славянами, тогда как на второй позиции оказался такой объект групповой идентичности как граждане Украины. Этот результат может служить еще одним эмпирическим подтверждением ранее зафиксированной социологами ностальгии значительной части русских по временам государственного союза трех славянских народов и надеждой на его возобновление [12, с. 233–234].

Как и в случае с опрошенными украинцами, достаточно весомое влияние на групповую идентичность русских оказывает схожесть материального статуса, и опять-таки, “земляки”. В отличие от украинцев, меньше респондентов из числа русских имеют “позитивную идентификацию” с людьми своей национальности и разделяющими европейские ценности. И наоборот, среди опрошенных русских значительно большей оказалась доля тех, кто идентифицирует себя с советским народом. Здесь уместно отметить тесную связь между такими объектами групповой идентичности как “граждане Украины” и “советский народ”, несмотря на различный временной континуум.

В первом случае речь идет о приобретенной идентичности, а во втором — об утраченной. Последняя ситуация выглядит гораздо сложнее, поскольку утрата идентичности происходит не только на индивидуальном и групповом уровнях, но и на уровне общества в целом, когда окружающая человека социальная среда перестает быть для него знакомой, понятной и прозрачной.

Проведенный анализ иерархии групповых идентичностей украинцев и русских свидетельствует, что устойчивый базовый комплекс обеих национальностей составляют, прежде всего, государственная принадлежность, а также группы ближнего социального окружения. Этот факт также фиксируют российские социологи [13, с. 229; 14, с. 84].

В условиях разрушения групповых идентичностей в период социальных трансформаций индивиды особенно остро ощущают потребность поиска “своих”, которые, как правило, распознаются в сообществах первичного уровня. Доминирование указанных объектов в иерархии групповой идентичности дополняется ценностно-мировоззренческим комплексом, предполагающим предоставление преимуществ “своим” по жизненным ориентирам и политическим убеждениям. В этой связи целесообразно отдельно остановиться на локальной идентичности.

Региональная дифференциация социокультурного и экономического пространства Украины порождает и способствует локальной идентичности ее населения. Идентификация респондентов с локальными общностями выступает “одним из механизмов субъективно-личностного освоения социальной действительности” [15, с. 96]. Локальная идентичность непосредственно связана с собственным пониманием того, что составляет общность, территориально маркируемую границами конкретного места проживания. Речь идет, прежде всего, об идентификации социокультурных особенностей локальной общности, которые индивид воспринимает как присущие и для себя.

Одним из возможных социально-психологических последствий локальной идентификации является склонность индивидов макси-

мально увеличивать воображаемые отличия между локальными общностями и, наоборот, минимизировать различия между членами внутри одной общности. В случае Украины ярким подтверждением этого служат последние избирательные кампании, когда одним из решающих факторов электорального выбора главных кандидатов на пост Президента Украины или определенной политической партии/блока на парламентских выборах стало региональное происхождение политических лидеров, ожидание, что именно “земляки” смогут лучше “чужих” отстаивать интересы избирателей.

Кросснациональный анализ выявил различия групповых идентификаций, связанные с символическими общностями. В частности, разные взгляды на уровень осознания себя частью славянского мира среди этнических украинцев и русских во многом объясняются их различной исторической идентичностью, связанной с отношением к советскому прошлому и возобновлению союзного государства во главе с Россией. Если этнические украинцы тяготеют к самостоятельному и независимому развитию вне зоны российского влияния, то этнические русские демонстрируют противоположную картину. Если учесть географию их расселения на территории Украины (Восток и Юг), то в значительной мере становится понятной региональная дифференциация политических взглядов и предпочтений.

Анализ регионального аспекта национальных и гражданских идентичностей, как показывает исследование украинского социолога В.Середы [16], тесно связан с исторической идентичностью. Восприятие исторического прошлого формирует восприятие будущего и является набором инструментов коллективных действий и потенциала территориального сообщества. Поэтому историю справедливо трактуют как “контейнер” символов, которые можно забыть, или вновь активизировать либо реконструировать, а также придать новую форму в коммуникационном взаимодействии.

Вариабельность оценок исторического прошлого, вызванная разнообразием социокультурных стереотипов восприятия исторических событий, заметно влияет и на восприятие современной политической жизни, на политические ориентации и электоральный выбор региональных сообществ. В этой связи социологи говорят о двух разновидностях украинского регионализма [17, с. 120]. Западная Украина, и в первую очередь Галичина⁷, служит примером готовности поступиться собственной самостоятельностью ради сохранения унитарности украинского национального государства. Здесь массовое

⁷ Историко-культурный регион охватывает территорию трех современных областей Западной Украины: Львовскую, Тернопольскую и Ивано-Франковскую.

политическое сознание направлено на сохранение национального государства, а не политического строя. Вместе с тем Восток и Юг демонстрируют регионализм самодостаточности, при котором на первое место выходит защита интересов территориальной общности. Следует отметить, что в отличие от Донбасса, в АР Крым существует скорее не экономическая самодостаточность, а прежде всего социокультурная и идеологическая отдаленность. Наряду с этим социологические исследования указывают, что на протяжении последнего десятилетия происходило постепенное нивелирование отличий национальной самоидентификации жителей разных регионов Украины с возрастанием национальной пространственно-территориальной самоидентификации и соответствующим снижением локальной [17, с. 105].

При отсутствии в современном украинском обществе ценностно-нормативной социальной консолидации Президент и его сторонники начали активно обращаться к архаической атрибутике и традиционалистской ценностной базе регулирования социальных отношений. Здесь уместно вспомнить публичные купания Президента В.Ющенко с министрами и губернаторами в проруби в христианский праздник Крещения; участие главы государства в различных аукционах раритетных предметов деревенского обихода. Однако полученные данные не подтверждают, что подобная пропозиция общественного развития “в значительной степени соответствует собственному выбору населением Украины традиционалистской модели консолидации и развития общества” [18].

Влияние приверженности украинским народным традициям на формирование гражданской идентичности украинцев мало ощутимо, хотя и превышает соответствующий показатель среди этнических русских. Сразу же сделаем оговорку, что в данном случае имеют значение урбанизационные процессы, сопровождающиеся перманентным сокращением численности сельского населения из числа этнических украинцев, которые все активнее ощущают на себе влияние урбанизированной социокультурной среды крупных городов. Утрата устоявшихся социокультурных связей со своим прежним социальным окружением, как правило, постепенно приводит к утрате ценностей украинских народных традиций.

Украинская политическая элита уже длительное время публично стремится убедить своих граждан в целесообразности и полезности вхождения страны в европейское сообщество, что с необходимостью требует общественного признания европейской системы ценностей. Однако проведенное исследование демонстрирует скорее отказ наших граждан от такой системы, поскольку на периферии групповых

идентификаций как украинцев, так и русских находятся также люди, разделяющие европейские ценности.

Суммируя полученные результаты, отметим, что большинство украинцев и русских нашей страны идентифицируют себя в первую очередь по признаку общего гражданства и в меньшей степени кладут в основу своей идентификации национальную принадлежность. Это обстоятельство вселяет надежду на отсутствие в будущем межэтнических столкновений. Кроме этого, можно надеяться, что и конфликт информационно-языковых субкультур не будет разрушительным, поскольку бинарность их отношений дополняется третьим элементом, сглаживающим данное противоречие. Таким элементом является субкультура украинских сел Центра страны, где межличностная коммуникация всегда осуществлялась на украинском языке, но одновременно имела место тесная связь с русским народом и его культурой.

В целом оптимистическая перспектива межнациональных отношений вовсе не снимает особой ответственности с политической элиты Украины за сохранение межнационального согласия и недопустимости дальнейшего “разыгрывания российской карты” ради получения ситуативных политических дивидендов, противоречащих национальным интересам страны. Ради консолидации украинской нации целесообразно защищать национальную идею как гражданскую и политическую, а не как лингвоэтническую.

Литература

1. *Дробижева Л.М.* Говорит элита республик Российской Федерации. 110 интервью Леокадии Дробижевой. — М.: Ин-т социологии РАН, 1996.
2. <http://www.sagepub.com/journalsProdDesc.nav?prodId=journal201779>.
3. *Smelzer N.J.* Mechanisms of Change and Adjustment to Change // Industrialization and Society / Ed. by B.F.Hoselitz, W.E.Moore. — The Hague: UNESCO, 1963.
4. *Лебедева М.М., Юрченко В.М.* Политическая конфликтология. — Краснодар, 2000.
5. *Аклаев А.Р.* Этнополитическая конфликтология. Анализ и менеджмент. — М.: Дело, 2005.
6. Независимая газета. — 2005. — 3 июня.
7. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 1990-х годов. — М.: Дело, 1966.
8. *Ethnic Conflict in the Post-Soviet World.* — Washington, 1996.
9. *Hogg M.A., Abrams D.* Social Identifications. A Social Psychology of Inter-group Relations and Group Processes. — London: Routledge, 1988.

10. *Kelly G.* The Psychology of Personal Constructs: 2 vols. — New York: Norton, 1955.
11. *Паніна Н.* Українське суспільство 1992–2006: соціологічний моніторинг. — К.: Ін-т соціології НАН України, 2006.
12. *Резнік О.* Особистість на перетині впливу територіальних ідентичностей // Соціальний ареал життя особистості. — К.: Ін-т соціології НАН України, 2005. — С. 209–259.
13. *Данилова Е.Н.* Через призму социальных идентификаций (сравнительное исследование жителей России и Польши) // Россия реформирующаяся: Ежегодник–2004. — М.: Ин-т социологии РАН, 2004. — С. 220–244.
14. *Данилова Е.Н.* Изменения в социальных идентификациях россиян // Социологический журнал.— 2000.— № 3/4. — С. 76–86.
15. *Шматко Н.А., Качанов Ю.Л.* Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // Социологические исследования.— 1998. — № 4. — С. 94–98.
16. *Середа В.В.* Регіональні особливості історичних ідентичностей та їх вплив на формування сучасних політичних орієнтацій в Україні. — К.: Ін-т соціології НАНУ, 2006.
17. *Стегний А.* Региональный фактор развития политической культуры населения Украины // Социология: теория, методы, маркетинг.— 2005.— № 3. — С. 94–122.
18. *Паніна Н.* Демократизація в Україні та помаранчева революція у дзеркалі громадської думки // Дзеркало тижня. — 2006. — 20 травня.

5.1. Вариативность идентификации мигрантов в российских локальных социумах

Игорь Кузнецов

Если до середины 1970-х годов предполагалось, что в ходе модернизации этнические различия будут неизбежно стираться, то сейчас все более очевидным и неоспоримым становится возрастающая кристаллизация этнических идентичностей. Результаты и выводы исследований иноэтнических групп, проведенные европейскими и американскими исследователями (Н.Глейзером и Д.Мойнихэном, К.Гирцом, Ф.Бартом и другими) позволяют говорить об особом взаимодействии новых и старых государственных и этнической идентичности в системе самоопределения иноэтнических мигрантов. Здесь можно согласиться с мнением Ф.Беккер [1] о том, что процессу идентификации этнически отличающихся мигрантов присуща высокая степень ситуативности практик реализации этничности и этнических дискурсов; этничность рассматривается и мигрантами, и принимающей стороной скорее не как базисный эссенциалистский феномен, а как изменяющийся спектр возможностей, которые могут быть мобилизованы в определенных социальных условиях.

Эмпирические исследования процесса и особенностей групповой идентификации этнических мигрантов (азербайджанцев и таджиков) в социально и культурно различающихся локальных социумах (Москва, Самара, Астрахань) проводились в рамках программы изучения стратегий адаптации мигрантов в мегаполисе (Москве) и областных центрах России¹. Это было структурированное интервью по заранее составленному опросному листу, проводившееся заранее обученными интервьюерами той же национальности, что и опрашиваемые.

¹ Исследование выполнено Центром этнополитических и региональных исследований.

мые мигранты. Например, опрос азербайджанцев-мигрантов в Москве проводили подготовленные для этой цели студенты-азербайджанцы московских вузов, одинаково хорошо владеющие русским и азербайджанским языками. Опрос мигрантов проводился по случайной выборке на местах работы и/или проживания мигрантов. Ответы мигрантов по каждой анкете заводились профессиональными операторами в базу данных SPSS. Опрос не планировался (и не мог планироваться в силу неопределенности параметров генеральной совокупности) как репрезентативное описание тех или иных характеристик мигрантов. Его задачей было дать сравнительное описание различных стратегий адаптации мигрантов в зависимости от локальности (мегаполис — областной центр) и ориентаций мигрантов на постоянное или временное проживание в России. Поэтому при опросе в Москве мы специально отобрали 2 примерно равные квоты — 150 человек, ориентированных на постоянное жительство, и 150 человек — на временное проживание, то есть всего в Москве было 300 мигрантов-азербайджанцев. То же самое было сделано в Самаре и Астрахани, где было опрошено по 150 мигрантов-азербайджанцев, то есть для областного города в целом — 300, и по 150 мигрантов-таджиков.

Полученные данные позволяют уточнить два основных источника ситуативности, определяющие те или иные варианты реализации этничности как позитивного и/или негативного ресурса. В данном параграфе излагаются обобщенные результаты этих исследований.

Адекватное понимание путей и способов идентификации мигрантов в принимающей среде возможно только при учете качественной специфики различных групп в миграционном потоке, состоящей в том, что одна часть мигрантов ориентирована на признание приоритетности социальных и культурных ценностей принимающей среды по сравнению со средой исхода и на стремление к интеграции (аккультурации) с принимающей средой. Другая часть мигрантов рассматривает принимающую среду как преимущественно экономический и технологический ресурс, подлежащий освоению при признании приоритетности собственных (исходных) социально-культурных стандартов. В нашем исследовании это различие было отражено в сопоставлении двух аналитических групп мигрантов — ориентированных на постоянное жительство в принимающей среде (группа ОПЖ) и тех, кто ориентирован на временный заработок (группа ВТМ)².

² В дальнейшем эти две группы будут сокращенно обозначаться как группы ОПЖ и ВТМ

Вопросы блока измерения групповых идентичностей были направлены на выявление значимости и взаимосвязи гражданских, территориально-культурных, этнических, экономических и конфессиональных сообществ, с которыми мигрант может идентифицировать себя и на ценностные стандарты которых может быть ориентирован. В то же время это один из существенных показателей интеграционного потенциала разных групп мигрантов.

При рассмотрении ранговых позиций идентификационных сообществ мигрантов-азербайджанцев Москвы, таджиков и азербайджанцев усредненного областного центра обнаруживается большое сходство первых трех ранговых позиций у всех трех групп (см. табл. 5.1).

Таблица 5.1

**Ранговые позиции идентичностей мигрантов
разной этнической принадлежности и разной среды проживания³**

<i>Ранг</i>	<i>Азербайджанцы – мигранты Москвы (N = 300)</i>	<i>Азербайджанцы – мигранты областного центра (N = 300)</i>	<i>Таджики – мигранты областного центра (N = 300)</i>
1	Жители республики выхода	Национальность	Национальность
2	Национальность	Люди моей веры	Люди моей веры
3	Люди моей веры	Жители данного города	Жители республики выхода
4	Россияне = жители данного города	Жители республики выхода	Среднеазиаты (культурный регион)
5	Жители данного города = россияне	Россияне	Россияне
6	Люди моего дохода	Люди моего дохода	Люди моего дохода
7	Кавказцы (культурный регион)	Кавказцы (культурный регион)	Жители данного города
8	Закавказцы (регион выхода)	Закавказцы (регион выхода)	

Однако есть и определенные различия, которые мы пока попытаемся объяснить на уровне дополняющих гипотез. Сравнительно высокая (относительно других групп) ранговая позиция связи “россияне = москвичи” у московских азербайджанцев, казалось бы, опро-

³ Разными шрифтами выделены идентичности, формирующие **ядро**, средний уровень и *периферию* структуры идентичностей.

вергает сформулированный ранее вывод о влиянии на мигрантов навязываемого им ярлыка “лицо кавказской национальности”, хотя дальнейший анализ показал, что это не совсем так. Необходимо также обратить внимание на то, что у азербайджанцев областного центра достаточно низко по ранговой позиции расположена гражданская идентичность по месту выхода, и на первом месте, как и у таджиков, располагается идентичность по национальности; предположительно это может свидетельствовать о том, что у мигрантов областного центра складываются более тесные отношения с местными этническими диаспорами, чем у мигрантов Москвы. Но если говорить об отличии областных азербайджанцев от таджиков, то более тесные отношения с диаспорой поддерживают азербайджанцы, по крайней мере они в большей степени ориентированы на нее и ожидают поддержки. Возможно, последним обстоятельством обусловлено и то, что ассоциация с жителями города у азербайджанцев областного центра практически входит в идентификационное ядро, тогда как таджики осознают себя практически выключенными из городского сообщества (вплоть до того, что между причислением себя к таджикам и к жителям данного города существует даже **отрицательная**, хотя и достаточно слабо нагруженная связь, чего вообще не наблюдается в других рассматриваемых этнических массивах).

Таблица 5.2

**Ранговые позиции идентичностей
столичных мигрантов-азербайджанцев**

Ранг	Азербайджанцы — мигранты Москвы:	
	ориентированные на постоянное жительство	ориентированные на временный заработок
1	Жители Азербайджана	Азербайджанцы
2	Азербайджанцы	Жители Азербайджана
3	Мусульмане	Мусульмане
4	Россияне = Москвичи*	Люди моего дохода
5	Москвичи = Россияне*	Кавказцы
6	Люди моего дохода	Закавказцы
7	Кавказцы	Россияне
8	Закавказцы	Москвичи

* Позиции 4 и 5 “россияне = москвичи” или “москвичи = россияне” отражают лишь тот факт, что эти две позиции для данной группы ответивших равно делат 4 и 5 места.

Что касается столичных мигрантов-азербайджанцев, то первые вопросы возникли при анализе иерархии их идентичностей. В качестве нулевой гипотезы предполагалось, что те из них, кто ориентирован на постоянное жительство, будут с большей готовностью причислять себя к россиянам и москвичам, нежели приехавшие в Москву ради заработка. Так оно и оказалось, что видно из таблицы сравнительных ранговых позиций разных сообществ, с которыми чаще всего отождествляют себя мигранты-азербайджанцы в Москве (см. табл. 5.2).

Ранговые места с 1 по 8, представленные в таблицах 5.1 и 5.2, отражают по нисходящей долю ответов (в % от ответивших на данный вопрос), пришедшихся на позицию “да, всегда”, подсчитанных отдельно для каждого из указанных в таблицах массивов. Первые три позиции были признаны ядром матрицы идентичностей, вторые две — средним уровнем, последние три — периферией.

Вполне оправданно и понятно, что первые три места в списке, который условно можно назвать “Мы — это прежде всего...”, безотносительно к дальнейшим жизненным планам (остаться навсегда или поработать и уехать) занимает принадлежность к своей родной земле, своей национальности и своей религии. У решивших остаться на жительство в Москве азербайджанцев сразу же за этим идентификационным ядром следует принадлежность к москвичам и россиянам, а “кавказцы” и “закавказцы” идут последними в списке. Иначе говоря, эти люди не приемлют отождествления себя с “лицами кавказской национальности”, столь активно навязываемого им московским сообществом и даже представителями власти. У временных трудовых мигрантов все наоборот; столь же логично они прежде всего отождествляют себя с теми, кто столько же зарабатывает и с кавказцами, раз уж так угодно этому сообществу “россиян” и “москвичей”, с которыми они и не стремятся ассоциироваться. Можно было бы прогнозировать, что стремящиеся интегрироваться мигранты будут активно вливаться в ряды москвичей, а временные трудовые — самоизолироваться в анклав. Так бы мы и поступили, если бы не странные распределения в ответах: мигранты, ориентированные на постоянное жительство, с большим энтузиазмом причисляют себя к “кавказцам”, чем их соотечественники — временные трудовые мигранты, но с меньшей охотой — к людям своей национальности (см. табл. 5.3)

Таким образом, мигранты, ориентированные на постоянное жительство, значимо чаще склонны причислять себя к “кавказцам” вообще, что в принципе не характерно для представителей закавказских республик. В данном случае это может быть признаком какой-то промежуточной стадии формирования новой гражданской (российской) идентичности у тех, кто решил остаться здесь жить.

Таблица 5.3

Распределение интенсивности идентификаций у азербайджанцев-мигрантов, ориентированных на постоянное жительство и временный заработок, в % от ответивших в данной группе*

Варианты самоотнесения	Азербайджанцы — мигранты Москвы:	
	ориентированные на постоянное жительство	ориентированные на временный заработок
Безусловно причисляют себя к азербайджанцам	56,6	69,5
Безусловно причисляют себя к кавказцам	24,8	9,8
Безусловно причисляют себя к закавказцам	25,4	11,0

* Данные таблицы 5.3 отражают сводные результаты расчета таблиц сопряженности для двух указанных в колонках групп по трем из вышеперечисленных показателей (4, 5 и 6), значимые по χ^2 Пирсона на уровне $p \leq 0,001$. (Поскольку таблица сводная, то сумма по колонкам не может равняться 100%.)

Таблица 5.4

Двухфакторная модель идентификации мигрантов-азербайджанцев Москвы*

<i>Мы — это...</i>	1	2
Россияне	0,828	
Жители Азербайджана		0,842
Москвичи	0,846	
Азербайджанцы		0,884
Закавказцы	0,729	
Кавказцы	0,754	
Люди моего дохода	0,725	
Мусульмане		0,738

* В таблице показаны позиции, имеющие факторную нагрузку более 0,550.

Еще более отчетливо эта тенденция видна, если мы рассмотрим двухфакторную модель идентификаций мигрантов азербайджанцев Москвы (см. табл. 5.4). Эта таблица содержит результаты факторно-

го анализа (после вращения) ответов всего опрошенного массива мигрантов-азербайджанцев Москвы на вопросы об их предпочтительной группе “Мы”. Вопрос звучит так: *Встречая в жизни разных людей, с одними мы легко находим общий язык, понимаем их. Иные же, хоть и живут рядом, остаются всегда чужими. Если говорить о Вас, то как часто Вы ощущаете близость, единство с перечисленными ниже людьми, о ком Вы могли бы сказать “Это — мы”? Итак, для меня “МЫ” — это...*). Первая факторная модель идентификации статистически достоверно связана с намерением остаться в России навсегда, а вторая — с временным пребыванием. Данная таблица отражает специфику формирования новой российской гражданской идентичности у мигрантов в ментальных условиях, при которых гражданская идентичность обязательно должна включать упоминание об определенной (предположительно из списка российских автохтонов) этничности, и таковой “виртуальной” этничностью оказывается для них принадлежность к “кавказцам”.

Такая позиция мигрантов, ориентированных на постоянное жительство, является функционально оправданной реакцией на опыт их повседневной жизни среди москвичей. В самом деле, человек, стремящийся слиться с новой средой, прежде всего пристально всматривается в повседневные реалии этой среды, в их латентную смысловую нагрузку и принимает эту специфически осмысленную реальность как данность, которой необходимо руководствоваться с минимальным ущербом для собственной самооценки. Не забудем, что для нашего мигранта ядром самооценки является его принадлежность к Азербайджану и азербайджанцам. В московском смысловом пространстве есть реалия “москвич”, внешне внеэтническая, но латентно прочно связанная с этничностью “русский”, то есть в Москве, как и в России в целом, гражданские идентичности, превалирующие над этническими — явление скорее желательное, нежели реальность. Но в Москве четко обозначена такая, ставшая уже неотъемлемой частью московской социальной среды, “виртуальная” реалия как “лицо кавказской национальности”. И эта реалия оказывается единственной нишей, куда *может* отнести себя азербайджанец, если он хочет записать себя в москвичи, поскольку других адекватных его самосознанию реалий в московской повседневной жизни нет.

Именно стремление “жить (и видеть московский социум) как все” заставляет азербайджанца (или представителя другой, нетрадиционной для Москвы, этнической группы) считать себя (“как все”) “лицом кавказской национальности” в большей степени, чем его соотечественники, не собирающиеся интегрироваться, и “азербайджанцем” (и даже “мусульманином”) в меньшей степени, чем они. Этот феномен *воздействия локальной повседневной структуры смыслов и*

реалий мы бы назвали *добровольно-принудительной сегрегацией*: людей никто не принуждает надевать на себя маску “кавказская национальность”, но быть *признанным* москвичом ты можешь только в этой маске, что необязательно для временных трудовых мигрантов, которые не собираются здесь жить и не стремятся быть своими. Поэтому эти последние более настойчиво и стабильно отказываются от смешения очевидных для них этнокультурных различий народов Кавказа и соответствующих этнонимов в одну категорию.

Однако ранговые позиции тех или иных идентичностей говорят скорее о желаемой, чем о реальной включенности в определенные круги общения. Реальная картина отражена в матрице связей между указанными идентичностями, и здесь обнаруживается отчетливое различие между мигрантами, ориентированными на постоянное жительство и временное пребывание в Москве (см. рис. 5.1, 5.2). Так, на рис. 5.1 видно, что именно “кавказские” категории завязаны в единый кластер со всеми остальными категориями и составляют некую матрицу общения и единых жизненных стандартов у мигрантов-азербайджанцев Москвы.

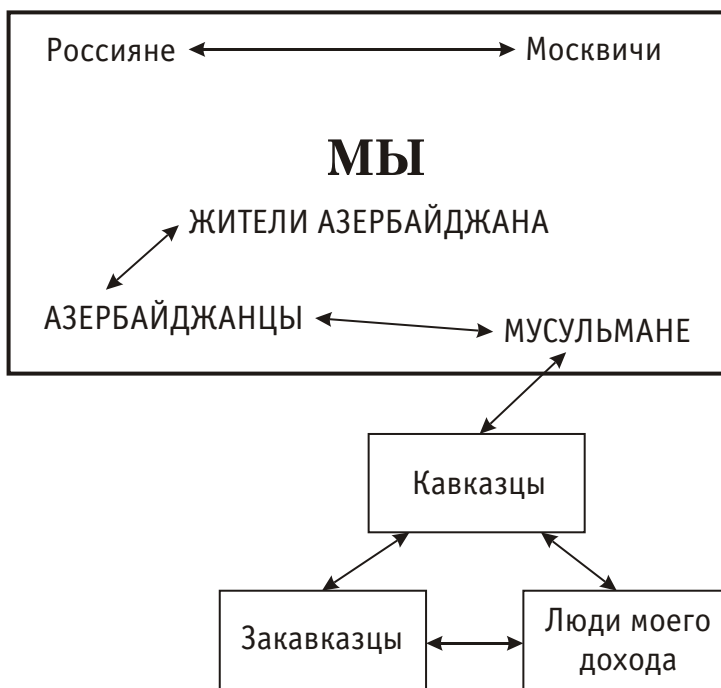

Рис. 5.1. Идентификационная структура азербайджанцев Москвы, ориентированных на постоянное жительство

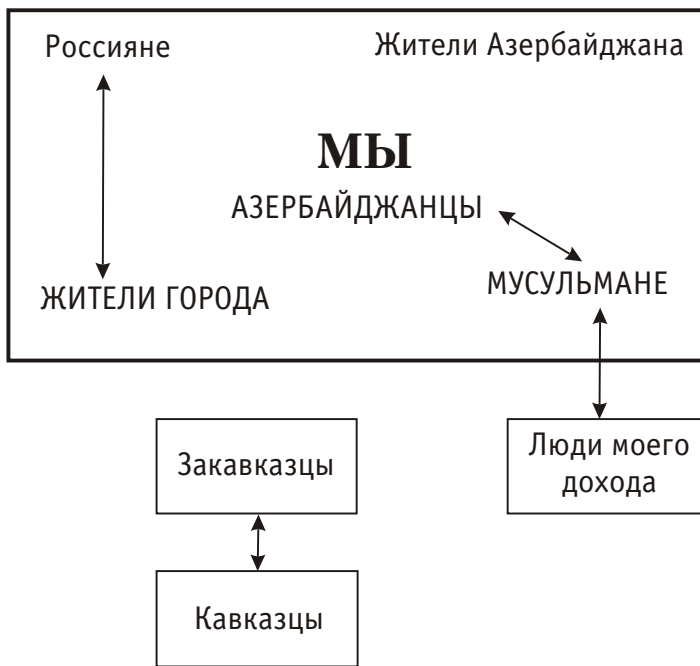

Рис. 5.2. Идентификационная структура азербайджанцев, ориентированных на временный заработок

Предлагаемые схемы демонстрируют, во-первых, что мы-идентичности мигрантов, ориентированных на интеграцию в российский социум, определенным образом структурированы, но пока отсутствует ключевая для полноценной гражданской идентичности связь между “мы-россияне” и всей остальной уже выстроенной цепочкой мы-идентичностей. Во-вторых, допуская, что мы-идентичности — это в определенной мере и круги общения людей, можно видеть, на каком поле вероятнее всего возможно достраивание указанной цепочки — это среда российских мусульман. В-третьих, опять-таки имея в виду, что мы-идентичности отражают круги общения, схемы иллюстрируют то, как происходит выталкивание в специфический, пока сетевой, анклав именно тех мигрантов, которые хотят интегрироваться в российский социум хотя бы на правах “виртуальных кавказцев”.

Иначе говоря, азербайджанцы — мигранты последней постсоветской волны в Москве (особенно ориентированные на постоянное жительство, в отличие от временных трудовых мигрантов), склонны придавать большее значение не только и не столько своей национальности, сколько принадлежности к “кавказцам”. Это можно объяснить тем, что в Москве (и, надо полагать, в России в целом) вирту-

альная “кавказская (азиатская) национальность” является вполне функциональным конструктом той социальной среды, в которую они хотят интегрироваться.

Это, на наш взгляд, существенный фактор, препятствующий интеграции мигрантов, притом именно для тех, которые в принципе ориентированы на интеграцию. Несуществующая в природе “кавказская (или азиатская) национальность”, составляющая сейчас основу обыденного дискурса и отношения к людям определенного антропологического типа (но принадлежащим к разным этнокультурным, региональным и государственным образованиям), заставляет принимать людей, ориентированных на интеграцию, правила игры, навязываемые им принимающей средой, и изолироваться в принимающем сообществе в рамках культурных границ некоего виртуального, искусственно сконструированного из фрагментов разных этнокультурных реалий и мифов, московского (или российского) кавказского (или азиатского) сообщества. Этот внешний, препятствующий интеграции фактор, отраженный в структуре идентичностей всех рассматриваемых групп мигрантов, мы можем обозначить как навязанная сегрегация мигрантов, ориентированных на интеграцию.

Вместе с тем, изученная нами группа мигрантов-азербайджанцев, ориентированных на постоянное жительство, имеет очень высокий интеграционный потенциал, выраженный в хорошо согласованной системе представлений об особенностях принимающей среды и требованиях, которые она к ним предъявляет. По нашим данным, эта группа мигрантов проявляет устойчивое стремление стать “коренными жителями” в новой среде (хотя бы во втором поколении), даже осознавая определенную несовместимость этого с тем, что “в семье, среди своих можно и нужно соблюдать традиции и обычаи своего народа, независимо от того, где ты живешь”⁴. Стремление стать “коренными” тесно связано с пониманием того, что “в Москве (Самаре, Астрахани) надо стремиться жить как все”. Но что самое интересное и неожиданное для нас — последнее суждение тесно сцеплено в сознании иммигрантов с представлением о том, что безусловно “Москва (Самара, Астрахань) — русский город, и жить здесь надо согласно русским обычаям и традициям”.

Более того, именно *несогласие* с этими суждениями (характерное преимущественно для временных трудовых мигрантов) напрямую связано с комплексом суждений, оправдывающих необходимость

⁴ Здесь и далее делается попытка описать повседневным языком матрицу корреляций установок иммигрантов-азербайджанцев на интеграцию и изоляцию, просчитанную при анализе данных социологического исследования.

изоляции от принимающей среды: “В образе жизни “коренных горожан” есть особенности, с которыми азербайджанцу трудно примириться” ↔ “В (данном городе) можно работать и зарабатывать, но нормально жить здесь постоянно невозможно” ↔ “Коренные” никогда не будут считать азербайджанцев своими” (это последнее суждение замыкается на первое из указанной триады). Иначе говоря, отрицание определенной исторически сложившейся этнокультурной доминанты данного города (что особенно характерно для Московского мегаполиса) и необходимости жить здесь как все, то есть, по сути, поликультурные установки в их бытовой интерпретации, ведут к признанию неприемлемых для азербайджанцев особенностей в образе жизни “коренных” жителей города и бесперспективности когда-либо стать здесь своими.

Как это ни парадоксально, но именно признание этнической и культурной определенности принимающего локального социума, видение его как исторически сложившегося организма со своими обычаями и традициями, а не просто как площадки для экономической деятельности, запускает механизм интеграции у мигрантов, что в итоге приводит к формированию у мигрантов российской *гражданской* идентичности. И наоборот, видение локального социума как неопределенной этнокультурной мозаики, как сугубо гражданского объединения автономных индивидов, руководствующихся не традицией, а только нормами закона, запускает процесс сегрегации, что в конечном счете блокирует формирование адекватной гражданской идентичности.

Действительно, выходцы (неважно, какой этнической принадлежности) из традиционной среды⁵, привыкшие в своих суждениях и поступках ориентироваться на жесткую социальную структурированность и ценностно-нормативную целостность и определенность этой среды, могут (при желании) интегрироваться в такую же структурированность и целостность (пусть даже отличающуюся по содержанию от привычной для них); но если они видят социальную и культурную размытость, некую мозаику вместо целостности, то они в поисках привычной жесткой опоры стремятся воспроизвести в новой, неопределенной (с их точки зрения) среде привычные социально-культурные стандарты, что и ведет к формированию анклавов. Последняя посылка хорошо согласуется с данными, полученными нами в ходе ряда исследований восприятия московской среды мигрантами о том, что даже давно укорененными москвичами азербай-

⁵ Большинство наших респондентов — выходцы из сельских районных центров Азербайджана и Таджикистана.

джанского происхождения проблемность этой среды видится в ее атомизации и неопределенности ценностно-нормативных стандартов.

С другой стороны, негативную роль в выстраивании внутренних культурных границ таких поначалу сетевых этнокультурных анклавов играет давление ксенофобной информационной среды, наиболее ощущаемое в крупных городах России. Образ жизни временных трудовых мигрантов, то есть наименее интегрированной и не мотивированной к интеграции группы иноэтнических мигрантов (*безотносительно к конкретному этническому происхождению*) служит материалом для конструирования и поддержания стереотипа “лица кавказской (азиатской) национальности” (а фактически, образа агрессивного чужака, снабженного очень расплывчатыми, применимыми практически ко всем этническим группам признаками “ино-национальной” принадлежности), который затем переносится на все группы, как-либо антропологически или культурно отличающиеся от основной массы городского населения: как на те этнические группы, которые принадлежат к полноправным автохтонным, состоящим из граждан России, так и на представителей этнических диаспор, столетиями проживающих в России. Этот вывод мы сделали на основании анализа, во-первых, сообщений СМИ, где затрагивается тема мигрантов-азербайджанцев (как наиболее ярком примере дискурса СМИ относительно иноэтнических мигрантов вообще) и, во-вторых, рассматривая результаты ряда экспериментов, направленных на изучение особенностей восприятия московской молодежной аудиторией информационных сообщений, внешне нейтральных, но провоцирующих этнический дискурс.

В связи с изложенным выше был сконструирован и проведен социально-психологический эксперимент, имевший целью выяснить, как конструируется “лицо кавказской национальности” именно как образ “чужака”, и как в последующем этот образ провоцирует реакцию, которую можно квалифицировать как среднюю между ксенофобией и этнофобией. Косвенно в этом эксперименте мы хотели получить ответ на вопрос: когда респонденты в многочисленных опросах оценивают свое отношение к тем или иным конкретным этническим группам, то представляют ли они себе, о ком, собственно, идет речь и что они имеют в виду на самом деле? Для выяснения этого мы провели два эксперимента, основанных на материалах электронных СМИ, к которым в основном подключена московская молодежь.

Задачей первого эксперимента была проверка того, насколько точно читатели могут определить этническую принадлежность по характеристикам, которые в газетах и в электронных СМИ преподносятся как типичные для представителей определенной этнической группы, в нашем случае — для азербайджанцев. Для этой цели были

отобраны тексты электронных СМИ, в которых каким-либо образом характеризуются азербайджанцы.

Ниже приводится несколько примеров таких характеристик:

“Этот гриб невелик: редко встретишь азербайджанца выше 170–175 см. Несмотря на густые черные брови и традиционно крупные черты лица, явно кавказские стороны в его внешности отыскать будет сложно. В первую очередь потому, что у азербайджанцев совершенно прямой нос и почему-то не затемненная палящим солнцем кожа. Одеваются они строго, элегантно и смотрятся по меньшей мере внушительно” [2].

“Эти дети гор на родном языке писать не умеют... Сидели бы себе в ауле, а к нам в Москву не совались” [3].

“Последняя перепись населения показала, что места убывающих русских активно занимают азербайджанцы — люди с другими традициями, бытовыми навыками, с другой культурой и религией” [4].

“От торговли в столице азербайджанцы ежегодно получают \$1,5–2,5млрд, тогда как весь бюджет Азербайджана \$1,4 миллиарда” [5].

“Азербайджанец — хороший семьянин, человек, который свято чтит память отца, способный проявить великодушие, продемонстрировать глубокие знания” [6].

“Их вотчина — это торговля наркотиками растительного происхождения” [7].

“...Азербайджанцы охотно промышляют извозом в свободное от торговли на рынках время” [8].

Далее были организованы две фокус-группы из студентов московских вузов (возраст 21–23 года), где был зачитан весь набор приведенных выше характеристик, но без указания этнонима. Участникам фокус-групп предложили обсудить данные характеристики и попытаться угадать, о какой этнической группе идет речь. В конце обсуждения, поскольку участники не могли прийти к общему мнению, были предложены варианты: грузины, азербайджанцы, армяне, таджики, чеченцы. Результат этой пары фокус-групп был неожиданным в том смысле, что мы не ожидали такой одномерности, однозначности представления об этнических группах России.

Ниже приведены характерные примеры аргументации, использованной участниками фокус-групп для идентификации этнической принадлежности носителей зачитанных характеристик:

...когда про консолидацию зачитывали, это точно вьетнамцы

...Или грузин, или армянин, да. А может чеченец еще.

...А если их вотчина — торговля наркотиками, то азербайджанцы.

...Армяне! Я сначала думала, что... или армяне, или грузины, или чеченцы. Но, по-моему, они все одинаковые, я так особо их не различаю.

...Все вот, кто с Кавказа приехал, у них семьи. ...Ну там детей столько-то, сколько-то жен, сколько-то там двоюродных, пятиродных и пятая вода на киселе. И все родственники, и все гости. ... Грубые и невежественные, и вообще...

...Наверное, не грузины, потому что в Грузии очень вино пьют, и про вино говорят, наверное. Уж что-нибудь бы всплыло, какая-нибудь винная промышленность. Про подрывную деятельность ничего не сказано, значит, не чеченцы. Говорилось про наркотики. Ну значит, через Азербайджан, Армению везут, там, наверное, рядом все находится.

...Гастарбайтеры. У них национальность такая — гастарбайтеры.

В целом можно видеть динамику сцепления проходящей в СМИ информации, декларируемой как объективная, о тех или иных конкретных этнических группах, в некий образ квазиэтнической группы “кавказской национальности”. Иначе говоря, здесь налицо феномен конструирования средствами массовой информации стереотипа “лица кавказской национальности”, который обобщает все этнические группы Кавказа, смазывает границы между ними, причем **связующим материалом** служит преимущественно негативная оценка и подчеркивание “чужеродности”, “приезжести” и агрессивности по отношению к “нашей” культуре. Стоит обратить внимание и на то, как именно этот связующий материал (чужие, приезжие, агрессивные по отношению к “нашей” среде) плавно и незаметно перетекает на **коренные** народы российского Кавказа (чеченцев, например).

И хотя решающая роль СМИ в формировании и поддержании негативных или позитивных образов этнических (в основном мигрантских) групп активно отрицается прежде всего представителями самих СМИ, можно говорить о том, что часть изданий и журналистов эксплуатирует этот обобщенный образ, который может быть наклеен, как мы увидели, на **любое** “неславянское” лицо.

Более того, существует малоизученная проблема непрямого, косвенного подкрепления этого квазиэтнического стереотипа в потоке нейтральной новостной информации, которая укладывается в более широкую психологическую проблему роли массовых информационных потоков в конструировании персонифицированных образов групп. Основание утверждать это дали результаты второго эксперимента. Для его проведения из информационного потока была выбра-

на типичная репортерская статья о “криминальной разборке” в одном из московских боулинг-клубов. Текст этой статьи был предложен для обсуждения на указанной паре фокус-групп с той лишь разницей, что в одной из них славянские фамилии действующих лиц были изменены на условно “кавказские”. Участники делились своими эмоциями, впечатлениями от услышанного, высказывали свое мнение о героях данных статей.

Участники первой фокус-группы (где был зачитан текст статьи со славянскими фамилиями) вовсе не были сильно шокированы происшедшим и даже были склонны больше обвинять охранников, нежели убийц, списывая все на сложную криминальную обстановку в стране, передел зон влияния и др.:

...Какие-то “быдла” не поделили дорожку в боулинге и решили разобраться;

...Пришли нормальные чуваки поиграть в боулинг;

...А вот пистолет надо было проверить охраннику. Охранники испугались, вот они и перестрелялись.

Выявление психологических причин такого спокойного или даже оправдывающего отношения современной молодежи к убийцам и криминалу — это тема для отдельного исследования. Нам же интересно посмотреть на различия в отношении к участию в криминальных действиях так называемых “своих” и “чужих” и выявить отдельные элементы информационных сообщений, провоцирующих эти различия.

Сразу отметим одно высказывание, прозвучавшее в первой фокус-группе:

Беспредел. Зачем на общей территории (в общественном месте), в своей стране такое устраивать? Идите за заборчик и там разберитесь. Ради Бога, разбирайтесь, не зря же стрелки устраивают, сборища.

Ключевые фразы здесь — это “в своей стране” и “ради Бога, разбирайтесь”. То есть основным приоритетом для участников первой фокус-группы является собственная безопасность. В своей стране можно делать что угодно. Главное, чтобы непричастные не пострадали.

Участники второй фокус-группы (где тот же текст был зачитан, но фамилии участников изменены на условно “кавказские”) сразу же стали употреблять явно ксенофобно окрашенные выражения:

...Они, чурки, приезжают, руководят русскими;

...Если они не русские, чего они в нашей стране разбираются?;

...У них в крови эти разборки. Они же горячие мужчины. Они привыкли все вопросы решать рукоприкладством. Как что, сразу за нож хвататься;

...И им, главное, все равно, где свои разборки учинять. Это же общественное место! Это не аул, где пристрелил корову, мимо пробегающую, и не велика потеря;

...Пусть это происходит не в нашей стране, а в их стране. Почему потасовка происходит в нашей стране? Приехали чурки нерусские и мочат, кого попало.

Обратим внимание на последнюю цитату и сравним ее с отмеченным нами высказыванием в первой фокус-группе. И там, и там мы наблюдаем осуждение участниками фокус-группы действий преступников. И там, и там осуждается не само действие, а выбранное место действия. Однако в первом случае такое осуждение вызвано беспокойством за свою безопасность и безопасность невинных людей, а бандитам просто предлагается переместиться “за заборчик”. А во втором случае такая реакция имеет чисто этнофобные предпосылки и протекает на уровне “мы” и “они”, “свои” и “чужие”, предлагая переместиться действующим лицам в “свою страну”. Хотя человек, которого в средствах массовой информации упорно называют “кавказцем”, вполне может быть уроженцем и гражданином Российской Федерации и уже находиться в “своей стране”.

Чем вызвана такая разница в суждениях о сюжете статьи? Отрицательный образ “кавказца”, уже сформированный в информационной среде Москвы (или любого другого города), пусть даже как побочный результат сиюминутного коммерческого или “предвыборного” проекта, в дальнейшем активно подкрепляется и детализируется уже просто за счет новостных сводок, где содержится лишь упоминание (порой сугубо нейтральное) об этнических корнях действующего лица.

Таким образом, даже упоминание в нейтральном с точки зрения этнической оценки информационном сообщении национальной принадлежности действующих лиц ведет к созданию либо поддержке этнических стереотипов и в корне меняет общее восприятие смысла сообщаемой информации.

Описанный выше механизм и результат раскрутки в СМИ, а затем — в общественном сознании “коренных” горожан образа “лица вымышленной национальности” существенно влияет на формирование локальной гражданской идентичности самих мигрантов, особенно тех, кто хочет стать полноправным горожанином и “россиянином”. Причем влияет так, что именно ориентированные на интеграцию в локальном и российском гражданском сообществе *выталкиваются* в анклав, если пока и не пространственный, то как минимум сетевой, ограничивающий круг общения “своими”, в нашем случае — выходцами с Кавказа и/или принадлежащими к одной конфессии.

5.2. Особенности ситуации межэтнического взаимодействия в Москве

*Юрий Арутюнян,
Леокадия Дробижева,
Игорь Кузнецов*

От ксенофобии и страхов на ее почве не свободна ни одна страна, даже самая благополучная. Государство в этой сфере может сделать многое, но не все, особенно в России, где “государственное самосознание” (то есть политическая воля лидеров страны и официальная политика) далеко не всегда были тождественны общественным представлениям и ценностям. Еще в начале 1990-х годов не более пятой части населения той же Москвы называли себя “россиянами”. Лишь к началу XXI века россиянами себя считали более 65% населения страны, а в ряде регионов — 80–90%. У проблемы, что люди не чувствуют себя “гражданами единой страны”, испытывают разного рода фобии и этническую неприязнь, есть ряд причин. Кроме исторических причин (Россия имеет имперское прошлое, у нас не было реального гражданского общества, способного изживать такие болезни), сказались и разочарование в реформах начала 1990-х и длительная неуверенность в завтрашнем дне, ревность и зависть к успехам (иногда даже воображаемым), которых достигли люди из иных этнических или социальных групп, прибывающих в страну. Среди новых мигрантов, прибывших в Москву, Питер, другие районы России после распада Союза, было много людей с “мобильными” жизненными установками. Они достигали успеха в непривычных и непрестижных для местных русских жителей сферах (в сервисе, в мелкооптовой торговле и др.). Они проявляли солидарность друг с другом, что тоже раздражало старожилов. Другие приезжие от безысходности брались за любую тяжелую работу за грошовую оплату, и симпатий у местных жителей не вызывали. Кроме того, массовое недовольство усугубляли действия местных властей. Безопасность они людям не обеспечивали, и мало кто сомневался, что при желании “приезжие с деньгами” их подкупили, обеспечивая себе, как говорится, “место под солнцем” (пространство для торговых точек, ресторанов, автомобильного извоза и т.п.) В условиях невыплаты зарплат, экономических кризисов, угрозы терроризма было крайне удобно “перевести стрелки” недовольства на приезжих, прежде всего с Кавказа и из Средней Азии. По данным ВЦИОМ (теперь “Левада-

Центр”) в 1993 году около трети русских утверждали, что “в социальных бедствиях России виноваты нерусские”. К середине первого десятилетия XXI века так думало уже более 40%. И свыше 50% по-прежнему полагают, что межэтнические конфликты в районах их проживания вполне возможны.

В советское время негативные установки демонстрировали в основном люди пожилые, малокультурные и плохо обеспеченные. Реже предрассудки встречались в среде интеллигенции, попавшей в ситуацию межэтнической конкуренции (в Грузии, Эстонии). Сейчас мы констатируем, что социальные и демографические группы — носители националистических идей — сильно изменились. Понижение статуса людей, невозможность воспользоваться наблюдаемыми ими у обеспеченных людей благами порождает чувства обиды и ущемленности. Это касалось как интеллектуалов, которые никак не могут приспособиться к требованиям сегодняшнего дня, так и квалифицированных работников физического труда, не нашедших для себя адекватного места. В среде молодежи ксенофобскими настроениями заражена значительная группа учащихся ПТУ или рабочих, которые видят богатство только в кино или на московских улицах, а сами живут в ободранных окраинных хрущевках или в деревенских домах в Подмосковье. “Этнический негативизм” проявляет и часть управленцев, бизнесменов, номенклатуры и политиков, особенно тех, кто чувствует себя неуверенно.

В такой ситуации, конечно, необходима реакция гражданского общества и государства, власти. Нельзя сказать, чтобы этой реакции не было совсем. И СМИ, и Общественная палата, и депутаты Госдумы РФ высказываются по поводу происходящих событий. Но молчит Комитет по делам национальностей Государственной Думы, Министерство региональной политики. А ведь именно они, лидеры власти, должны хотя бы декларировать политику государства в этой сложной сфере. Понятно, что это трудно. Многие рецепты, используемые в других странах и в другие времена — ассимиляция, мультикультурализм — либо не давали ожидаемых результатов, либо результаты были временными, проявляя позже негативные социальные и политические следствия (ассимиляционный “плавильный котел” в США, “закрытая этничность” — “все — граждане Франции” или так называемая “позитивная дискриминация” в виде специальных льгот меньшинствам). Ясно одно: чтобы выработать продуктивную политику или хотя бы просто эффективно действовать, нужно знать реальную ситуацию в стране, в конкретных регионах. Такие знания нужны и простым людям, чтобы разбираться в происходящем, не поддаваться слухам, но и действовать в соответствии с реальной обстановкой. Исходя из оперативной значимости конкретных

данных, мы познакомим читателей с результатами проекта, реализованного Центром исследования межнациональных отношений Института Социологии РАН в рамках Программы московской мэрии “Москва многонациональная — формирование гражданской солидарности, культуры мира и согласия” в 2005-м — начале 2006 года.

Мы попытались разобраться, что происходит внутри разных национальностей в Москве, что ценят и кем себя считают живущие рядом с русскими в столице азербайджанцы, армяне, грузины, татары, каких ценностей они придерживаются, и что значит для них Москва.

Опрос проводился только среди легально живущих в Москве⁶. Среди примерно 10 миллионов москвичей 85% — русские, дальше в порядке убывания следуют украинцы (2,5%), татары (1,7%), армяне (1,2%), азербайджанцы (0,9%), белорусы (0,6%), грузины (0,5%) представители других национальностей. За период между последними переписями населения группа азербайджанцев выросла в 4,8 раза, армян — в 2,8, грузин — в 2,7, чеченцев — в 7 раз, а количество евреев уменьшилось с 2% до 0,8%.

Среди нынешних москвичей пропорции родившихся в Москве и приезжих распределяются так: 60% русских — уроженцы столицы, 40% — приезжие (в том числе 15% — так называемые “новомигранты”, осевшие в городе за последние 19 лет). Среди татар 45% составляют родившиеся в Москве, 55% — приезжие, “новые” — 10%. Среди украинских мигрантов 22% живут в столице с 1986 года. Армян-уроженцев Москвы 24%, мигрантов — 76% (26% из них — новые), у азербайджанцев цифры соответственно 14%, 86%, 50%. 22% грузин родились в Москве, из 78% грузин-приезжих 34% — новоселы⁷.

Мигранты разных национальностей сильно отличаются друг от друга, например, по возрасту. Русские переселенцы в возрасте 18–49 лет составляют в своей группе мигрантов 23%, в возрасте 30–49 лет — 39% тех, кому 50 лет и больше — 38%. Зато среди азербайджанцев преобладают люди молодые (52% в возрасте от 30 до 49 лет), и в основном это мужчины. Людей с высшим образованием среди русских мигрантов 36% (это даже выше среднемосковского 31% жителей, вообще имеющих вузовский диплом). Среди мигрантов-украин-

⁶ Проект осуществлен Центром исследования межнациональных отношений Института социологии РАН совместно с советником РАН членом-корреспондентом Ю.Арутюняном. Руководитель проекта — Л.Дробижева; руководители подпроектов — В.Мукомель, И.Кузнецов. Участники проекта — Е.Арутюнова, Е.Загорюлько, О.Щедрина. В ходе проекта опрошено более 3000 москвичей, проведен квотный опрос 500 азербайджанцев, а также фокус-группы.

⁷ Далее данные по национальностям приводятся на основе опроса москвичей по проекту Ю.Арутюняна.

цев таких 29%, у татар — 20%, у армян — 36%, у грузин — 32%, у азербайджанцев — 13%.

Процесс понятен — русскоязычные граждане, которым стало уютно в государствах ближнего зарубежья (переезжали в Россию в основном квалифицированные специалисты) в итоге осели в Москве. А для молодых активных граждан титульных национальностей этих государств столица оказалась хорошим местом, где можно найти работу.

В каких профессиональных сферах заняты московские мигранты? Среди русских, живущих в Москве менее 10 лет, 44% заняты физическим трудом (средняя величина во втором или третьем поколении для москвичей этой национальности — 32%). По 23% относят себя к специалистам высшей и средней квалификации, 10% составляют руководители и предприниматели. Среди коренных русских москвичей физическим трудом теперь заняты лишь 28%, зато чем-то руководят 15%. Русские — это “самые типичные москвичи”, этнонациональное большинство. Это к их традициям должны притираться мигранты. Как они живут? “Все не так плохо и можно жить”, — ответила социологам пятая часть русских-москвичей, половине “жить трудно, но можно терпеть”, а для 24% их бедственное положение “невыносимо”. Большинство русских москвичей уверенно чувствуют себя “россиянами”.

Социальное положение этнических украинцев в столице очень сходно с русскими. “Этнической дистанции” между ними почти не просматривается. Да и 76% столичных украинцев считают русский родным языком, три четверти владеют им лучше, нежели украинским, а две трети их детей по-украински практически не говорят. Только 23% на вопрос “Кто вы?” отвечают “украинцы”, остальные причисляют себя к “россиянам”.

Интересна ситуация среди татар. Те, кто переселился в Москву более 20 лет назад, в основном заняты физическим трудом (63%). А вот те, кто приехал в столицу после 1986 года, уже не шли в рабочие или дворники. Среди них сейчас только 32% заняты физическим трудом, а специалистов — почти две трети. Татары живут в столице на правах “своих”, неприязни к ним не высказывали даже экстремистски настроенные молодежные группы, не говоря уж о более мирном населении. Русский язык для большинства московских татар родной, а в укладе жизни так или иначе уживаются этнокультурные традиции и принятые в Москве стандарты поведения. Более половины татар полагают, что “все у них весьма неплохо”, более или менее довольны жизнью 4%. Крайне недовольны жизнью всего 5%. При этом лучше всего себя чувствует молодежь в возрасте до 30 лет — в этой группе благополучных почти две трети.

Одна из быстро растущих и достаточно легко адаптирующихся этнических групп столицы — армянская. Между переписями 1989-го и 2002 годов число армян-москвичей выросло втрое (сыграли свою роль землетрясение и война с Азербайджаном). Армянские мигранты, приехавшие в Москву, были, как правило, молодыми (до 80% моложе 30 лет) и чаще это мужчины. По сравнению с коренными москвичами — русскими, украинцами, татарами — их оказалось сравнительно немного в системе управления, зато бóльшая доля их занята в сфере культуры, в “квалифицированных группах умственного труда”. Армяне-мигранты сравнительно легко вливались в московскую жизнь. Большая часть из них приехала в столицу из Азербайджана и Грузии, где они учились не в “национальных”, а в русских школах, свободно владели русским языком (половина считала его родным) и чувствовали себя “гражданами Союза”. Тесной связи именно с Арменией у них, по сути, не было — две трети армян-москвичей там практически никогда не бывали, 90% не имели никакого желания менять Москву на Ереван.

В социально-демографических чертах московских грузин много сходства с армянами. Подавляющая часть их столичной диаспоры — новые, “постсоветские” мигранты. Правда, грузин в Москве существенно меньше, чем армян. Большая их часть оценивает свою жизнь в столице положительно — особенно по сравнению с ситуацией, которая сложилась в современной Грузии. Но по родине они скучают достаточно сильно, однако “не хотят вернуться к прежним временам”.

Большинство грузин-москвичей свободно говорят и думают на русском языке, но две трети сохранили хорошее знание грузинского. Правда, в отличие от старших, лишь треть молодежи свободно говорит и думает по-грузински.

Как и армяне, московские грузины вполне терпимо относятся к смешанным бракам: так, у трех четвертей грузин и трети грузинок супруги были русскими.

Самая сложная в Москве — азербайджанская диаспора. Согласно переписи 1989 года в Москве проживала 21 тысяча азербайджанцев, а сейчас — около 100 тысяч, то есть примерно 1% населения столицы. опередив по численности евреев, белорусов и грузин, они в последнее время стали более заметными. При наличии весьма сильной, но малочисленной прослойки интеллигенции, в массе своей азербайджанцы-мигранты принадлежат к относительно менее образованной части столичного населения. Только 13% из них имеют высшее образование. Верующих-мусульман среди них даже больше, чем среди татар (71%). Эта этническая группа как никакая другая ревностно хранит “свой” традиции. В частности, больше половины женщин не ра-

ботаю — ведут домашнее хозяйство; не поощряются межнациональные браки и т.п. Значительная группа представителей этой диаспоры сохраняет тесную связь с Азербайджаном и мечтает туда вернуться. Заметно больше людей, чем в других этнических группах, не отказались от азербайджанского гражданства.

Как можно ожидать, позиции азербайджанцев в Москве в ближайшем будущем должны измениться. Молодежь получает образование в российских школах и вузах, уже 85% столичных азербайджанцев считают, что свободно владеют русским языком. В Москве азербайджанцы постепенно начинают преодолевать даже застарелые традиционалистские предубеждения: большинство опрошенных считают, что необходимо “*воспитание уважения между народами Азербайджана и Армении*”.

Но главное, на что хотелось бы обратить внимание — это разнообразие внутриэтнических групп. Мы разделили мигрантов на тех, кто хотел бы в будущем остаться в Москве, и людей, приехавших в столицу ради временного заработка⁸. Отличия оказались разительными.

Так, среди московских азербайджанцев, которые хотят навсегда остаться москвичами, почти половина (48%) имеют постоянную работу, завели собственное дело 34%. Лишь 6% работают от случая к случаю и 11% — временные наемные работники. Совершенно иначе обстоят дела у тех, кто рассматривает Москву как своего рода Клондайк или перевалочный пункт. 44% имеют лишь временную работу, только 28% — постоянную. Собственное дело есть у 22%, а 6% перебиваются случайными заработками.

Соответственно эти люди оценивают и свое материальное положение: 23% ориентированных на жизнь в Москве ни в чем себе не отказывают, а у 34% вызывает затруднения только приобретение дорогих вещей. Среди “временщиков” каждому пятому (27%) хватает денег только на еду, а 44% в состоянии купить лишь самое необходимое.

Большинство планирующих остаться в Москве навсегда (82%) приняли такое решение самостоятельно. Больше половины из них (53%) хотели бы видеть своих детей и внуков москвичами. Во второй группе половина приехала по собственной воле, а другую, чуть меньшую часть (49%) “уговорили родственники”. Ровно в десять раз меньше таких опрошенных готовят детям “московскую судьбу”.

В отношениях с городом любовь и “горечь”, оказывается, во многом связаны. Менее трети азербайджанцев, “ориентированных на по-

⁸ Данная часть проекта была выполнена под руководством И.Кузнецова.

стоянную жизнь в столице”, не в состоянии примириться с московскими традициями, а 45% считают, что в русском городе надо жить по русским обычаям и традициям. Зато во второй группе нетерпимых больше половины, а соблюдать московские нормы готовы лишь 25%. Среди временщиков вчетверо больше тех, кто гордо заявляет: “Только слабые и трусливые люди соблюдают все законы и правила!”, и нарушают их, если считают нужным (11% против 2,4% в первой группе). При этом согласились с утверждением “спокойно и достойно можно жить только среди своих” 9% “потенциальных москвичей” и 48% временных мигрантов-азербайджанцев.

Только четверть мигрантов — убежденных москвичей хотела бы жить по соседству со своими земляками. Среди “временщиков” так думают больше половины. Половина “постоянных” — за то, чтобы селиться среди давно живущих в Москве людей, 22% все равно, в каком районе жить. Терпимость распространяется даже на самое что ни на есть святое — на детей. Треть азербайджанцев, готовых остаться в Москве, ничего не имеют против того, чтобы их дочь вышла замуж за русского (хотя ислам подобные браки с иноверцами мусульманкам категорически запрещает). Однако лишь 12% “временщиков” допускают такую мысль.

Интересно было узнать, что думают коренные москвичи. Как выяснилось в ходе проведенных Центром исследования межнациональных отношений Института социологии РАН опросов и фокус-групп, “неприязнь слепа”: они часто даже не подозревают, кто перед ними — азербайджанец, армянин, таджик, грузин, чеченец... Вникать в этнографические или культурные тонкости жители столицы редко хотят. Участникам фокус-групп прочли отрывки из статей в прессе, где описывались обычаи и традиции азербайджанцев, и предложили угадать, о какой национальности речь. Стенограмма обсуждений пестрит редкостными по степени несуразности, но очень узнаваемыми перлами. *“По-моему, они все одинаковые, я их не различаю”. “Разница между грузинами и армянами — что-то в отношении с родственниками”. “Те фамилии, что на ”-ян” — это армяне, а на “-идзе” - грузины. А Джафаров? На “-ов”. Русская фамилия.” “Я их всех не люблю, потому что они пристают ко мне всегда”. “Грузины — они с достоинством. Они песни поют. А армяне все как один врачи, для них в институтах даже группы специальные создают”.* И так далее.

“Административный ресурс” — то, как оформляют прием мигрантов, тут важен, но недостаточен. Все гораздо сложнее и тоньше. Прежние волны миграции были в основном волнами переселения конкретных людей для учебы или работы по вызовам учреждений. Современные потоки включили целые группы трудовых мигрантов разных культур, приезжающих в наиболее экономически благопо-

лучные территории. Это непрерывный процесс, и для обслуживания таких потоков (как показывает пример тех же парижских пригородов) формируется целая инфраструктура. Анклавы могут быть, потому что только в них для мигранта создается своего рода “капсула” в непривычном для него городе. Проблема в том, чтобы они “не слишком мешали” местному населению — в нашем случае — московскому сообществу. Как показали наши исследования, надо плотнее и лучше взаимодействовать с теми мигрантами, которые по-настоящему хотят стать москвичами, видят в этом городе будущее для своих детей, готовы — пусть не сразу — принять и разделить базовые ценности местного населения. Однако на словах власти высказывают пожелания *“сделать все, чтобы люди приезжали и работали”*, а на повседневном уровне выстраивают многочисленные барьеры. В результате даже те приезжие, кто хотел бы “интегрироваться” в московскую жизнь, сделать этого почти никогда не могут. Между тем в сознании мигрантов, готовых остаться в Москве навсегда, как показали опросы, очень сильна убежденность, что *“Москва — русский город и надо жить в соответствии с его обычаями”*. Не у всех это получается. Особенно в так называемых анклавах. Они есть во многих странах, есть и в Москве.

В Москве преобладает “русская” культурная среда, которая, конечно же, испытывает влияние глобализирующегося общества, но все же сохраняет своеобразие. Когда иммигранты не понимают, “по каким правилам в городе идет игра”, они пытаются, как считает И.Кузнецов, найти устойчивую опору, воспроизводя на новом месте привычные для них отношения и культурные ценности. Так что дело не только в мигрантах, но и в культуре принимающей среды. Сейчас есть две тенденции ответов на “взбунтовавшуюся этничность”. Одна — перестать говорить о ней. Даже не называть этническую принадлежность, например, торгующих на рынках или даже нарушивших общественный порядок на основе этнической неприязни — они просто преступники. Другая, наоборот, — не забывать, даже подчеркивать, что ты русский, поляк, азербайджанец. Главное же — не допускать дискриминации людей по национальному признаку. А иногда сказать о добрых поступках русских, украинцев, татар даже полезно. Ведь бывает, что они совершают их не только потому, что являются добропорядочными гражданами своей страны, но и потому, что хотят, чтобы о них — об их национальности — складывалось представление как о достойных людях.

5.3. Профессиональная идентичность современной российской милиции и толерантность⁹

Ольга Щедрина

Социальные трансформации последних 15 лет, произошедшие вследствие распада СССР, во всех образовавшихся странах (бывших социалистических республиках) потребовали формирования гражданских структур и гражданского сознания, соответствующих демократии. Однако социетальные преобразования меняют также представления социальных и этнических групп о роли государства, основах социального расслоения, статусе взаимодействующих социальных групп. Новый социальный контекст создаёт предпосылки для поляризации гражданских идентичностей, возникновения нетолерантности.

В условиях кризиса ранее существовавших идентичностей и становления новых идентичностей в постсоветских странах возникают внутренние противоречия, амбивалентные образцы массового поведения и социальные конфликты между отдельными социальными группами. В связи с этим становится актуальным исследование тех факторов, которые в разных странах СНГ влияют на возникновение социальных противоречий между новыми и старыми идентичностями, на формирование нетолерантности при межличностных взаимодействиях, взаимодействиях как внутри, так и между различными социальными группами. Этому был посвящен двухгодичный исследовательский проект “Национально-гражданские идентичности и толерантность в России и Украине: сравнительный анализ”, осуществленный учеными из Института социологии РАН и Института социологии НАН Украины.

В данном параграфе, написанном по результатам российской части проекта, рассматривается профессиональная идентичность российских милиционеров. Особое внимание именно к этому институту определяется несколькими обстоятельствами. Во-первых, органы внутренних дел воспринимаются населением любой страны как олицетворение государства и власти. Во-вторых, правоохранительные органы являются тем институтом государства, который, в силу своих

⁹ Параграф написан благодаря поддержке гранта РГНФ № 05-03-91303а/Ук в рамках совместного российско-украинского проекта “Национально-гражданские идентичности и толерантность в России и Украине: сравнительный анализ”, выполнявшегося в 2005–2006 годах.

функций, так или иначе взаимодействует со всем населением страны. В-третьих, изменение социального и этнокультурного облика населения отдельных регионов и стран, являющееся следствием глобальных миграционных перемещений, ставших нормой за последнее десятилетие, представляет значительный вызов для государственного управления в целом и поддержания правопорядка в частности.

Миграции не только существенно расширяют этническую и культурную мозаику, но также выявляют и обостряют этнокультурные противоречия между разными группами населения, вызывая социальные напряжения. Сглаживание этих напряжений, безопасность и защищенность всех членов общества зависит от ориентации государства выполнить задачу поддержания правопорядка в интересах и в зависимости от потребностей всех граждан, в том числе и тех, которые совсем недавно появились на территории страны. Таким образом, открытая по отношению к другим группам правоохранительная идентичность может способствовать толерантности и интеграции общества, и наоборот, закрытая от населения правоохранительная группа, подчиняющаяся в своей деятельности государству, будет усиливать напряженность в обществе и сегрегацию определенных, в первую очередь инокультурных групп.

Эмпирической основой данного исследования являются глубинные интервью (9 интервью в России) с сотрудниками органов внутренних дел и материалы фокус-группы с руководителями подразделений ОВД разного уровня. Выбор общей методики исследования определялся характерными особенностями объекта исследования — сотрудниками правоохранительных органов. Во-первых, данная профессиональная группа отличается высокой степенью закрытости. Во-вторых, она является высоко мифологизированной группой в обществе (как в российском, так и в украинском). В-третьих, ограниченный ресурс времени для интервью у представителей данной группы продиктовал необходимость использования таких методов, которые бы в наибольшей степени соответствовали возможностям и мотивации самих интервьюируемых. В-четвертых, специфика деятельности респондентов как руководителей подразделений ОВД, их интеллектуальный потенциал обусловили отказ работать в стилистике “закрытых вопросов”. В частности, это позволило снизить вероятность заранее отработанных, стандартных ответов. Таким образом, основным методом, наиболее оптимально отвечающим целям и задачам исследования, а также отражающим специфику изучаемого объекта, стал метод полуструктурированного глубинного интервью.

Как уже упоминалось, в 2006 году в России была проведена серия из 9 глубинных интервью, в Украине — серия из 10 интервью по согласованному инструментарию. В России для актуализации самооп-

ределения сотрудников ОВД между государством и обществом была выбрана проблема освещения деятельности милиции в СМИ. Для анализа российской части исследования также привлекались результаты предыдущего проекта, реализованного в Центре исследований межнациональных отношений ИС РАН в 2004 году в рамках Федеральной целевой программы “Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001–2005 годы)”, о возможности применения принципов мультикультурализма в деятельности сотрудников ОВД¹⁰. Также использовались материалы совместного украинско-британского проекта по налаживанию взаимодействия между милицией и населением на новых принципах ([см.: 9]).

Разработка плана интервью (см. Приложение) осуществлялась на основе анализа ряда российских эмпирических исследований (Аналитический центр Юрия Левады, фонд “Экспертиза”, Центр этнической социологии ИС РАН), с привлечением зарубежных теоретических материалов, а также согласовывалась с украинскими коллегами, работающими по той же тематике.

Интервью были разбиты на две серии¹¹. Особенностью проведения данного исследования были временные ограничения, поэтому после каждой серии интервьюеры проводили предварительный анализ интервью и корректировали инструментарий. Целью корректировки было изменение не смысловой нагрузки вопроса, а его форму-

¹⁰ Руководитель проекта — Л.Дробижева. Участники проекта: Д.Даен, Е.Загородулько, И.Кузнецов, С.Рыжова, О.Щедрина. Эмпирическая база исследования представлена материалами круглых столов с руководителями подразделений ОВД различного уровня, пилотажных анкетных опросов руководителей региональных подразделений ОВД и студентов Казанского юридического института МВД РФ, а также глубинными интервью с начальниками территориальных отделов внутренних дел ГУВД г. Москвы (17 интервью). Для вторичного анализа и сравнительных сопоставлений использовались данные репрезентативных исследований Аналитического центра Юрия Левады, фонда “Экспертиза”, исследовательских проектов, проведенных под руководством Л.Дробижевой, проекта Центра этнической социологии “Формирование толерантных установок по отношению к мигрантам в Москве”, материалы сайтов правозащитных организаций (правозащитного Центра “Мемориал”, Общественного комитета помощи беженцам “Гражданское содействие” и др.), материалы российских СМИ о милиции, а также данные зарубежных опросов общественного мнения по проблеме отношения к полиции. Изучение международного опыта стало возможным благодаря материалам проекта “Формирование межэтнической толерантности в российском обществе”, поддержанным Фондом Горбачева — Университетом Калгари (проект реализован в Институте социологии РАН совместно с Университетом Макмастер (Хамильтон, Канада).

¹¹ В проведении интервью участвовали Е.Загородулько и О.Щедрина.

лировки. Это было связано с тем, что группа респондентов также обсуждала исследование и готовилась к ответам на вопросы. Изменение формулировки вопроса заставляло респондента менять уже подготовленные ответы и способствовало преодолению их стандартизации. Учитывая новизну сравнительного исследования данной группы, серии интервью в России и Украине имели пилотный характер, главной задачей их являлось определение главных направлений для последующего исследования, и в первую очередь отслеживание того, какое влияние на правоохранительную идентичность оказывает государственная идентичность, в частности политическое устройство страны.

Приступая к анализу материалов российской части интервью, необходимо дать представление о влиянии на правоохранительные органы и их практики трансформации общественно-экономического устройства государства, а также показать наследие и традиции советской правоохранительной системы (составляющими которой были и российские, и украинские ОВД) в сфере организации взаимодействия с обществом.

Трансформация советской правоохранительной системы и формирование российской правоохранительной идентичности

Правоохранительную систему, действовавшую в Советском Союзе, условно можно охарактеризовать как основанную на традиционной профессиональной модели, характерными чертами которой являются отделение правоохранительных органов от общества и четкая аффилиация с государством. Особенность советской милиции состояла в том, что она действовала в особых условиях тоталитарного государства. В первую очередь это влияние выразилось в специфике правового пространства — в репрессивно-карательной направленности реальных практик, в их зависимости от идеологических установок руководителей страны. Так, к началу 1950-х годов из судебной практики почти исчезли оправдательные приговоры, вынесение которых влекло за собой привлечение к ответственности прокуроров и следователей. В случае невиновности обвиняемых или недостаточности доказательственной базы в судах прибегали к компромиссной практике: направляли дело для производства дополнительного расследования или назначали подсудимому при недостаточности улик срок лишения свободы, равный уже отбытому им в следственном изоляторе [10, с. 272].

В советской правоохранительной системе взаимодействие с населением принципиально отличалось от того, что под этим понимается сейчас в западных странах — его формы и практическое осуществление были также подчинены интересам тоталитарного государства. К наиболее известным формам организации взаимодействия с населением в советское время относятся: институт участковых уполномоченных (до сих пор существует в рамках структуры органов внутренних дел), а также различные общественные организации и образования, в задачу которых входило содействие правоохранительным органам (отряды содействия милиции, институт добровольных помощников, общественные участковые инспектора, добровольные народные дружины и другие) (подр. см. [9, с. 28–47].

Добровольные народные дружины по охране общественного порядка, учрежденные в 1958 году, наряду с товарищескими судами представляли собой наиболее яркий пример правоохранительной системы, параллельной официальной. Так, народные дружины могли подавать материалы на возбуждение уголовных дел не только в милицию, но в прокуратуру и суд без предварительной санкции органов внутренних дел [9, с. 31]. Участие добровольных дружин в расследовании преступлений не ограничивалось только информированием соответствующих органов о совершенном преступлении, они участвовали в выявлении очевидцев, потерпевших, в розыске похищенного имущества, орудий преступлений и других доказательств, охране места происшествия, установлении образа жизни подозреваемого. При пресечении правонарушений дружинники имели право изымать у нарушителей орудия совершения преступления с последующей передачей их в органы внутренних дел. Руководство народными дружинами осуществляли районные штабы народных дружин, которые, в свою очередь, были подотчетны руководству местных органов коммунистической партии [9, с. 32].

На товарищеские суды возлагались несколько иные функции — их задачей было создание обстановки нетерпимости к тому, что считалось антиобщественными поступками. С этой целью товарищеский суд мог использовать в отношении нарушителя “меры гражданского воздействия”: публичное извинение перед потерпевшим или коллективом, вынесение товарищеского предупреждения, общественного выговора, общественного осуждения, включая публикацию их содержания в газете, наложение денежного штрафа [9, с. 37].

Эффективность советской системы взаимодействия милиции и населения была высока лишь в условиях высокоцентрализованного тоталитарного государства, территориального закрепления граждан и в целом небольшой и контролируемой государством мобильности населения. Ее специфика состояла в том, что в условиях тоталитар-

ного государства общественные организации не были элементами гражданского общества, а одна из их основных функций заключалась в надзоре и осведомлении правоохранительных (карательных) органов о настроениях граждан. Это историческое прошлое, с одной стороны, наложило определенный негативный отпечаток на восприятие инициатив по организации взаимодействия органов внутренних дел и населения в современном российском обществе, особенно если подобные инициативы исходят от государства или от самих органов правопорядка. С другой стороны, это прошлое воспринимается нынешним руководящим звеном как время наиболее эффективного исполнения ими своих обязанностей, как своего рода профессиональный идеал.

В условиях тоталитарного государства советские правоохранительные органы не стояли на защите законности как таковой, а использовались для защиты интересов политического руководства страны, или, другими словами, государства. Традиция использования правоохранительных органов для защиты интересов той или иной политической силы до определенной степени продолжилась и в новом российском государстве¹². Из интервью: *“На все эти приватизационные моменты, когда возникали споры, конфликты на предприятиях, привлекалась везде, всегда милиция. Она вроде бы являлась гарантом обеспечения общественного порядка. Так это записано в законе. Но по сути дела-то, стражи правопорядка стояли на той или иной стороне, которая занималась приватизацией”*. В условиях перехода страны к рыночным отношениям эта традиция вполне естественно видоизменилась и приобрела форму “милицейской крыши” — теневой защиты прав собственности. К 2000 году на рынке охранных услуг “милиейские крыши” заняли доминирующее положение, потеснив “бандитские” и “коммерческие крыши” [12, с. 283]. Этому способствовали высокая конкурентоспособность и качество оказываемых услуг: сотрудники правоохранительных органов могли бесплатно использовать служебные базы данных и спецоборудование, маскировать выполнение заказов своих клиентов выполнением прямых служебных обязанностей (например, “охотиться” именно на тех бандитов, которые угрожали опекаемым ими бизнесменам).

Несмотря на официальный запрет сотрудникам органов внутренних дел на любые дополнительные виды деятельности вне системы МВД [13, с. 38], в силу бедственного экономического положения и

¹² Согласно материалам Аналитического центра Юрия Левады, в ноябре 2004 года 50% россиян были уверены, что правительство страны использует правоохранительные органы в борьбе со своими политическими противниками (см.: [11, с. 74]).

недостаточного бюджетного финансирования, участие в дополнительной деятельности, в служебное время, в том числе в деятельности, подобной “крышеванию” или имеющей условно законный характер, стало рассматриваться в рамках самого института как вполне приемлемый вид получения дохода. Так, по данным репрезентативного исследования, проведенного в ИСЭПН РАН в 1999–2001 годах, 56% опрошенных оценили законодательный запрет на дополнительные заработки как несправедливый [14, с. 78]. Из интервью: *“Ну, подрабатывать — это еще не нарушение закона. Если он честным и добросовестным трудом выйдет и где-то в ночь отработает, получит за это определенную сумму денег — это еще не нарушение закона с точки зрения человеческого отношения”*.

Условная легитимность дополнительных заработков выразилась в наиболее принятых и распространенных формах оплаты за оказание сотрудниками органов внутренних дел услуг: приобретение компьютеров и другой оргтехники, перечисление средств в фонды содействия правоохрнительным органам [14, с. 79]. Факт неформальной дополнительной оплаты за выполненную работу стал считаться до некоторой степени и признаком профессионализма. Из интервью: *“... дадут тому, кто сделает, кто умеет. Значит, мы должны признать, что человек делает почти невозможное, то есть он разбирается, он знает свой вопрос хорошо. Граждане, когда приходят, они надеются на умных, а мы говорим — умным-то нужны деньги, а бестолковые-то не могут их защитить... Поэтому когда берут, мы должны признать, что эти люди знают свою работу”*.

В условиях рыночных отношений престиж и значимость той или иной профессии во многом зависят от того, какое материальное положение (а значит, и социальный статус) она может гарантировать. Это изменение системы ценностей в обществе отразилось на социальном статусе и престиже правоохрнительных органов. При тоталитарном режиме служба в правоохрнительных органах, наряду с политической карьерой, была одной из наиболее престижных профессий, лояльность сотрудников правоохрнительных органов государству хорошо оплачивалась. И эта потеря позиций болезненно переживается: *“Престиж милиции подрывался не одним днем. Наверное, кому-то было выгодно сделать милицию карманной, которая будет стоять на входах в дорогие офисы, рестораны, банки, а другие милиционеры, получилось, что и не нужны”*; *“Престижа сейчас как такового нет... Престиж из чего складывается? Не только то, что это государственные органы. Престиж, как правило, из тех социальных благ и того, что государство дает. Сотрудник должен знать, что да, он получит квартиру, он получает хорошую зарплату, еще какие-то льготы. Престиж начинается именно с социальной сферы”*; *“Сейчас мили-*

ционера как государственного служащего не уважают, и его роль как государственного служащего принижена”.

Потеря престижа, социального статуса, уважения в обществе начала сказываться на изменении отношения к государству — “вина” за неудовлетворительное состояние дел, за невозможность качественно выполнять свою профессиональную функцию перекладывается именно на него: *“Мы выгодны государству в таком виде, в каком существуем”, “Система может наполняться только извне, то есть только государством. Государство не должно ставить недостижимой цели...”, “... Государство обязано перед теми, кто его охраняет и защищает, поставить четкие задачи и цели, и обеспечивать”.* И, как образно сформулировали респонденты на фокус-группе, понимание функций и целей своей деятельности: *“... по принципу дворника: задача — не территорию убирать, а наполнять мусорный бак”.* Но несмотря на некоторое отчуждение, государственная идентичность играет ведущую роль: *“Мы — государственная структура, мы и есть государство”.*

В силу этого идея расширения социальных функций российских милиционеров (по примеру их западных коллег), переход милиции в сервисную структуру, подотчетную обществу и оказывающую правоохранительные услуги, не разделяется полностью сотрудниками ОВД. Оказание правоохранительных услуг предполагает и более тесное взаимодействие с населением. Перенесение акцента с поддержания правопорядка на оказание правоохранительных услуг означает также, что оценивать деятельность ОВД должны потребители, то есть население.

Как показал анализ, приоритет в задачах отдается традиционно: *“Конечно же, охраной правопорядка, в первую очередь, должны заниматься. Это — первая функция и задача, возложенная на милицию”;* *“охрана общественного порядка, исполнение функций по обеспечению безопасности — это основная задача органов внутренних дел и милиции в частности”.* Концепция оказания правоохранительных услуг населению не вызывает однозначного отношения, в первую очередь она не очень понятна: *“... граждане должны были бы воспринимать как оказание услуг каких-то населению. Я затрудняюсь сказать, каких именно, ... но граждане всегда желали какую-нибудь услугу”.* Мнения о новой концепции колеблются от одобрительного (*“Милиция оказывает народу социальные услуги в области права. Мы — тоже социальная служба, мы оказываем услуги населению”*) до в достаточной мере скептического (*“Правоохранительная деятельность не может быть низведена только до уровня услуги... все-таки правильно будет называть это государственной правоохранительной службой”*). Также важно отметить, что в официальной повсед-

невной практике, по мнению наших респондентов, эта концепция еще не задействована: *“Но так как нет такого понятия “оказание услуг”, то самый лучший способ — “это в нашу компетенцию не входит. Кладет трубку, и все”*; *“... милиция отвечает по телефонному звонку, что мы не уполномочены или этим не занимаемся”*.

“Правоохранительные услуги” понимаются так же, как различного рода консультации: *“...из этого вытекает оказание правовых и юридических услуг населению. Потому что любой гражданин, обратившийся в органы внутренних дел, написав заявление о преступлении или сообщение какое-либо, естественно, сразу вступает в контакт с сотрудником милиции — юристом, человеком, знающим основы юридической науки, который разъясняет ему его права, его обязанности. Поэтому это, скажем так, одна из форм оказания правовой помощи”*. Важно отметить, что концепция оказания правоохранительных услуг связывается как с возможностью улучшения финансового положения сотрудников ОВД (*“...за услуги надо платить”*), так и с участием в политике (*“если кто занимается политикой, тем — правоохранительные услуги”*).

Тенденция к расширению социальных функций милиции воспринимается как неправильная и затрудняющая выполнение сотрудниками милиции своих основных функций: *“Обыватель как рассуждает: “Вот, милиция ничего не делает”. Тут нужно показывать, что не только милиция за все отвечает, не мы тут крайние”*; *“Все свалили на милицию, то есть тот же участковый, у него круг обязанностей такой, что если добросовестно работать, за 8 часов все добросовестно отработать просто не успеешь. Он сам не знает, за что отвечает, потому что отвечает буквально за все — что надо и не надо”*.

Население представляется как тот субъект, чьим мнением легко манипулировать: *“...Как населению преподнесли, так они и восприняли, так и продолжают к этому относиться. Сказано — “плохо”, значит — все плохо. ...Как показали по телевизору, значит так и есть. Народ экрану верит”*. Эти представления влияют на отношение к переходу на другие принципы оценки деятельности органов внутренних дел, а именно, по мнению населения: *“Руководствоваться только мнением населения о милиции я считаю, рановато — менталитет, к сожалению, у нашего народа не позволяет”*; *“...общество на сегодня настолько не подготовлено”*. В целом оценка деятельности, по мнению населения, оказалась одной из наиболее противоречиво воспринимаемых: от *“мнение населения — главный критерий”* (*“Мы должны прийти к тому, чтобы уровень работы милиции оценивался именно общественным мнением. Работу должны оценивать люди, которые проживают в данном районе... они видят, как работает их милиция, видят, что творится у них на улицах...”*); *“...самый главный критерий,*

я так считаю, — это именно отношение населения, граждан простых...” до “население — не специалисты” (“... обыватель же не знает специфики работы”; “не знают, какие вопросы отнесены к нашему ведомству”), его компетентность в деятельности ОВД низкая, соответственно, даже признавая важность мнения населения в данный момент, главным критерием должен оставаться уровень преступности в целом, а также другие статистические показатели (“...Критерии все равно должны быть — критерий раскрываемости, критерий выявления...”). Каким же видится общество и отношения с ним сотрудниками российских ОВД?

Российские ОВД и общество: партнерство или антагонизм

Рассматривая характер взаимодействия между социальными акторами, важно определить подходы, позволяющие не только изучать противоречия между группами, но и создавать условия для урегулирования противоречий и оптимизации межгрупповых отношений. Одним из таких конструктивных подходов, на наш взгляд, является исследование так называемой “границы” группы. Понятие групповой границы, в первую очередь этнической, было введено в научный оборот Ф.Бартом [15]. Концепция “границы” группы была им проработана на примере этнической границы, но может быть применена и при анализе других видов групповых границ (культурных, социальных) (см.: [16])¹³.

Граница группы как концепт является результатом разделения на “своих” и “чужих” на основе отличительных признаков групповой принадлежности. Альтернатива “Мы—Они” выступает психологическим механизмом организации культурного содержания группы. Так, этническая граница отражает внутреннее видение группой пределов распространения своей культурно-психологической отличительности и свободы. Представления о границах, возникая в головах людей, отражают психологическую дистанцию не только между этническими группами, но и внутри групп, и воплощаются в реальной практике межэтнических отношений [17, с. 30]. Областью, в которой граница группы реально ощущается и переживается людьми, в первую очередь является психологическая сфера. На нее проецируются дистанции из всех социально значимых ситуаций в жизни людей. В

¹³ В российской социологии этот подход был наиболее полно раскрыт при осуществлении проекта “Этнические и административные границы: факторы стабильности и конфликтности” (автор и руководитель Л.Дробужева).

этой сфере групповая идентичность выступает как компенсирующий механизм, проявляя себя в защитной функции, восполняя потребность в групповой принадлежности, когда другие идентичности неустойчивы, ненадежны или просто теряются. В ней переживаются все старые и новые обиды, воспринимается статус своей группы и “других”, происходит избирательность информации, появляются оценки удовлетворенности—неудовлетворенности интересов, потребностей, переносится ответственность на иные группы, идет поиск врагов, “козлов отпущения”, возникают негативные проекции [17, с. 370]. В целом социальная релевантность “совокупных” культурных признаков группы значима в той мере, в какой они позволяют обеспечивать устойчивость ее социальной и культурной границы [16, с. 12].

Определяя характер “границы” между сотрудниками ОВД и обществом, очень важно оценить, на каких принципах осуществление этого взаимодействия возможно с точки зрения сотрудника ОВД — традиционно для советской системы как контроль и надзор, или по-новому — как равноправное партнерство. Равноправное партнерство предполагает, что граница между сотрудниками органов внутренних дел и гражданским населением начинает размываться, перестает быть четкой, а основой взаимоотношений становится взаимное доверие.

Оценивая российскую ситуацию, первое, что хотелось бы отметить, — проблема взаимоотношений с населением для сотрудников российской милиции стоит очень остро и негативно влияет на выполнение основных задач по раскрытию преступлений: *“Помощи от населения сейчас практически очень мало, никто никакой информации не скажет. Вот, квартиру будут грабить — не позвонят, только думая о том, что в будущем его будут допрашивать как свидетеля, никому не надо”*; *“Люди не идут на контакт, просто не идут на контакт. Не хотят быть свидетелями, не хотят, чтобы их вызывали потом в суд как свидетелей”*; *“...к милиции народ злющий как тигр...”*.

Негативное отношение населения к сотрудникам милиции, часто воспринимаемое ими как несправедливое, выражается и в реакции на публичные действия конкретных сотрудников милиции: *“...Вот я вам расскажу случай. Сотрудники милиции задерживают гражданина в пьяном виде. Он, там, ругается, пристаёт к прохожим, чуть ли не дебоширит. Ну, начинают его задерживать, пытаются доставить, довести до отделения, а отделение — буквально метров 30–40. Проходит женщина, средних лет: “А, вот вы такие, сякие, ну, что ж вы делаете, как вам не стыдно, за что вы его задерживаете?” Поливает грязью этих сотрудников”*.

Как один из индикаторов отношения населения к сотрудникам милиции наши респонденты выделили отношение к сотрудникам в форме: *“Просто от ношения милицмейской формы, я вот вам скажу по секрету, знаете, как устаешь? Вот, на тебя постоянно отрицательная энергия идет, постоянно на тебя взгляды, какие-то укоры, тут просто от всего этого устаешь невероятно ...”*; *“...форма — как красная тряпка, сейчас народ на форму кидается...”*; *“Форма пока только негативную реакцию вызывает, особенно рядового сержантского состава”*.

Для определения степени выраженности социальной границы российских сотрудников правоохранительных органов от остального населения как группы, важно выделить причины, которые, по их мнению, являются основанием для такого негативного отношения населения к себе и своей деятельности. Основными причинами, по мнению наших респондентов, являются негативная информация в СМИ (*“... основное мнение населения о милиции, я считаю, в настоящее время складывается в основном в печати, которая сейчас в большинстве своем негативна в отношении к милиции и, к сожалению, очень мало стало и на телевидении, и в печати положительных моментов о работе милиции”*) и непосредственные практики сотрудников милиции (*“Негативная сторона отношения к милиции, заключается не в том, что наказывают, задерживают, привлекают к уголовной ответственности, а больше от хамского или безразличного отношения”*; *“... есть моменты, когда видишь — идет сотрудник, неопрятно одет, грубо разговаривает с гражданами...”*; *“Имидж создает та милиция, которая на виду у народа, которая на улице, которая несет патрульно-постовую службу. Вот как они себя покажут на улице, такой имидж и создается”*). И если последнее воспринимается как объективное основание для критики, то освещение деятельности правоохранительных органов в СМИ воспринимается как предвзятое: *“СМИ работают по заказу общества...”*; *“В последнее время положительные статьи только в ведомственных изданиях.... Я нигде положительных статей о милиции особо и не вижу”*; *“Образ милиции очень принижен, не показывают то позитивное, что есть”*; *“в СМИ в основном подмечается негатив...”*. Негативное освещение в СМИ деятельности сотрудников милиции имеет ощутимый практический результат — *“...люди не верят такой милиции”*. Такое освещение деятельности в СМИ наши респонденты оценили и как неконструктивное: *“А что, обществу будет лучше, если все время говорить — плохо, плохо, плохо. От этого лучше не станет”*, учитывая, что *“население не готово себя защищать”*.

Необходимо также отметить, что недовольство населения работой ОВД сотрудниками милиции объясняется как недовольство тех,

кто попадает в поле зрения милиционера и до некоторой степени является неблагонадежным. Важно отметить, что так его воспринимают в первую очередь сами сотрудники правоохранительных органов: *“А тот, кто его (закон) не выполняет, попадает так или иначе в поле нашего зрения. Ни один законопослушный гражданин в поле зрения органов внутренних дел еще не попадал”*; *“Кто плохо относится? Ну, есть в каждом районе свои жалобщики, а нормальное население в целом довольно”*. Остро ощущаемая несправедливость в оценке своей деятельности, некоторое чувство “загнанности в угол” сказываются на том, как сотрудники милиции оценивают само население: *“...население у нас сейчас — законопослушное”*; *“Больше население нагнет, чем милиция”*.

Деятельность сотрудников милиции также признается как причина для негативного отношения со стороны населения. В этой связи проблема тех, кто идет служить в милицию, то есть проблема кадрового состава осознается нашими респондентами как первоочередная: *“... Мы вынуждены набирать в милицию не по качеству, а по количеству”*, *“очень большой пробел в квалифицированных кадрах ...сотрудник, он, может быть, и хочет что-то сделать, но не может, он не готов...”*, *“...бывает даже не из кого назначать руководителей. Вот у меня приличный комплект по отделу, в том числе по руководящим кадрам ...Выбора вообще нет”*; в милицию идут *“либо те, кто не может нигде устроиться..., либо идут с определенной целью — не людям служить, а решать свои проблемы, и как правило, больше финансовые. Считают, что, одев погоны, получив пистолет, он может делать, что угодно”*; *“... на службу они поступают, не всегда зная, куда идут ... или наоборот, если шел целенаправленно, то, может быть, со шкурным интересом...”*; *“...мало что виделише, а власть получают огромную”*. При этом следует учитывать, что советский милиционер до определенной степени идеализируется: *“Тогда люди были намного грамотнее. Сейчас те люди, которые идут к нам, в органы милиции, не понимают, зачем идут в ОВД и что для этого нужно”*.

Результаты наших исследований позволяют констатировать определенный кризис профессиональной идентичности, одним из наиболее болезненно воспринимаемых признаков которого является размывание профессиональных морально-этических норм и ценностей. Это, в частности, нашло отражение в защитно-оправдательных установках в отношении части неформальных отношений и платежей, выявленных в ходе интервью: *“...Это когда я надеваю форму, иду в какую-нибудь фирму или организацию и говорю, чтобы они дали компьютеры или еще что-то? Нет, я эту ситуацию использованием формы не считаю...”*; *“...Когда сотрудник просто своим трудом заслужил какой-то гонорар, не в том плане, что злоупотреблял, а уже выполнил*

свои обязанности, а люди, зная, что в каком-то другом подразделении никто бы так к ним не отнесся, просто морально бы не отнесся и не сделал бы свои обязанности, ну за это люди просто благодарны, что к ним отнеслись по-человечески и профессионально”; “Сейчас получилось так, что на среднем и низшем уровне сотрудники просто не воспринимают, когда их призывают к законности, призывают к порядку, призывают выполнять свои обязанности. Просто это не воспринимается внутри...”

Помимо признаков ценностно-этического кризиса, в группе сотрудников российских органов внутренних дел можно наблюдать и другие линии разрыва. Так, был зафиксирован поколенческий разрыв между теми, кто пришел в советское время (в настоящее время это начальники высшего и среднего звена), и теми, кто приходит служить сейчас, в том числе и офицерами: *“Мы их не понимаем, они нас не понимают — у них свои оценки, свои подходы к теперешней жизни, они хотят, чтобы им платили”; “...Вопрос в том, что сейчас приходит молодежь — они не хотят ждать до пенсии”*. Одно из существенных различий — в определении цели службы и желании следовать тем принципам, которые лежат в основе профессии: *“Те, кто постарше, у них установки еще старого образца, скажем так. Они еще понимают вот эту всю суть проблемы нашей, другие понятия — о порядочности, о чести офицерской. А вот эти понятия сейчас прививать молодежи тяжело”*. При этом необходимо отметить, что граница между двумя группами довольно четкая. Она проявляется, в первую очередь, в том, что между двумя группами затруднена трансляция профессиональных традиций и навыков: *“...есть ли желание у человека перенимать какой-то положительный опыт у своих старших товарищей, у начальника. Я думаю, что у большинства молодых сотрудников нет такой установки”; “... а нельзя передать, если человек не хочет воспринимать”*. Сама система обучения новичков воспринимается как довольно формальная: *“Его взяли на работу, первоначально что-то показали, рассказали, довели какие-то приказы, да практически и все”*.

Эти же группы отличаются и по возможности условно законно зарабатывать [14, с. 74]. Это различие во многом определяет характер взаимоотношений между ними и углубляет внутригрупповой разрыв, добавляя элемент сильного материального расслоения. Начальники высшего и среднего звена, к которым относились наши респонденты, считают себя профессионалами, носителями профессиональных традиций. Именно среди них распространены установки на справедливость неформальной оплаты правоохранительных услуг. И именно они имеют возможность получать дополнительное вознаграждение, просто выполняя свою работу.

У второй группы возможности условно приемлемого дополнительного заработка в рабочее время существенно ниже, в первую очередь из-за отсутствия необходимых профессиональных навыков, поэтому в основном это взимание денег с населения за “закрытие глаз” на какое-либо правонарушение. Больше возможностей для таких практик, по мнению наших респондентов, имеют сотрудники служб, непосредственно осуществляющих взаимодействие с населением, а именно сотрудники патрульно-постовой службы и ГИБДД. Однако такой способ дополнительного заработка однозначно осуждается представителями первой группы: *“А вот нарушение закона тогда, когда он использует свое служебное положение, когда он останавливает гражданина, ну, как у нас сейчас принято говорить, “кавказской национальности”, “среднеазиатской национальности” или просто для проверки документов. Если у гражданина что-то не в порядке: нет регистрации, не успел зарегистрироваться — и он берет деньги за это и отпускает — вот это нарушение закона. За это они могут пострадать и понести серьезное наказание, как дисциплинарное, так и привлечение к уголовной ответственности”*; *“Милиционеры просто-напросто начинают обирать народ, особенно приезжих. ...Такие практики — это большое безобразие, которое нужно прекращать, но не в масштабе одного отделения, а в масштабе всей милиции”*. Внутри этой профессиональной группы, таким образом, идет процесс формирования двух групп, различающихся как по ценностным ориентациям, так и по финансовому положению. В определенном смысле между этими двумя группами происходит “игра в прятки”, поскольку возможность заработать на жизнь для представителей одной из групп связана с тем, насколько хорошо они смогут замаскировать свою деятельность от представителей другой группы, то есть от своих начальников. Это ведет к выбору определенных методов и практик: круговая порука рядового, сержантского и младшего начальствующего состава, запугивающие и устрашающие меры воздействия (в основном коллективные) на население с целью предотвращения подачи жалобы и т. п. Материальные причины лежат и в основе определенного профессионального пессимизма: *“неоплачиваемый бесконечный труд — да кому он нужен”*.

Анализ материалов исследований позволяет проследить появление нового отношения сотрудников милиции к обществу, к критическому отношению к себе, транслируемому, в том числе, и через СМИ. Можно отметить, что некоторое время назад у сотрудников милиции преобладали защитные установки на негативное восприятие своей работы населением. Сейчас эти установки начинают трансформироваться в деятельностные, в том числе обосновывая профессиональную необходимость закрытости от общества: *“Если не мы бу-*

дем информировать население, значит, это будет кто-то другой, и не всегда в нашу пользу»; «Делать это должны журналисты, но в погонах, то есть люди, имеющие материал. Должно это делаться доступно, избегая наших профессиональных терминов, чтобы обыватель понимал»; «...но я бы все-таки ограничил возможность всех СМИ влезать в ОВД и только выдавал информацию, доступную для них, а общую информацию давал бы ведомственным СМИ — тем, которые более квалифицированы и знают, что давать, когда давать и в каком объеме». Более открыто начинают высказываться сторонники жесткой линии в отношении гражданского общества и прежних принципов взаимодействия с населением: «Главная мысль, которую нужно донести до общественной организации: они, не мы, а они, нуждаются в нашей помощи, именно в правоохранительной помощи, что мы готовы в любой момент помочь этой организации»; «Справедливое отношение общества мне не нужно... просто надо правильно рассказывать о работе правоохранительной системы. И если общество адекватно и более-менее интеллектуально, оно со временем осознает и либо под видом страха будет уважать, либо по реальным делам. Под видом страха это сделать проще, чем по реальным делам, потому что дела надо делать каждый день, не прекращая...»; «Обществу остается только выбрать — согласиться или не согласиться на наши условия»; «Общество должно бояться милиционера».

Налаживание конструктивного взаимодействия между органами внутренних дел и населением для полиэтничного государства особенно важно потому, что во многом от их характера зависит восприятие государства как толерантного, дружественного и справедливого для всех без исключения граждан страны. В связи с этим можно отметить, что российская ситуация характеризуется высокой степенью напряженности взаимоотношений между правоохранительными органами и населением. В отличие от других полиций мира перед российской милицией стоит задача налаживания толерантного взаимодействия с населением в целом.

Потенциальной причиной конфликтов в обществе может стать и углубление кризиса профессиональной идентичности российских милиционеров. Низкая профессиональная самооценка формируется отсутствием идеологической и экономической поддержки со стороны государства, недоверием со стороны населения, подкрепляется негативным образом милиции, создаваемым и транслируемым СМИ и невысоким общекультурным уровнем новобранцев, пополняющих

ряды милиции и как низовое звено органов правопорядка, непосредственно контактирующих с населением.

Раскол, зафиксированный в ходе исследования в этой профессиональной группе, вызывает беспокойство в связи с несколькими обстоятельствами. Во-первых, офицеры все меньше могут контролировать рядовой и сержантский состав, который начинает формировать собственные корпоративные ценности. Во-вторых, через некоторое время неизбежен приход на руководящие должности нынешнего младшего офицерского состава, для которых во многом их форма и служба в правоохранительных органах — лишь средство для получения дохода.

По результатам проведенного исследования можно сделать вывод, что со стороны ОВД фиксируется четкая граница “Мы—Они”: мы — сотрудники правоохранительных органов, они — гражданское население. Преодолению этого противостояния мешают как неформальные практики сотрудников милиции, так и негативное, подчас несправедливое, отношение к милиции, транслируемое через СМИ. Это негативное отношение формирует защитную идентичность российского милиционера, в результате которой любое гражданское лицо рассматривается как противник. В то же время у среднего и старшего офицерского состава отсутствуют установки на равноправное партнерство с обществом в осуществлении правоохранительной деятельности, что также затрудняет налаживание конструктивного взаимодействия.

Несмотря на четкую аффилиацию с государством, ОВД становится все более закрытой, корпоративной группой, которая стремится сама определять свои цели и функции, а также оценивать свои действия. Право критики принадлежит только тем, кто входит в эту профессиональную группу, остальная критика воспринимается как несправедливые нападки. От государства эту группу отделяет обида за потерю своего социального статуса и полномочий, что не позволяет эффективно выполнять главную функцию ОВД — функцию поддержания правопорядка. От общества сотрудников правоохранительных органов отделяет, в первую очередь, понимание своей миссии по поддержанию правопорядка, которая ставит их между населением и государством, но над обществом.

Важно также отметить, что, являясь “государевыми людьми”, сотрудники ОВД следуют общей государственной линии — характеристики их идентичности изменяются в соответствии с идеологическими изменениями в российском государстве. Так, в ответ на усиление авторитарных тенденций российской власти профессиональная идентичность российских милиционеров также приобретает жесткие авторитарные черты, в первую очередь проявляющиеся в отношении принципов взаимодействия с обществом и населением в це-

лом. Закрепление этих тенденций будет усиливать напряженность в российском обществе, а также формировать у сотрудников ОВД закрытую корпоративную культуру авторитарного типа.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Постановка проблемы. В российском обществе налицо определенный кризис во взаимоотношениях между органами внутренних дел и обществом. Органам внутренних дел выражается недоверие, эффективность их деятельности оценивается низко; в средствах массовой информации сотрудники милиции обвиняются в непрофессионализме, коррумпированности. Негативный образ сотрудника милиции, в свою очередь, усиливает недоверие населения к милиции в целом.

Цель исследования: определить, почему негативные сообщения СМИ о милиции воспринимаются населением как отражающие реальность, а положительный образ сотрудника милиции, наоборот, как неправдоподобный. Важно также понять, что, с точки зрения сотрудников ОВД, могло бы сделать для улучшения образа милиции государство, а что — общество.

План группового интервью

- 1) Как бы Вы определили тот образ ОВД, который сложился в целом в СМИ? В чем, на Ваш взгляд, причина того, что СМИ транслируют именно такой образ ОВД?
- 2) Насколько образ милиции, сформированный в СМИ, отличается от тех представлений и того отношения к милиции, которое есть у населения? Есть ли у населения основания именно так относиться к милиции, что в этих представлениях правда, а что — вымысел?
- 3) Что может больше способствовать формированию позитивного образа милиции — совсем закрыть доступ журналистов на милицейскую кухню или, наоборот, еще шире открыть двери?
- 4) Часто ли работники ОВД задаются вопросом: кого они охраняют и защищают — свой народ, Россию и ее граждан, государство?
- 5) С Вашей точки зрения, то, что сотрудники милиции “всегда на виду”, как-то влияет на представление о качестве их работы? Каким образом?
- 6) Исходя из Вашего опыта, испытывали ли Вы дополнительные трудности, взаимодействуя с населением, из-за негативно воспринимаемых действий правительства (*например, монетизация льгот и выступления пенсионеров; изменения паспортно-визового*

режима и избияения милиционеров, ОМОН и демонстрации обманутых вкладчиков)?

- 7) Что, с Вашей точки зрения, может сделать для улучшения образа милиции государство? А общество? А сами ОВД?

План индивидуального глубинного интервью

- 1) Как бы Вы определили тот образ ОВД, который сложился в целом в СМИ?
- 2) По Вашему мнению, насколько образ милиции в СМИ отличается от тех представлений и того отношения к милиции, которое есть у населения? Вы считаете это отношение населения справедливым?
- 3) Как Вы думаете, почему знаменитый образ “ЗнаТоКов” многими до сих пор воспринимается позитивно, а положительные образы современного милиционера (очень редкие) так не воспринимаются?
- 4) С Вашей точки зрения, какие современные сериалы адекватно отражают Вашу работу? Что может больше способствовать формированию позитивного образа милиции — открытость или закрытость Вашей работы для журналистов, СМИ?
- 5) По Вашему мнению, необходимо информировать население о Вашей работе или это пустая трата времени, без реальной отдачи? Какова цель информирования о Вашей деятельности?
- 6) Какую роль в формировании образа ОВД должны играть отделы по связям с общественностью?
- 7) ОВД, бесспорно, выполняют очень важную функцию в обществе. Как бы Вы ее определили?
- 8) Как бы Вы объяснили обычному человеку (мне, например), что значит “поддерживать порядок в обществе”?
- 9) Каким, с Вашей точки зрения, должно быть справедливое вознаграждение за эту работу со стороны государства? Общества? В чем оно должно проявляться?
- 10) С Вашей точки зрения, возможно ли совместить функцию поддержания правопорядка и отказ ОВД от силовых методов? (не секрет, что большая часть негативизма связана именно с чрезмерным насилием сотрудников милиции).
- 11) Кто, какие силы (общественные организации, институты, органы власти, отдельные люди) могут быть союзниками ОВД в улучшении образа? С кем было бы легче всего сотрудничать, а с кем, наоборот, тяжелее?
- 12) Что, с Вашей точки зрения, может сделать для улучшения образа милиции государство? А общество? А сами ОВД?

5.4. “Профессия сильного человека”¹⁴ в период перемен: парадоксы современной идентичности украинской милиции

Екатерина Иващенко

В сентябре 2006 года, опираясь на методику, предложенную координаторами российской части исследования, сотрудники Института социологии НАН Украины провели 10 глубинных интервью с работниками ОВД Киева и Киевской области¹⁵. Время проведения интервью, совпавшее с очередным политическим кризисом в стране, предопределило ряд трудностей, связанных как с их организацией, так и с интерпретацией полученных данных¹⁶. Несмотря на то, что исследование было формально направлено на изучение группы работников одного ведомства, в профессиональной идентичности украинских милиционеров нас интересовала не столько корпоративная, сколько гражданская субъектность, а именно: какое место гражданские ценности занимают в процессе идентификации представителей одного

14 “Профессией сильного человека” назвала профессию милиционера одна участница интервью (единственная женщина-милиционер, принявшая участие в исследовании). В контексте беседы под “силой” понимались как физические данные (“когда он маленького роста, худенький, он вообще в форме не сморится”), так и личные качества (“целеустремленность”, “выдержка, сдержанность”).

15 Автор выражает благодарность сотруднику Института социологии НАН Украины Т.Тельчко за помощь в подготовке транскриптов интервью.

Среди участников интервью, проведенных в Украине, 9 мужчин и 1 женщина в возрасте от 27 до 45 лет. Опрошенные представляют среднее звено ОВД в званиях от капитана до подполковника со стажем работы от 10 до 15 лет в разных подразделениях: в государственной автомобильной инспекции (“патрульно-постовая служба”), криминальной милиции (“оперативное”, “экспертное” подразделения, “следственное управление”, “отдел по борьбе с экономической преступностью”, “управление по борьбе с незаконным оборотом наркотиков”) и местной милиции (“дежурная часть”, “участковая служба”).

16 В частности, много времени ушло на поиск респондентов, интервью приходилось неоднократно переносить, в том числе из-за изменений в руководящих структурах МВД.

Как правило, отказ сотрудников милиции от участия во всякого рода опросах, кроме организованных по специальным разрешениям вышестоящего руководства журналистских интервью, обосновывается ссылкой на статью 3 Закона Украины “О милиции”, согласно которой: “Не подлежат разглашению сведения, составляющие государственную и служебную тайну”.

из важнейших органов государственной исполнительной власти, осознают ли они себя в первую очередь служащими государства или прежде всего отождествляют себя с его гражданами? Определение сотрудниками ОВД своего места в меняющемся пространстве отношений между “реформирующимся” государством и “демократизирующимся” обществом представляется нам одним из наиболее показательных маркеров реального характера трансформаций, происходящих в поле национально-гражданских идентичностей.

Сравнительный ракурс проведенных в России и Украине интервью имеет очевидные ограничения: несмотря на общность тенденций в изменении практик правоохранительных органов в постсоветское время, вызванных сходными тенденциями в глобальном социально-экономическом переустройстве общества, становится очевидным, что усилившиеся в последние годы концептуальные различия в декларируемых и практикуемых моделях государственной политики в России и Украине не могут не влиять на формирование различных доминантных национально-гражданских установок и связанных с ними практик. Несомненно, проблемные факторы, определяющие наиболее болезненные точки в сфере национально-гражданских идентичностей и толерантности в Украине и России, несколько разнятся. Так, для Украины на современном этапе актуальность проблемы изменения идентичности в условиях миграционного притока, которая обсуждается в материалах российских коллег, гораздо менее значительна, в том числе и в контексте анализа новой нормативно-ценностной парадигмы ОВД: хотя в 2007 году в Департаменте уголовного розыска МВД Украины и было создано первое подразделение по противодействию этнической преступности¹⁷, масштабы миграционных потоков в Украину пока не так значительны, и связанные с ними проблемы выражены не так остро, как в России. Вместе с тем особое внимание исследователей заслуживает чрезвычайно болезненно проявляющаяся именно в Украине проблема политизации милиции и манипулирования силовыми ведомствами в условиях политического кризиса и децентрализации власти, создающая крайне негативные условия для становления идентичности работников ОВД и мешающая развитию нормальных взаимоотношений как внутри “корпорации”, так и вне ее — с другими ветвями власти, с населением, со СМИ.

¹⁷ По данным МВД Украины на август 2007 года, в настоящее время на территории страны официально находятся свыше 5,4 тыс. граждан Грузии; за последние три года количество преступлений, совершенных уроженцами этой страны, возросло более чем в 2,5 раза. См.: <http://www.korrespondent.net/204859>.

В одной из своих недавних публичных лекций в Киеве¹⁸ бывший советник Президента России Б.Ельцина этнополитолог Э.Паин отметил: “Сравнительные исследования дают нам ключ к пониманию некоторых фундаментальных обстоятельств, определяющих происходящие в России и Украине трансформационные процессы”. Одним из таких обстоятельств, отягощающих развитие демократической системы в обоих государствах, является, по мнению эксперта, зависимость законодательной и судебной власти от исполнительной. Именно в Украине несколько хаотичное из-за постоянно меняющейся политической конъюнктуры, но все же не лишенное определенных нормативно-ценностных ориентиров развитие взаимоотношений между ветвями власти, дает почву для размышлений над тем, какие опасности для государственной системы и общественных отношений, их функциональной жизнеспособности и идеологической состоятельности несут в себе формирующиеся на наших глазах и становящиеся привычными двойственные “иерархии” властных структур. Так, начиная с избирательной президентской кампании в Украине 2004 года украинская милиция как “государственный вооруженный орган исполнительной власти”¹⁹, формально независимый от влияния политических движений²⁰, все активнее вовлекается в процессы, имеющие самое прямое отношение к большой политике в Украине. Правоохранительные органы все чаще именуется в СМИ “силовыми структурами”, поскольку нередко выполняют собственно силовую функцию в так называемом “содействии в рамках своей компетенции государственным органам, предприятиям и организациям в выполнении возложенных на них

¹⁸ Публичная лекция Э.Паина состоялась в Институте социологии НАН Украины 22 мая 2007 года.

¹⁹ Закон Украины “О милиции” был принят 20 декабря 1990 года. За последние 17 лет в Закон были внесены несколько изменений и дополнений. Именно этот документ, наряду с Конституцией Украины, а также другими законодательными актами, в том числе постановлениями Верховной Рады Украины, указами Президента, решениями Кабинета Министров, нормативными актами МВД Украины, а также Декларацией прав человека и другими международными правовыми актами, ратифицированными Украиной, является правовой основой деятельности украинской милиции.

²⁰ Статья 3 Закона Украины “О милиции” гласит: “В подразделениях милиции не допускается деятельность политических партий, движений и других общественных объединений, имеющих политические цели. При выполнении служебных обязанностей работники милиции независимы от влияния каких-либо политических и общественных объединений”.

обязанностей”²¹. ОВД являются важной “разнонаправленной” составляющей в неустойчивой пирамиде власти в Украине: и в борьбе между правящей коалицией и оппозицией, и в противостоянии между коалицией и Президентом, и в соперничестве тех и других за право оказывать влияние на формально “независимую” судебную власть милиция используется все более открыто как эффективное средство удержания преимущества на своей стороне²². Что в сложившейся неоднозначной ситуации происходит с таким понятием как правоохранительная идентичность? Материалы проведенных нами интервью иллюстрируют многочисленные противоречия идеологического и организационного порядка, возникающие на этой проблемной почве как внутри правоохранительных органов, так и в их взаимоотношениях с другими ветвями власти, с одной стороны, и с населением в целом — с другой.

“Проблемный треугольник” идентичности или парадокс соизмерений (“мы” — “они”: “выше — ниже”/“дальше — ближе”). Сложные экономические и политические условия, в которых проходит становление института современной украинской милиции, определяют неоднозначность формирующейся профессиональной идентичности сотрудников правоохранительных органов в противоречивой системе отношений между “государством” и “населением”. С одной стороны, новая милиция тяготеет к сохранению унаследованных с советских времен традиционных статусных маркеров, с другой — адаптирует новые практики и конструирует новые черты корпоративной культуры, один из ключевых парадоксов которой состоит в сочетании подчеркнуто подобострастного (*“мы — служители закона, государства, и ... мы исполняем все, что нам говорят”*) и, одновременно, скрыто-настороженного отношения к государству, которое некогда было оплотом ее высокого статуса, комплексно поддерживая престиж нелегкой профессии милиционера, а позже — жестко диверсифицировало правила игры, предоставив право самостоятельно выбирать средства для выживания в новых экономических и политических условиях (*“Представители власти... есть исполнительная, законодательная, а сотрудников милиции ну как-то нельзя сравнивать с ними. Это очень трудно сравнить, потому что это **разные вещи**”*; *“Мы законы не пишем, мы их не принимаем, мы только выпол-*

²¹ Основные задачи милиции в Законе Украины “О милиции”.

²² Характерным примером манипулирования милицией в ситуации кризиса власти стало спровоцированное “сверху” столкновение между бойцами подразделения “Беркут” МВД Украины и службой государственной охраны в мае 2007 года.

нием **их** письменные указания”, “Нас не сравнивать с депутатом, нас не сравнивать с судьей... Это уровень **выше** во много раз вообще. Понимаете, другие представители власти на голову **выше**. Потому что у них обеспечение, во-первых, лучше, зарплата больше”; “ОВД — **в самом низу** охраны законных интересов человека”...). В сложившихся условиях профессиональная идентичность милиционера подверглась раздвоению: с одной стороны, сохранилось четкое позиционирование себя как представителя власти, с другой — возникло отчуждение от нее. Более того, появилось устойчивое осознание деградации профессионального статуса милиционера и возникшей пропасти между личными и профессиональными интересами: “Очень просто — все упирается в материальное положение среди работников милиции: когда человек зарабатывает 300–400 гривен, ему надо кормить семью и все остальное, и он ... ну, скажем так, не совсем профессионально относится к своим обязанностям. И если бы работник милиции был обеспечен жилищно, материально, и у него голова не болела — только работа и функциональные обязанности — такого, конечно, не было бы. Было бы совсем другое отношение”. В то же время идентификационной интеграции с остальным населением также не произошло, — как из-за объективной нормативно-ценностной закрытости собственной профессиональной группы, так и в силу субъективной “зоны отчуждения”, традиционно сложившейся между милицией и остальным населением. Из интервью: “Скорее всего, мы **ближе** к населению, и мы видим, как население относится к нам, какова реакция населения на определенные методы”; “(И) у населения возникает непонимание или нежелание сотрудничать с представителем власти и работником милиции. Естественно, это вытекает из негативного имиджа сотрудника милиции и правоохранительных органов в целом. Поэтому считается как бы, ну, типа зазорным, неприличным помогать работникам милиции”. Сотрудники милиции стали носителями функционально противоречивой идентичности, которую трудно четко “вписать” в систему взаимоотношений между государством и населением: граждане все чаще воспринимают милиционеров не просто как уполномоченных представителей власти, а как наемных работников некой военизированной силовой структуры, ситуативно отстаивающей интересы различных групп интересов²³. Из интервью: “Мы отличаемся от другого населения, от общества, тем, что мы **военизированы**”; “Население боится милиции”; “Население не доверяет милиции”; “В связи с политической обстановкой в стране, нестабильнос-

23 Проблема “приватизации милиции” политико-экономическими корпорациями подробно обсуждается в статье Л.Гудкова и Б.Дубина “Правоохранительная эрозия” // http://www.gazeta.ru/comments/2006/02/09_a_536813.shtml.

тью, такое отношение к милиции... Потому что много проходит манифестаций разных, митингов, в результате которых распаливают свои... Каждая партия политическая хочет... ну, как бы, “визнання”²⁴, как говорят по-украински, своих интересов, в результате чего бывают между гражданами споры, которые переходят в нарушения административные, и даже криминальные. Ну, тут, естественно, милиция **рядом**, как говорят, с народом. Ну, а народ этого понять не может”. Таким образом, “пространственный” параметр идентификации современной украинской милиции — в соотношении места этой профессиональной группы в треугольнике “государство—власть—общество” — очевидно неоднозначен. Распространено позиционирование себя как военизированной группы, которая, будучи “ниже” властимущих и “ближе” к остальному населению, остается, тем не менее, не оцененной, не признанной и “не понятой” ни теми, ни другими. Столь же противоречивы, по всей видимости, и функциональные нагрузки профессионального (“группового”) самоопределения: оставаясь “чужой” для всех, какую основную роль, по мнению сотрудников ОВД, должна играть и играет милиция в обществе?

Парадокс силы и бессилия. Закон Украины “О милиции” определяет весьма широкий круг ключевых функций ОВД, в том числе: “обеспечение личной безопасности граждан, защиту их прав, свобод и законных интересов; предотвращение правонарушений; обеспечение общественного порядка; выявление и раскрытие преступлений; обеспечение безопасности дорожного движения; защиту собственности от преступных посягательств; приведение в исполнение криминальных и административных наказаний; участие в оказании социальной и правовой помощи гражданам, содействие в рамках своей компетенции государственным органам, предприятиям, организациям в исполнении возложенных на них обязанностей”. Восемь из десяти опрошенных нами сотрудников различных подразделений ОВД оказались склонны сводить функцию милиции только к “поддержанию правопорядка”, которое они видят прежде всего в борьбе с преступностью: “Мы — военизированное подразделение и, согласно Закону “О милиции”, можем применять те же силовые методы, ... чтобы предотвращать и раскрывать преступления”. Двое сотрудников среди первоочередных функций отметили также “поддержание внутреннего порядка в стране” и “недопущение массовых беспорядков в обществе из-за различных разногласий”. В то же время, говоря о том, что значит “поддерживать правопорядок в обществе”, большинство наших собеседников чаще говорили о “предупреждении правонарушений”, “про-

24 “Визнання” — признание (укр.).

филактике среди населения”, чем о раскрытии преступлений: “Чтобы людям ...было комфортно находиться в этом обществе, ...чтобы они могли беспрепятственно обратиться к работнику милиции и были уверены в том, что он их поймет и поможет, если **не защитит**, то хотя бы поможет”. Большинство участников интервью отметили, что важной функцией милиции является правовая работа с гражданами: “Всегда надо предварительно провести беседу ... разъяснить обычному гражданину его обязанности, его функции, помимо того, что он... Я имею право, а еще я должен знать свои гражданские обязанности. Чтобы как гражданин должен делать, а что — не должен делать”. Наряду с этим практически во всех интервью прозвучала мысль о том, что налаживать партнерскую работу с населением крайне проблематично по ряду субъективных и объективных причин. Из интервью: “Чепуха! Это дань моде. Таких партнерских взаимоотношений не должно быть. В какой нормальной, цивилизованной стране есть еще в обращении старая практика дружинников, еще какие-то там мазохистские явления? Милиция должна выполнять свои функции, а население должно платить налоги, получать полное удовлетворение от работы милиции”. “Как бы то ни было, милиция — это, грубо говоря, карательный орган, он уже действует тогда, когда есть нарушение закона, поэтому общение с работниками милиции не всегда всем приятно, ибо кто-то все равно нарушает в той или иной мере закон, как Кабмин — законодательство, так и уголовное, поэтому общаться не всегда людям и приятно”. Очевидно, что у населения нет мотивации помогать сотрудникам милиции из-за несовершенства процессуальных схем работы: “Очень большая проблема — найти понятых на месте происшествия. Потому что, как правило, никто быть ими не хочет. Переспросите двадцать человек, и никто не соглашается. Все это почему? Потому что они прекрасно понимают, что их будут вызывать на суд и тому подобное. И они все отказываются. У них ни у кого нет времени, еще там что-то”. “Нежелание сотрудничать. Отказываются. Вот пример: просим людей поучаствовать в качестве понятых, а они отказываются, боятся, что потом их начнут тягать по судам”. “Надо добиться того, чтобы граждане, которые что-то видели или, там, что-то знают, не боялись идти в милицию, думая о том, что им что-то за это будет. А они шли бы с чувством выполненного долга со своей стороны”. Наличие взаимного отчуждения, недоверия и недовольства проявляется и в том, что, по мнению сотрудников ОВД, граждане, как правило, отказывают в помощи, если она требуется по запросу милиции, и в то же время проявляют повышенную активность, в том числе и откровенно препятствуя следствию, когда речь заходит о защите их личных интересов: “Когда сотрудники подразделения по борьбе с экономической пре-

ступностью выезжают на какую-либо операцию, у них есть все документы. И они имеют право зайти, допустим, в ту же фирму. И, значит, проводят следствие на месте. И естественно, их никто никогда туда не пускает. Даже при предъявлении всех документов. И сейчас в хороших фирмах хорошая охрана, и они не пускают сотрудников милиции, хоть они и представляются правильно... Закрываются все двери и все уходят, — никого на работе нет. Таким образом сотрудники не могут попасть в это помещение три-четыре дня. За это время убираются все вещественные доказательства”; “В нашей стране ...большая демократия. Весь народ начал очень обращаться с заявлениями по поводу своих жалоб”. В этих условиях применение силовых методов воспринимается сотрудниками ОВД как неизбежная мера для создания необходимых условий работы и эффективного выполнения своих функций: “Потому что, если люди и так у нас, так сказать, не слушаются ни закона, ни милицию, так (в случае отказа от силовых методов) они и подавно ее слушаться не будут”. Внимание СМИ к злоупотреблению милицией силовыми методами воспринимается как утрированное и создающее ее негативный имидж у населения: “Да, есть факты в ОВД, когда, сотрудники милиции переступают, закрывают глаза на закон и какое-то физическое влияние... на человека оказывают, ну, это сильно распространяют средства массовой информации, которые много воды льют... общество, смотря свои телевизоры, просто теряет доверие к милиции”. Сложившийся имидж очевидно противоречив: в глазах рядовых граждан милиционер и всемогущ, и бессилён одновременно. С одной стороны, будучи наделенным определенным кругом полномочий, знанием закона и оружием, работник ОВД обладает достаточными компетенциями, возможностями и формальными основаниями для привлечения к ответственности отдельных граждан разными методами, вплоть до репрессивных. Кроме того, по мнению самих же участников интервью, работа в милиции формирует такие черты характера, как “жесткость”, “нервозность”, “хладнокровность”, “подозрительность” и “бесцеремонность”, что не может не накладывать отпечаток на “стилистику” работы сотрудников ОВД, особенно в ситуации конфликта. С другой стороны, физические” и “психологические” методы, потенциально эффективные в работе с населением, не действуют столь же результативно в решении одной из основных, по мнению самих милиционеров, задач ведомства — борьбе с преступностью. Из интервью: “Сама милиция справиться с преступностью не может, потому что это невозможно, скажем так”; “Население должно ощущать в милиции помощь и защиту, а не страх перед преступниками. ...Потому что очень часто население не вмешивается, даже при виде того, что совершается преступление, боятся самих же преступников

и бездеятельности милиции". Однако осознание своего местонахождения на нижней ступени иерархии власти и декларируемая астенция в борьбе с преступностью не исключают понимания сотрудниками правоохранительных органов своей немаловажной роли в работе многополярных "структур" и "пирамид" [18, с. 512]. Так, после завершения недавней избирательной кампании в Украине Департамент по связям с общественностью МВД Украины выступил с официальным заявлением, в котором опроверг обвинения некоторых СМИ в попытке повлиять на выборы: "во время избирательной кампании и проведения выборов милиция выполняла функции, возложенные на нее государством согласно действующему законодательству; при этом представители МВД Украины никоим образом не пытались влиять на ход выборов в интересах любого из участников избирательного процесса" [19]. Очевидно, что сам прецедент обвинения и оправдания свидетельствует о том, что функции отдельных подразделений МВД могут быть адаптированы и, очевидно, адаптируются конкурирующими центрами влияния для защиты своих интересов: в этой ситуации речь идет не столько о защите интересов государства или граждан, сколько о помощи в осуществлении формально легитимного перераспределения каналов власти. Очевидное противоречие между ситуативно важной ролью, которую время от времени играет милиция на службе политических и связанных с ними финансово-экономических центров влияния, и неоднозначностью статуса милиционера в обществе, усугубляющееся недоверием со стороны граждан и манкированием со стороны государства, дает почву для фрустрации профессиональной идентичности. И тем не менее, служба в милиции остается одним из тех занятий, которое, не будучи социально одобряемым, в силу разных причин не теряет специфической привлекательности для тех, кто хочет выбрать "профессию сильного человека". По-видимому, принадлежность к корпорации, неоднозначной как статусно (кого представляет, какими ресурсами обладает?), так и функционально (чьим интересам служит и как?), наделена особыми иррациональными преимуществами. Что, в представлении сотрудников ОВД, означает принадлежность к профессиональной группе "сотрудники милиции"? Можно ли говорить о существовании некой более или менее однородной профессиональной идентичности в этой среде и если да, то каковы характерные черты ее самопозиционирования?

Парадокс консолидированности и разобщенности. Отмеченная субъективная отчужденность милиции и от "верхов", и от "низов" не только создает предпосылки для формирования "изолированной", "закрытой" идентичности у представителей этой профессиональной группы, но и обуславливает ряд внутренних проблем, связанных с децент-

рализацией контроля над ведомством и, как следствие, его внутренней диверсификацией и расслоением. МВД в Украине — это, помимо прочего, мощная экономическая империя, которой принадлежат десятки тысяч гектаров земли, сотни зданий, сооружений [20] и предприятий²⁵. Возможность обладания внутренними ресурсами системы является существенным компенсирующим фактором в ситуации недостаточного внимания государства к проблемам ведомства. Однако, очевидно, что принадлежность к корпорации — это формальная общность: сотрудники милиции столь же консолидированы, сколь разобщены — идейно, имущественно, статусно.

Наши собеседники — герои интервью — обратили внимание на две основные, общие для ведомства проблемы, которые неэффективно решаются на государственном уровне и существенно снижают качество работы милиции: недостаточное финансирование, которое обуславливает низкий социальный статус и общественное неодобрение профессии милиционера, и отсутствие реальных действий по созданию позитивного имиджа милиции. Из интервью: *“Я скажу конкретно — зарплата маленькая ... и все исходит из того, что работники милиции берут взятки и прочее. Ну, понимаете? И такое недоверие идет от народа”*; *“Ну, думаю, это связано с тем, что после развала Советского Союза милиция находилась в таком состоянии, что это касается финансирования, всяких социальных сфер их деятельности, и сотрудники милиции уже, скажем, сами стали нарушать и совершать те же самые преступления”*; *“Что касается программы имиджа милиции Украины, то я думаю, этой программы не видно. Например, что касается зарплат — не видно этого имиджа милиции, что касается средств массовой информации — возьмем, например, Россию. Очень много фильмов, сериалов о сотрудниках милиции, где подается образ милиционера в хорошем смысле этого слова. У нас этого нет²⁶”*. *“Просто сейчас много*

²⁵ В структуре ведомства до последнего времени функционировали многочисленные коммерческие структуры, предоставляющие услуги по оформлению документов на транспортные средства, по срочному изготовлению загранпаспортов, автомобильных номеров и т.п. (см.: [21]).

²⁶ В ответе на вопрос, какой кинематографический образ милиционера, сотрудника правоохранительных органов им близок, наши собеседники (5 из 10 опрошенных) в основном ссылались на героев российских и советских фильмов и сериалов. В числе других были названы герои сериала “Менты”, Глеб Жеглов (“Место встречи изменить нельзя”), Томин и Знаменский (“Следствие ведут ЗнаТоКи”), Штирлиц (“Семнадцать мгновений весны”). Один человек сказал, что ему близок образ Джеймса Бонда. Еще один отметил, что ему нравится собирательный образ американского полицейского. Трое затруднились вспомнить какого-либо экранного героя, который был бы им близок.

информации в прессе, телевидении,... показывают негативную сторону милиции, в связи с этим у людей возникают ... неправильные мысли по поводу работы в органах внутренних дел”. Нынешний Министр Внутренних дел Украины в одном из недавних интервью рассказал о разговоре со своим российским коллегой, который отметил, что первые результаты инициированных в России ведомственных реформ проявились после четырех лет работы, и, согласно опросам общественного мнения, уровень доверия населения к милиции в РФ в 2006 году возрос на 20%²⁷. Из интервью украинского министра: *“Нельзя надеяться на сиюминутный результат. В штате МВД Украины числятся более 300 тыс. сотрудников. Эти люди прошли через психологическую и экономическую мясорубку последних 15 лет. Разве виноват милиционер в том, что его превратили в побриушку? Согласитесь, на зарплату 700 грн²⁸, которая была у нас буквально до недавнего времени, трудно прожить. Мы требуем от них, чтобы они защищали людей, а они сами нуждаются в социальной защите. Как мы им платим, так они нас и защищают. Извините, но это правда. Жестокая, но правда”*. Материалы интервью свидетельствуют о том, что одной из широко позиционируемых объединяющих черт профессиональной идентичности является чувство самоотверженности (“терпеливости”, “выдержки”, “целеустремленности”), без которого в сложившихся условиях невозможна служба в органах: *“Это, в первую очередь, тяжелый труд, очень тяжелый, не считаюсь с личным временем. Почему часто у работников милиции семейные проблемы и много разводов? Очень тяжелое психологическое напряжение. Все это сказывается. Я не могу даже привести примеры, есть ли еще такая профессия, как у работников милиции, с другими профессиями. И в то же время очень материально мало оплачиваемая. Чисто держится все на борьбе за справедливость, совести и энтузиазме”; “Ну, скажем так, у нас не всегда хорошее семейное положение. Это трудно объяснить, ну, трудно в семье, если у кого-то нет взаимопонимания в семье, когда редко бываешь дома, нет выходных и праздников”*.

Нельзя не отметить, что обсуждение проблемы социальной неустроенности работников правоохранительных органов (по сути, общее для большинства подразделений ведомства) очень часто перетекает в наблюдения относительно компетентности, сознательности и профессиональной пригодности тех людей, которые приходят работать в ОВД, и связанным с этим квалификационным “расколом”

27 Речь идет о встрече Министра Внутренних дел Украины В.Пушко и Министра Внутренних дел РФ Р.Нургалиева (см.: “Неделя Украины” за 25 мая 2007 года).

28 То есть около 150 долларов США.

внутри корпорации. В этой связи отмечается низкая мотивация некоторых сотрудников к выполнению своих прямых обязанностей, стремление повысить свое материальное положение при отсутствии других возможностей для реализации социального “лифта”. Из интервью: *“Вот такое представление сложилось не в один день и не сразу. Оно складывалось годами, скажем так. Ну, еще при Союзе, насколько я знаю, ... в милицию набирали людей приезжих, то есть из регионов, из сел. И люди шли не для того, чтобы, там, защищать общество от правонарушений, а для того, чтоб получить квартиру, получить хорошую зарплату. Ну, в связи с этим вот возник такой имидж. Что люди пришли что-то получить для себя”. “Ну, потому что в основном люди сталкиваются с такими службами, как патрульно-постовая и участковая. Вот. А так как у нас, в основном, берут (туда) людей ... не всегда с высшим образованием и ... в основном, так скажем, которые больше ничего не умеют... Поэтому, когда они дорываются до своей, так сказать, должности, идут на свои задания, то они обращаются с людьми “чуждым чином”²⁹. Вот. Позволяют себе очень много, грубят ... ну, в основном, единственная цель — это, конечно, заработать деньги”. “От других профессиональных групп, я считаю, что сотрудники управления, в котором работаю я, они намного более интеллигентные и образованные, в отличие от... Нет, не во всех, конечно, но в некоторых группах это очень сильно просматривается”.* Кроме проявляющегося здесь внутригруппового отчуждения — в данном случае между сотрудниками криминальной полиции, которые позиционируют себя как более профессиональную когорту, и работниками патрульно-постовой и местной полиции как низшего звена корпорации — наблюдается также разрыв по линии поколений: *“В данный момент очень большое количество вновь прибывших милиционеров не имеют абсолютно никакой подготовки и не стремятся как-то восполнить свои пробелы в подготовке”.* Вместе с тем у большинства работников среднего звена МВД присутствует понимание того, что повышение уровня знаний, и прежде всего правовых является необходимым условием профессиональной компетентности работника милиции: *“Знание закона, Конституции, постановлений Кабинета Министров, знание постановлений МВД... Потом есть разные брошюрки, книги, именно комментарии, которые регламентируют работу пра-*

²⁹ “Неподобающим образом” (укр.). Следует отметить, что хотя гайды интервью были подготовлены на украинском и на русском, только два из десяти интервью проходили на украинском языке. В ходе остальных наши собеседники говорили по-русски, но использовали некоторые украинские фразы, предположительно привычные им по должностным инструкциям и докладным запискам, которые составляются только на украинском как государственном языке.

воохранительных органов. В системе МВД работает более компетентный человек. Все люди закон знают по-верх-ност-но. Работник милиции, он досконально (пауза) руководствуется им”.

Вопрос о правовой подготовке сотрудников МВД всех уровней чрезвычайно важен не только в контексте работы милиции в соответствии с действующим законодательством (именно нарушения этого соответствия чаще всего становятся поводом для дискуссий о милицеском произволе в СМИ), но и в связи с проблемой выполнения младшими сотрудниками незаконных распоряжений начальства, в которой обнаруживается своеобразный “иерархический” раскол корпорации. В соответствии с должностными инструкциями приказ вышестоящего руководства должен быть выполнен. В то же время если распоряжение не соответствует действующему законодательству, то наказание за его выполнение обычно несет рядовой исполнитель. Из интервью Министра Внутренних дел Украины: *“Чего боится сотрудник силового ведомства? Получить незаконное распоряжение — приказ, указание. ...Наши милиционеры все битые и знают, что крайними обычно остаются рядовые сотрудники”* [22]. Сотрудники МВД, принимавшие участие в интервью, высказываются на эту тему весьма сдержанно: на вопрос, знают ли они о случаях невыполнения приказов начальства, практически все отвечают уклончиво: *“в принципе, такое бывает, но конкретных примеров привести не могу”*; *“до сих пор такое мне неизвестно”*. Большинство утверждают, что приказы нужно выполнять, а потом, в случае несогласия, обжаловать: *“Это приказ. Я несу позоны”*; *“если бы приказ был незаконным, я бы уже ссылался на другие нормативные акты. По этому поводу проводилось бы служебное расследование, я бы мотивировал это в рапорте, и это бы уже рассматривало вышестоящее руководство”*. Некоторые высказываются более определенно: *“Ну, вообще-то по уставу я должен выполнить и доложить. Но за это выполнение я могу сесть в тюрьму”*; *“Я бы его выполнял, руководствуясь законом Украины о том, что ... надо действовать в рамках закона. Если этот приказ выходит за рамки закона — это уже подпадает под уголовную ответственность”*; *“Если бы он (приказ) противоречил Конституции, не выполнил бы”*; *“Вот тут все зависит от каждого человека. Любой сотрудник милиции — он офицер милиции, у него есть еще честь, совесть, и если он решит, что приказ руководства не совсем, скажем так, человеческим нормам соответствует, там еще каким-то, то, конечно, он может не выполнять. То есть если он (приказ) идет вразрез с человеческими общепринятыми нормами, не выполнил бы”*. Очевидно, что в моделировании подобной ситуации сталкиваются “корпоративная” и “гражданская” субъектности профессиональной идентичности. На фоне углубления внутриведомственных проблем (частой смены руководства, политизации и воз-

никновения многополярных центров принятия решений) обостряются противоречия между профессиональным и гражданским, — актуализируются “партикулярные” компоненты идентичности, необходимость выполнения профессиональных обязанностей оценивается с точки зрения личной целесообразности. Хотя необходимость поддержания корпоративной общности и ее функциональная ценность признается большинством сотрудников ОВД (*“Должна быть очень хорошая корпоративная связь: чтобы всегда подставить друг другу плечо, помочь в любых ситуациях; взаимодействие различных служб — наш оперативный, ГАИ, эксперты, ну, везде чувствуется поддержка и помощь”*), в случае возникновения конфликта интересов в одной из обозначенных плоскостей (“межведомственной”, “иерархической” и т.д.) групповые солидарности становятся, как правило, более значимыми, чем корпоративные. По-видимому, “индивидуализация” профессиональной идентичности, даже в том случае, если речь идет о “слугах государства”, является здоровой защитной реакцией на деморализацию и эрозию властных пирамид. Но может ли эта реакция пройти безболезненно для устойчивости общества, стремящегося к утверждению демократических ценностей, которые, при всей банальности словосочетания, все же дают наиболее жизнеспособный из всех возможных ориентир развития? Увы, пока пропасть между профессиональными и личными, гражданскими и государственными интересами личности будет углубляться, пространственной неопределенности, идейной астении и функциональной противоречивости идентичности трудно будет избежать.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЛАН ИНТЕРВЬЮ С СОТРУДНИКАМИ ОВД (УКРАИНА)

- 0) На каком языке Вам удобнее общаться в ходе нашего интервью?
- 1) Как долго Вы работаете в милиции? В каком подразделении Вы служите?
- 2) Какое у Вас звание?
- 3) Ваш возраст?
- 4) ОВД, бесспорно, выполняют очень важную функцию в обществе. Как бы Вы ее определили?
- 5) Как бы Вы объяснили обычному человеку (мне, например), что значит “поддерживать порядок в обществе”?
- 6) Очень часто среди рядовых граждан наблюдается настороженное отношение к сотрудникам ОВД, существует мнение, что без крайней необходимости общения с ними лучше избегать. Воз-

ника даже потребность разработки специальной Программы формирования позитивного имиджа милиции Украины. Почему, по Вашему мнению, среди населения могло сложиться недоверие к представителям ОВД?

- 7) Сейчас в профессиональных и общественных кругах много говорят о развитии партнерских взаимоотношений между милицией и населением. Приняты соответствующие законодательные акты (в частности, Закон об участии населения в охране общественного порядка). Важно ли, с Вашей точки зрения, сотрудникам милиции иметь партнерские отношения с населением, или это — дань моде?
- 8) Нередко под партнерством понимают прежде всего помощь от населения в поимке преступника, а не действия самих ОВД (своеобразное старше-младшее партнерство: ОВД — старший партнер, а население — младший, выполняющий его указания). Как Вы сами представляете себе такое партнерство? Какие трудности чаще всего у Вас возникают при взаимодействии с населением?
- 9) Известны ли Вам случаи, когда сотрудники милиции не выполняли приказы начальства, с которыми были не согласны? Как бы Вы действовали в случае, если не согласны с приказом?
- 10) Не секрет, что негативное отношение населения и СМИ к сотрудникам ОВД связано именно с тем, что сотрудники милиции часто применяют силовые методы. С Вашей точки зрения, возможно ли совместить функцию поддержания правопорядка и отказ ОВД от силовых методов?
- 11) Какой смысл Вы вкладываете в словосочетание “мы — сотрудники милиции”? Что отличает Вашу профессиональную группу от других представителей власти? От других профессиональных групп? Можете ли Вы сказать, что есть какие-то черты характера, которые сформировались у Вас под влиянием Вашей профессиональной деятельности?
- 12) В заключение интервью, если Вы не возражаете, я попросил(а) бы Вас описать портрет идеального украинского милиционера (Вы бы хотели, чтобы сотрудника милиции представляли именно таким). Есть ли какой-то реальный, или кинематографический, книжный образ, который кажется Вам наиболее близким к идеалу?

Литература

1. Беккер Ф. Этничность и миграция: критическое прочтение понятия этничности в миграционных исследованиях // *Ab Imperio*. Теория и ис-

- тория национальностей и национализма в постсоветском пространстве. — 2001. — № 3.
2. Разные лица одной национальности // Я молодой. — 2002. — 24 октября.
 3. Мешают ли России нерусские? // Известия.РУ. — 2005. — 28 января.
 4. Исповедь на русскую тему // Аргументы и Факты. — 2005. — 2 февраля.
 5. Некоторые городские сектора экономики уже захвачены иностранцами // Известия.РУ. — 2004. — 22 октября.
 6. Время уличных митингов и шествий безвозвратно ушло // Известия.РУ. — 2004. — 28 октября.
 7. За железным занавесом // Аргументы и Факты Москва. — 2005. — 26 мая.
 8. Джентльмены дорожной удачи // Правда.РУ. — 2004. — 9 сентября.
 9. Взаимодействие милиции и населения: к итогам харьковского эксперимента. — Харьков: Национальный ун-т внутр. дел, 2003.
 10. *Пашин С.А.* Современное российское правосудие: формальные институты и реальные практики // Куда пришла Россия? Итоги социальной трансформации. — М.: МВШСЭН, 2003.
 11. Общественное мнение—2004. Ежегодник. — М., 2004.
 12. *Латов Ю.В.* Плюралистическая система защиты права собственности предпринимателей // Куда пришла Россия? Итоги социальной трансформации. — М., МВШСЭН, 2003.
 13. Закон о милиции. Положение о службе в органах внутренних дел. — М., 2000.
 14. *Коленникова О.А., Косалс Л.Я., Рывкина Р.В.* Коммерциализация служебной деятельности работников милиции // Социологические исследования. — 2004. — № 3. — С. 73–83.
 15. *Barth F.* Ethnic Groups and Boundaries: the Social Organizations of Cultural Difference. — Oslo, 1969.
 16. *Barth F.* Enduring and Emerging Issues in Analysis of Ethnicity // The Anthropology of Ethnicity. Beyond “Ethnic Groups and Boundaries”. — Amsterdam, 1996.
 17. Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России. — М.: Ин-т социологии РАН, 1998.
 18. *Левада Ю.* От мнений к пониманию: социологические очерки 1993–2000. — М.: Московская школа политических исследований, 2000.
 19. Корреспондент. — 2007. — 10 октября // <http://www.korrespondent.net/main/211414>
 20. Корреспондент. — 2007. — 23 августа // <http://www.korrespondent.net/main/204347>
 21. Корреспондент. — 2007. — 13 сентября // <http://www.korrespondent.net/main/207138>
 22. Неделя Украины. — 2007. — 25 мая.

Ася Магун,
Владимир Магун

Введение

Процессы формирования в России страновой идентичности¹ являются сегодня предметом широкого обсуждения. Практическая актуальность этих вопросов очевидна. Российская Федерация — это, по существу, новая страна, и успешность ее развития в значительной степени зависит от того, признают ли ее собственные граждане — согласятся ли они числить себя гражданами этой страны, ощущать свою связанность с ней, чувствовать ответственность за происходящее, гордиться ее успехами и успехами стран, преемником которых она является. Именно в силу практической актуальности этих проблем дескриптивный подход в их обсуждении тесно переплетается с нормативным, и авторы научных публикаций почти всегда выдвигают те или иные политические предложения и рекомендации².

Между тем, на наш взгляд, реальное положение дел в этой сфере пока исследовано недостаточно. И особенно недостает широких сравнительных исследований, которые бы позволили посмотреть на

* Авторы выражают благодарность Л.Дробизевой и М.Жамкочьян за ценные советы и замечания.

¹ В зарубежной литературе, где принята гражданская трактовка нации, используется термин “национальная идентичность”. Подобная идентичность рассматривается в качестве “связующей силы, которая удерживает национальное государство как целое и в то же время формирует его отношения с другими государствами” (*Smith T.W., Kim S. National Pride in Comparative Perspective: 1995/96 and 2003/2004 // International Journal of Public Opinion Research. — 2006. — Vol. 18. — № 1. — P.127*).

² См., например, подборку статей на эту тему в одном из недавних номеров журнала *Pro et Contra* — статьи А.Миллера, В.Тишкова, Э.Паина, О.Малиновой и А.Кустарева [*№(37), май–июнь 2007*].

российское население со стороны, поставить его в ряд с жителями других стран и оценить степень развития страновой идентичности россиян по мировым меркам³.

Возможности таких исследований дает база данных, полученная в рамках реализации Международной программы ежегодных социальных опросов (International Social Survey Programme — ISSP). Эта программа осуществляется в сотрудничестве с Центральным архивом эмпирических социальных исследований в Кельнском университете (ZA) и Испанским институтом социологического, экономического и политического анализа (ASEP/JDS). С российской стороны в ней участвует Левада-центр, руководитель с российской стороны — Л.Хахулина.

Россия приняла участие в двух проектах ISSP, посвященных изучению национальной идентичности, — *ISSP-1995* и *ISSP-2003*. Проект *ISSP-1995* был осуществлен в 25 странах в 1995–1996 годах (опрос в России прошел в начале 1996 года), его материалы проанализировал Л.Гудков [1], и по ходу изложения мы будем ссылаться на полученные им результаты. Проект *ISSP-2003* был осуществлен в 2003–2004 годах в 33 странах мира, полученные в его рамках данные составили основу настоящей главы.

Общий объем анализируемого массива *ISSP-2003* — 44027 человек. В него вошли респонденты в возрасте от 16 лет и старше из стран, расположенных в разных частях света и отличающихся друг от друга по уровню экономического и политического развития. Двумя разными выборками представлены Германия (жители Восточной и Западной Германии) и Израиль (израильские евреи и израильские арабы).

Все данные анализируются с учетом весов, корректирующих смещения выборок в сравнении с генеральными совокупностями по социально-демографическим показателям.

³ Идентичность россиян сопоставлялась с идентичностью жителей отдельных стран, в частности проведены интересные сравнения российской и польской идентичности (см., например: *Данилова Е.Н.* Гражданские и этнические идентификации в России и Польше // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Под ред. В.С.Магуна, Л.М.Дробизевой, И.М.Кузнецова. — М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2006; Россияне и поляки на рубеже столетий. Опыт сравнительного исследования социальных идентификаций (1998–2002) / Под ред. Е.Н.Даниловой, В.А.Ядова, О.А.Оберемко. — СПб.: Изд-во Русской Христианской гуманитарной академии, 2006; *Зарицкий Т.* Ценности и идентификация молодого поколения российской и польской интеллигенции (по результатам сравнительного исследования студентов вузов Москвы и Варшавы). Статья вторая // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. — 2006. — № 5 (85) — С. 51–67), но более широкие международные сопоставления по-прежнему остаются актуальными.

Объем общероссийской выборки — 2383 человека, она репрезентативна для населения страны в возрасте от 16 лет и старше, после перевзвешивания 46% в ней составляют мужчины, 54% — женщины. Опрос в России проводился в мае–июле 2003 года в формате самозаполнения.

Ощущение людьми связанности со своей страной и другими социотерриториальными общностями

Российские данные, 2003 год. Вопрос для измерения этого аспекта идентичности в российской анкете звучал так⁴: *“Ответьте, пожалуйста, насколько сильно Вы чувствуете свою связь с: Вашим городом/деревней/селом?; Вашей областью/краем/республикой?; Россией?; Европой? (Азией?)”* [упоминалось название той части света, в которой располагался населенный пункт, где проходил опрос]⁵. Предлагались следующие варианты ответа: “очень сильно” (балл 4), “довольно сильно” (балл 3), “не очень сильно” (балл 2), “совершенно не чувствую связи” (балл 1) и “затрудняюсь ответить”⁶.

Распределения ответов на этот вопрос приводятся в табл. 6.1; территориальные общности упорядочены по убыванию переживаемой степени связанности.

Как видим, среди ответов, относящихся к стране, локальной общности и к региону, преобладают оценки, свидетельствующие о сильной или довольно сильной связанности: если просуммировать два первых варианта ответа — “очень сильно” и “довольно сильно”, можно констатировать, что достаточно сильную связь с этими социо-географическими общностями чувствуют больше половины респон-

⁴ Приводим исходную англоязычную формулировку, которая должна была быть воспроизведена во всех национальных опросах: “Q.2. How close do you feel to: a) Your town or city; b) Your [county]; c) [COUNTRY]; d) [Continent; e.g. Europe]. Варианты ответов: Very close, Close, Not very close, Not close at all, Can't choose.

“Feel close to” рекомендовалось понимать и переводить как “emotionally attached to” or “identifying with”. “[County] (or province, state, etc.)” рекомендовалось понимать и переводить как “the most relevant administrative unit smaller than the entire country/nation”.

⁵ В соответствии с заданной формулировкой вопроса корректнее было бы спрашивать о континенте (материке), то есть в данном случае о Евразии.

⁶ Необходимо отметить, что система кодирования в массиве ISSP носит иной характер: там во всех случаях более сильное ощущение связанности (равно как и большая выраженность других характеристик идентичности) оценивается, наоборот, более низким баллом. В рамках данной главы система кодирования изменена для удобства читателей.

дентов: с Россией — 61%, с городом/деревней — 63%, с областью/республикой/краем — 53% опрошенных.

Таблица 6.1

**Ощущение связанности со страной и другими
социотерриториальными общностями у населения России
(2003 год, N = 2383, % опрошенных)**

Насколько сильно Вы чувствуете свою связь:	Очень сильно балл 4	Довольно сильно балл 3	Не очень сильно балл 2	Совершенно не чувствую связи балл 1	Затрудняюсь ответить	Средний балл	Ошибка средней
с вашим городом/ деревней/селом	28	35	24	8	5	2,86	0,02
с Россией	25	36	23	11	5	2,79	0,02
с Вашей областью, краем, республикой	16	37	29	11	7	2,61	0,02
с Европой (Азией)	2	7	26	50	14	1,56	0,02

Слабая связь с частью света кажется вполне естественной. Это гигантская социогеографическая общность, и идентифицироваться с ней сложно. Тем более, что Россия расположена в двух разных частях света, и некоторые россияне, наверное, предпочитают идентифицировать себя с Евразией — вариант, который не был предложен в анкете.

Но в рамках страны обратная зависимость степени идентификации от размера общности не действует: ощущение связи со страной почти столь же сильно, что и связь с локальной общностью (городом, деревней, селом). Иными словами, в рамках страны наибольшую связанность россияне ощущают и с самой мелкой, и с самой крупной из рассматриваемых общностей, а уж затем идет регион, то есть промежуточная по величине общность.

По-видимому, подобные результаты объясняются наличием двух мощных каналов формирования социально-территориальной идентичности. Первый — это личный опыт взаимодействий человека с его непосредственным окружением. То, что наибольшую связь люди ощущают с городом (селом), — результат именно данного процесса формирования идентичности. Второй канал — опосредованные коммуникации через средства массовой информации и систему образования, через них формируется чувство принадлежности к “воображаемым сообществам” [2]. В большинстве национальных государств (включая и нашу страну) идущие через СМИ и систему образования

воздействия нацелены на формирование прежде всего общестрановой идентичности (а не, к примеру, региональной).

Таким образом, если рассматривать внутрискановые идентификации, то наибольшую связанность россияне ощущают со страной в целом и с тем конкретным поселением, в котором они живут, а сравнительно меньшую — с регионом. При этом “очень сильную связь” со страной ощущают всего 25% россиян. Чтобы оценить масштаб этих цифр в более широком контексте, обратимся к международным сравнениям.

Сравнение российских данных с данными по другим странам, 2003–2004 годы. В табл. 6.2–6.4, 6.6 приводятся результаты сравнения населения разных стран по степени ощущаемой им связи с различными социогеографическими общностями; сравниваются средние величины, упорядоченные по убыванию степени ощущаемой людьми связи.

Таблица 6.2

Ощущение связанности с локальной общностью (со своим городом/селом) у населения разных стран мира (2003–2004 годы, N = 43078)

Страна	Средняя оценка степени связанности	Численность ответивших	Стандартное отклонение	Ошибка средней
1	2	3	4	5
Израиль (арабы)	3,5	152	0,74	0,06
Австрия	3,5	1004	0,69	0,02
Южная Африка	3,5	2416	0,76	0,02
Испания	3,5	1203	0,58	0,02
Болгария	3,4	1063	0,73	0,02
Словения	3,3	1090	0,73	0,02
Венгрия	3,3	1018	0,81	0,03
Чехия	3,3	1212	0,72	0,02
Словакия	3,3	1138	0,69	0,02
Венесуэла	3,3	1194	0,83	0,02
Чили	3,3	1502	0,77	0,02
Уругвай	3,3	1102	0,79	0,02
Португалия	3,3	1595	0,80	0,02
Япония	3,3	1087	0,71	0,02
Восточная Германия	3,2	431	0,71	0,03

Окончание табл. 6.2

1	2	3	4	5
Ирландия	3,2	1057	0,82	0,03
Филиппины	3,2	1191	0,70	0,02
Тайвань	3,1	1997	0,79	0,02
Польша	3,1	1244	0,76	0,02
Израиль (еврей)	3,1	1060	0,99	0,03
Западная Германия	3,1	838	0,79	0,03
Швейцария	3,1	1034	0,83	0,03
Южная Корея	3,1	1306	0,77	0,02
Великобритания	3,1	845	0,81	0,03
Австралия	3,0	2088	0,73	0,02
Новая Зеландия	3,0	999	0,77	0,02
Дания	3,0	1285	0,81	0,02
Финляндия	3,0	1318	0,78	0,02
Франция	3,0	1567	0,88	0,02
ЛАТВИЯ	3,0	983	0,80	0,03
<i>Швеция</i>	<i>3,0</i>	1126	0,79	0,02
<i>Норвегия</i>	<i>2,9</i>	1430	0,76	0,02
<i>Канада</i>	<i>2,9</i>	1055	0,80	0,02
<i>США</i>	<i>2,9</i>	1178	0,84	0,02
РОССИЯ*	<i>2,9</i>	2270	0,93	0,02

* Средняя оценка по России не отличается значимо (при $p < 0,05$) от средних по США, Норвегии, Швеции и Канаде (названия этих стран выделены в таблице курсивом) и значимо уступает всем остальным (по результатам анализа ANOVA).

Критерии, используемые при парных сравнениях (в частности, t -критерий Стьюдента), для определения статистической значимости различий при множественных сравнениях непригодны — они завышают значимость различий. Поэтому здесь и далее мы пользуемся процедурой однофакторного дисперсионного анализа и критерием Тамхена (при $p < 0,05$), входящими в статистический пакет SPSS.

Ранее отмечалось, что наибольшую степень близости граждане России ощущают со своей локальной поселенческой общностью — городом или селом (см. табл. 6.1). Но при сравнении с другими странами оказывается, что Россия (вместе с США, Норвегией, Швецией

и Канадой) по этому показателю находится на последнем месте. Средняя российская оценка указывает на то, что ее население ощущает *меньшую связанность с городом или селом, чем население почти всех включенных в исследование стран мира* (табл. 6.2).

Перейдем к сравнению степени связанности с регионом, в котором проживает человек (с провинцией, штатом, графством, в российском варианте — “со своей областью, краем, республикой”). Как видно из табл. 6.3, российское население снова занимает одно из последних мест: оно (вместе с населением Латвии, Дании и Финляндии) ощущает *меньшую связанность с регионом проживания, чем население почти всех включенных в исследование стран мира*.

Таблица 6.3

Ощущение связанности с регионом* у населения разных стран мира (2003–2004 годы, N = 42755)

Страна	Средняя оценка степени связанности	Численность ответивших	Стандартное отклонение	Ошибка средней
1	2	3	4	5
Австрия	3,5	1005	0,68	0,02
Израиль (арабы)	3,4	152	0,80	0,06
Испания	3,4	1203	0,62	0,02
Португалия	3,4	1588	0,68	0,02
Южная Африка	3,3	2411	0,79	0,02
Болгария	3,3	1040	0,75	0,02
Венгрия	3,3	1016	0,82	0,03
Чили	3,3	1504	0,77	0,02
Венесуэла	3,2	1192	0,86	0,02
Ирландия	3,2	1052	0,78	0,02
Япония	3,2	1088	0,69	0,02
Словения	3,2	1085	0,78	0,02
Чехия	3,1	1215	0,75	0,02
Филиппины	3,1	1189	0,76	0,02
Словакия	3,1	1131	0,69	0,02
Франция	3,1	1556	0,89	0,02
Швейцария	3,0	1034	0,76	0,02

Окончание табл. 6.3

1	2	3	4	5
Восточная Германия	3,0	422	0,75	0,04
Тайвань	3,0	1983	0,79	0,02
Уругвай	3,0	1094	0,85	0,03
Канада	3,0	1056	0,76	0,02
Великобритания	3,0	832	0,84	0,03
Австралия	3,0	2065	0,75	0,02
Норвегия	2,9	1421	0,76	0,02
Новая Зеландия	2,9	990	0,79	0,03
Западная Германия	2,9	831	0,78	0,03
США	2,9	1187	0,83	0,02
Израиль (еврей)	2,9	1057	1,01	0,03
Швеция	2,8	1136	0,79	0,02
Польша	2,8	1234	0,79	0,02
Южная Корея	2,8	1294	0,81	0,02
ЛАТВИЯ	2,7	943	0,83	0,03
<i>Дания</i>	2,6	1278	0,88	0,02
РОССИЯ**	2,6	2212	0,90	0,02
<i>Финляндия</i>	2,6	1259	0,83	0,02

* В анкете ISSP “county or province, state, etc.”, в российском варианте — “со своей областью, краем, республикой”.

** Средняя оценка по России не отличается значимо (при $p < 0,05$) от средних по Латвии, Дании и Финляндии (названия этих стран выделены в таблице курсивом) и значимо уступает всем остальным (по результатам анализа ANOVA).

В табл. 6.4 приведены данные, позволяющие сравнить население России и других стран мира по ощущению связанности со своей страной. И снова российское население оказывается на последнем месте. Россияне *в минимальной степени (в сравнении с населением других стран мира) ощущают единство со своей страной или, что то же самое, — в максимальной степени отчуждены от нее*. Примечательно, что степень отчужденности находится у россиян на том же уровне, что у арабского населения Израиля, ощущающего свое неравноправие в некоторых сферах жизни израильского общества.

Таблица 6.4

**Ощущение связанности со своей страной
у населения разных стран мира (2003–2004 годы, N = 43149)**

Страна	Средняя оценка степени связанности	Численность ответивших	Стандартное отклонение	Ошибка средней
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>
Израиль (еврей)	3,7	1061	0,61	0,02
Венгрия	3,7	1018	0,56	0,02
Болгария	3,6	1043	0,65	0,02
Новая Зеландия	3,6	1008	0,61	0,02
Австрия	3,6	1004	0,63	0,02
Чили	3,5	1499	0,69	0,02
Дания	3,5	1292	0,67	0,02
Южная Африка	3,5	2418	0,79	0,02
Португалия	3,4	1593	0,67	0,02
Уругвай	3,4	1105	0,73	0,02
Венесуэла	3,4	1191	0,79	0,02
Франция	3,4	1602	0,73	0,02
Австралия	3,4	2115	0,66	0,01
Ирландия	3,4	1051	0,68	0,02
Словения	3,4	1091	0,63	0,02
Япония	3,4	1077	0,67	0,02
США	3,4	1193	0,71	0,02
Финляндия	3,4	1310	0,66	0,02
Польша	3,4	1265	0,64	0,02
Испания	3,3	1204	0,70	0,02
Норвегия	3,3	1428	0,68	0,02
Швейцария	3,3	1035	0,64	0,02
Словакия	3,3	1143	0,67	0,02
Чехия	3,3	1224	0,69	0,02
Швеция	3,3	1156	0,72	0,02
Канада	3,2	1056	0,80	0,02

Окончание табл. 6.4

1	2	3	4	5
Южная Корея	3,2	1301	0,75	0,02
Филиппины	3,2	1188	0,74	0,02
Тайвань	3,1	1990	0,74	0,02
Великобритания	3,1	840	0,80	0,03
Западная Германия	3,1	830	0,69	0,02
ЛАТВИЯ	3,0	980	0,76	0,02
Восточная Германия	3,0	425	0,70	0,03
<i>Израиль (арабы)</i>	2,8	152	0,93	0,08
РОССИЯ	2,8	2261	0,96	0,02

* Средняя оценка по России не отличается значимо (при $p < 0,05$) от средней для арабского населения Израиля (название этой группы населения выделено курсивом) и значимо уступает всем остальным (по результатам анализа ANOVA).

Сравнения средних величин характеризуют различия между странами в “свернутом виде”, поэтому хотя бы одну из таблиц, где сравниваются средние, дополним сравнениями соответствующих распределений. В табл. 6.5 для примера приведены распределения по нескольким странам, чьи средние находятся сверху, внизу и в середине таблицы 6.4. Как видим, в странах, с которыми, судя по средним, их граждане ощущают наиболее тесную связь, доля оценок этой связи как “очень сильной” колеблется в районе 60–80%, тогда как в четырех странах, где эта связь наименее выражена, доля “очень сильных” оценок не превышает 26%! Вообще ответы на вопрос о тесноте связи варьируют в большинстве стран, в основном, между оценками “очень сильная” и “довольно сильная”, а ответов “не очень сильная” всюду, кроме стран с наиболее низкими показателями этой связанности, сравнительно немного. А вот доля ответов “совершенно не чувствую связи” в большинстве стран очень мала — не более 4%. Таким образом, различия между странами в средних оценках чаще всего возникают просто за счет того, что люди меняют наречие “очень” на наречие “довольно”. Но в случае с Россией и примыкающих к ней других стран со сравнительно низкой идентификацией к этому добавляется еще и весьма заметная частота выбора двух “слабых” вариантов — “не очень сильная” связь и “совсем не чувствую связи”.

Таблица 6.5

Ощущение связанности со страной в России и некоторых других странах мира (2003–2004 годы, % опрошенных)*

Страна	Очень сильно балл 4	Довольно сильно балл 3	Не очень сильно балл 2	Совершенно не чувствую связи балл 1	Средний балл	Ошибка средней
Израиль (евреи)	80	14	4	2	3,7	0,02
Болгария	66	28	5	1	3,7	0,02
Австрия	63	31	6	0,5	3,6	0,02
Чили	58	34	7	2	3,5	0,02
Венесуэла	59	28	10	3	3,4	0,02
Франция	55	34	8	2	3,4	0,02
Япония	49	43	7	1	3,4	0,02
США	52	38	9	2	3,4	0,02
Финляндия	48	44	7	1	3,4	0,02
Польша	44	48	7	1	3,4	0,02
Испания	44	47	7	2	3,3	0,02
Швейцария	39	52	7	1	3,3	0,02
Канада	42	43	10	4	3,2	0,02
Великобритания	33	47	16	4	3,1	0,02
Западная Германия	26	58	14	2	3,1	0,02
ЛАТВИЯ	28	52	17	3	3,0	0,02
Восточная Германия	24	56	18	2	3,0	0,03
<i>Израиль (арабы)</i>	26	43	20	10	2,8	0,08
РОССИЯ	26	38	24	11	2,8	0,02

* Вопрос звучал так: «Насколько сильно Вы чувствуете свою связь с [название страны респондента]?». За 100% приняты респонденты, ответившие на вопрос, поскольку только на основе их ответов вычислялись средние значения по каждой стране.

В табл. 6.6 приводятся данные для сравнительного анализа последней из оставшихся социогеографических идентификаций — ощущения людьми степени своей связанности с континентом (материком), к которому относится их страна. И снова оказывается, что

российское население переживает подобную связанность в меньшей степени, чем население всех остальных рассматриваемых стран (кроме Тайваня).

Особенности идентичности тайваньцев легко объяснить особым геополитическим положением их страны: как известно, Тайвань — остров, политически отделившийся и противопоставляющий себя материковому Китаю, и поэтому реакция отторжения и отчуждения у населения Тайваня в ответ на вопрос о связанности с континентом вполне объяснима. Совпадение средних оценок россиян с оценками тайваньцев наводит на мысль, что российские респонденты тоже воспринимают свою страну как своеобразный остров, отделенный от других европейских и азиатских стран⁷.

Итак, по результатам международных сравнений возникает последовательная картина очень слабого ощущения связанности российского населения со всеми социотерриториальными общностями. Независимо от того, *идет ли речь о связи с локальной (городом или селом), региональной общностью, или же о связи со страной или над-страновой общностью (частью света или континентом), российское население во всех случаях ощущает наименьшую (в сравнении с жителями других стран) связанность, или, соответственно, наибольшую отчужденность.*

Обратим внимание, что Россия сравнивается не с какой-то одной группой стран, а со странами, заметно различающимися между собой по целому ряду характеристик. Кроме того, слабую связанность россияне ощущают со всеми социально-территориальными общностями — в отличие, например, от американцев, которые слабо идентифицируют себя с городом или регионом, но довольно сильно — со страной или континентом. Все это не позволяет объяснить полученный результат какими-то случайными обстоятельствами. Скорее всего, он действительно является симптомом характерного для российского общества низкого уровня социальной идентификации.

⁷ В этой связи стоит упомянуть работы специалиста по геополитике В.Цымбурского, название которых прямо ассоциируется с подобным мироощущением людей: *Цымбурский В. Л.* Остров Россия (Перспективы российской геополитики) // Полис. — 1993. — № 5; *Цымбурский В. Л.* Остров Россия. Циклы похищения Европы (Большое примечание к “Острову Россия”) // Иное : Хрестоматия нового российского самосознания. — М.: Аргус, 1995. — Т. II.

В какой-то степени отличия России по этому показателю от других стран могут объясняться отмеченной выше заменой: вместо континента у россиян спрашивали про части света. Но очень близкая с российской средняя оценка получена в другой бывшей советской республике — Латвии (см. табл. 6.5, 6.6), и это скорее указывает на какие-то более фундаментальные причины отличий.

Таблица 6.6

**Ощущение связанности со своим континентом
у населения разных стран мира (2003–2004 годы, N = 41230)***

Страна	Средняя оценка степени связанности	Численность ответивших	Стандартное отклонение	Ошибка средней
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>
Венгрия	3,6	1007	0,64	0,02
Чили	3,0	1467	0,90	0,02
Южная Африка	3,0	2357	1,00	0,02
Швейцария	3,0	1031	0,69	0,02
Австрия	3,0	992	0,83	0,03
Болгария	3,0	950	0,94	0,03
Испания	2,9	1192	0,73	0,02
Португалия	2,9	1542	0,87	0,02
Чехия	2,9	1204	0,81	0,02
США	2,9	1165	0,90	0,03
Словения	2,8	1057	0,89	0,03
Словакия	2,8	1047	0,84	0,03
Польша	2,8	1199	0,81	0,02
Канада	2,7	1031	0,88	0,03
Норвегия	2,7	1322	0,86	0,02
Венесуэла	2,7	1162	1,08	0,03
Япония	2,7	901	0,85	0,03
Западная Германия	2,7	803	0,77	0,03
Уругвай	2,7	1089	0,94	0,03
Восточная Германия	2,6	401	0,75	0,04
Дания	2,6	1255	0,91	0,03
Франция	2,6	1522	0,99	0,03
Швеция	2,5	1103	0,85	0,03
Новая Зеландия	2,4	957	0,96	0,03
Израиль (евреи)	2,4	1051	1,09	0,03
Ирландия	2,4	1046	0,89	0,03
Филиппины	2,3	1140	0,91	0,03

Окончание табл. 6.6

1	2	3	4	5
Финляндия	2,3	1211	0,80	0,02
Израиль (арабы)	2,2	152	0,99	0,08
Южная Корея	2,1	1286	0,84	0,02
Великобритания	2,0	813	0,85	0,03
ЛАТВИЯ	1,8	925	0,81	0,03
Австралия	1,7	1984	0,79	0,02
<i>Тайвань</i>	1,6	1827	0,72	0,02
РОССИЯ**	1,6	2039	0,76	0,02

* У россиян вместо континента спрашивали о части света (соответственно, Европе или Азии).

** Средняя оценка по России не отличается значимо (при $p < 0,05$) от средней для населения Тайваня (название этой страны выделено курсивом) и значимо уступает всем остальным (по результатам анализа ANOVA).

Среди стран, участвовавших в международном опросе, есть только еще одна страна, входившая ранее в состав СССР, — это Латвия. И примечательно, что средние показатели идентичности у ее населения такие же, как и у россиян.

Еще одно подтверждение получено совсем в другом сравнительном исследовании, где жизненные ценности российского населения сопоставлялись с ценностями жителей других европейских стран. Выяснилось, что по такой ценностной характеристике как “Выход за пределы своего “Я” — Самоутверждение” россияне характеризуются самой высокой ориентацией на собственные интересы в ущерб ориентации на интересы других людей и социальных общностей [3]. Нам представляется, что подобная ценностные характеристики логично сочетаются с низким уровнем социальной идентификации, который выявлен по результатам описываемого здесь исследования *ISSP-2003*.

Страновая и этническая идентификация

В предшествующем параграфе мы рассмотрели государственную (страновую) идентичность в сравнении с другими идентичностями, привязанными к общностям разного социотерриториального уровня, и установили, что общестрановая идентификация у россиян является одной из самых “выпуклых”, наиболее сильно ощущаемых.

Теперь наша задача — сравнить эту идентичность с этнической, которая часто конкурирует с государственно-страновой.

Начнем с рассмотрения этнической идентичности как таковой. В проекте **ISSP-2003** ее выраженность оценивали, задавая респондентам вопрос: “Насколько сильно лично Вы чувствуете связь со своей национальностью?”. Ответ надо было дать по 4-балльной шкале — от “очень сильно” (балл 4) до “совершенно не чувствую” (балл 1).

Как видно из табл. 6.7, две трети (63%) респондентов ощущают подобную связь очень сильно или довольно сильно, и только 6% заявляют, что вообще не чувствуют связи со своей национальностью. Примечательно, что распределение российских респондентов по этому показателю не зависит от их национальности и почти одинаково среди тех, кто относит себя к русским или же к представителям других, нерусских этносов.

Таблица 6.7

**Ощущение связанности со своей национальностью (ethnic group)
у населения России (2003 год, % опрошенных)**

Насколько сильно лично Вы чувствуете связь со своей национальностью?	Общероссийская выборка, N = 2383	Россияне, отнесшие себя к русским по национальности, n = 2116	Россияне, отнесшие себя к нерусским национальностям, n = 258
Очень сильно, балл 4	25	25	23
Довольно сильно, балл 3	38	38	40
Не очень сильно, балл 2	22	22	25
Совершенно не чувствую связи со своей национальностью, балл 1	6	6	5
Затрудняюсь ответить	8	9	7
<i>Средняя оценка</i>	2,9	2,9	2,9
<i>Ошибка средней</i>	0,02	0,02	0,06

Информация, содержащаяся в табл. 6.8, позволяет оценить, насколько сильна этническая идентификация россиян в сравнении с

подобной идентификацией у населения 13 других стран мира⁸. Как видно из таблицы, Россия находится в группе из 6 стран (кроме России, в эту группу входят Латвия, Новая Зеландия, Дания, Польша и Франция), имеющих наименее высокие оценки этнической идентичности. К сходному выводу пришел и Л. Гудков, сравнивая эти показатели в России и других странах по данным предшествующей волны ISSP [1, с. 44]. Похоже, что здесь мы встречаемся с еще одним проявлением отмеченной выше закономерности: о какой бы социальной общности ни шла речь, идентификация с ней россиян очень низка. Как следствие этого — низкая озабоченность российских граждан проблемами, выходящими за рамки их личных интересов.

Выше было показано, что в ответе на вопрос о чувстве связанности со своей страной более 60% россиян оценивают эту связанность как очень сильную или довольно сильную. Примерно столько же респондентов говорят о сильной приверженности своей национальности. Что произойдет, если человека попросить выбрать между страновой и этнической идентичностью? Соответствующий вопрос звучал так: “Одни люди чувствуют себя в первую очередь россиянами, какой бы национальности они ни были, другие чувствуют себя в первую очередь людьми той национальности, к которой принадлежат (русские, татары, башкиры и т.п.). Какое из следующих высказываний точнее всего отражает лично Ваши чувства?” Предлагалось 5 вариантов ответа: Я чувствую себя “только представителем своей национальности” (балл 5); “больше представителем своей национальности, чем россиянином” (балл 4); “одинаково как представителем своей национальности, так и россиянином” (балл 3); “больше россиянином, чем представителем своей национальности” (балл 2); “только россиянином” (балл 1). Распределение ответов на это вопрос приводится в табл. 6.9 (рассматриваем только российские данные, поскольку из-за различий формулировок сопоставления с другими странами затруднены).

Как видно из табл. 6.8, утверждающих, что связь со страной они чувствуют так же сильно или даже сильнее, чем связь с национальностью (в смысле этничности), несколько больше, чем тех, кто указывал на ощущение сильной связанности со страной *вне сравнения* с национальной идентичностью: соотношение 73% против 61%. Кроме того, в выборке вдвое больше тех, кто отдает предпочтение страновой иден-

⁸ Не все страны включали этот вопрос в свои анкеты, поэтому количество сравниваемых стран меньше, чем в предшествующих сравнениях. Приводим исходную англоязычную формулировку, которая должна была быть воспроизведена во всех национальных опросах: “How close do you feel to your ethnic group?”. Варианты ответов: Very close, Close, Not very close, Not close at all, Can't choose. См. разъяснение словосочетания “Feel close to” выше, в ссылке 4.

тичности перед национальной, чем тех, кто, наоборот, предпочитает национальную идентификацию общероссийской: 36% против 17%. Таким образом, при столкновении общестрановой идентификации с национальной (этнической) почти *три четверти россиян не жертвуют общестрановой приверженностью в пользу национальной.*

Таблица 6.8

**Ощущение связанности со своей национальностью (ethnic group)
у населения 14 стран мира (2003 год, N = 18601)**

Страна	Средняя оценка степени связанности	Численность ответивших	Стандартное отклонение	Ошибка средней
Южная Африка	3,6	2335	0,59	0,01
Израиль (арабы)	3,5	151	0,68	0,06
Япония	3,5	1071	0,62	0,02
Словакия	3,4	1100	0,59	0,02
Чехия	3,4	1211	0,64	0,02
Испания	3,2	1166	0,59	0,02
Израиль (евреи)	3,2	1030	0,97	0,03
США	3,2	1132	0,86	0,03
Тайвань	3,0	1675	0,56	0,01
ЛАТВИЯ	<i>3,0</i>	972	0,79	0,03
<i>Новая Зеландия</i>	<i>3,0</i>	946	0,85	0,03
<i>Дания</i>	<i>2,9</i>	1253	0,96	0,03
<i>Польша</i>	<i>2,9</i>	1085	0,83	0,03
<i>Франция</i>	<i>2,9</i>	1292	1,00	0,03
РОССИЯ	<i>2,9</i>	2182	0,88	0,02

* Средняя оценка по России не отличается значимо (при $p < 0,05$) от средних для населения Латвии, Новой Зеландии, Дании, Польши и Франции (названия этих стран выделены курсивом) и значимо уступает всем остальным (по результатам анализа ANOVA).

Этот общий вывод подтверждается и при разделении российских респондентов по национальному признаку (табл. 6.9). Но все же различия между русскими и не русскими по национальности россиянами существуют и, как можно было ожидать, в сторону более сильно выраженной национальной идентичности у не русских: почти поло-

вина тех, кто относит себя к представителям нерусских национальностей, говорит, что в равной мере чувствуют себя и представителями своей национальности, и россиянами (против 35% таких ответов среди русских), они также несколько чаще признают, что больше чувствуют себя представителями своей национальности, нежели россиянами (13% против 5%), но зато *гораздо реже* чувствуют себя только россиянами (без дополнительных национальных определений): 6% против 27%.

Таблица 6.9

Предпочтение российской или национальной (ethnic) идентификации населением России (2003 год, % опрошенных)

Какое из следующих высказываний точнее всего отражает лично Ваши чувства? Я чувствую себя:	Общероссийская выборка в целом, N = 2383	Россияне, отнесшие себя к русским по национальности, n = 2116	Россияне, отнесшие себя к представителям нерусских национальностей, n = 258
Только представителем своей национальности, <i>балл 5</i>	11	11	7
Больше представителем своей национальности, чем россиянином, <i>балл 4</i>	6	5	13
Одинаково — как представителем своей национальности, так и россиянином, <i>балл 3</i>	37	35	49
Больше россиянином, чем представителем своей национальности, <i>балл 2</i>	12	12	15
Только россиянином, <i>балл 1</i>	24	27	6
Другое	1	1	1
Затрудняюсь ответить	10	10	9
<i>Средняя оценка</i>	2,6	2,6	3,0
<i>Ошибка средней</i>	0,03	0,03	0,06

Переживание гордости принадлежностью к гражданам своей страны

Осознание себя гражданином страны, ощущение связанности с ней и готовность активно действовать ради ее интересов тесно переплетаются с эмоциональным отношением к ней. Человек в большей мере хочет ощущать связанность со страной, к которой он позитивно относится, и наоборот — чем теснее ощущается связь, чем более “своей” воспринимается страна, тем лучше отношение к ней. Одной из наиболее сильных форм эмоционального отношения к стране являются переживания гордости или стыда. Гордость или стыд — переживание человеком оценки своей страны другими людьми (соответственно, позитивной или негативной). Если человек гордится, например, русской литературой, это значит, что он ожидает позитивной оценки этих достижений своих соотечественников со стороны значимых других и стремится привлечь их внимание к этим достижениям в расчете на подобную оценку (в роли значимых других выступают в данном случае жители других стран). Точно так же переживание стыда за те или иные стороны жизни страны означает ожидание их отрицательной оценки со стороны значимых других и стремление не предъявлять эти объекты для оценивания, прятать их от чужого взгляда.

Российские данные, 2003 год. Для определения того, насколько у респондентов выражена общая гордость за свою страну, им был задан вопрос “Насколько Вы гордитесь тем, что являетесь гражданином/гражданкой России?” и предложено 6 вариантов ответа: “очень горжусь”, “в какой-то мере горжусь”, “не очень горжусь”, “совсем не горжусь”, “не являюсь гражданином/гражданкой России”, “затрудняюсь ответить” (“негражданин” России в выборке всего 5 человек, поэтому данный вариант ответа в дальнейшем анализе не рассматривается.)

Если брать сумму двух положительных вариантов ответа “очень горжусь” и “в какой-то мере горжусь”, можно констатировать, что почти 80% респондентов гордятся своей принадлежностью к россиянам (табл. 6.10). Но все же наиболее высокая интенсивность переживания гордости характерна только для трети (35%) респондентов.

Фонд “Общественное мнение” дважды — в феврале 2002-го и в декабре 2006 года спрашивал россиян о чувстве гордости за свою страну. В 2002-м его испытывали 84% жителей России. Правда, в упомянутом опросе использовалась иная шкала — определялись различия в частоте проявлений этого чувства — 51% респондентов заявили, что испытывали его часто, а 33% — редко. В 2006 году эти показатели снизились: “часто” испытывали это чувство 35% респондентов, а

“редко” — 33%⁹, но в целом порядок цифр в обоих опросах согласуется с данными, приведенными в табл. 6.10.

Таблица 6.10

**Гордость принадлежностью к гражданам России
(2003 год, N = 2383, % опрошенных)**

Вопрос	Очень горжусь, балл 4	В какой-то мере горжусь, балл 3	Не очень горжусь, балл 2	Совсем не горжусь, балл 1	Затрудняюсь ответить	Средний балл	Ошибка средней
В какой мере Вы гордитесь тем, что являетесь гражданином России?	35	44	14	4	4	3,1	0,02

В упомянутых опросах Фонда “Общественное мнение” респондентам также задавали вопросы о чувстве стыда, и затем просили сравнить, какое чувство — гордость или стыд — они испытывают чаще. По результатам обоих опросов оказалось, что около 60% респондентов испытывают стыд за нашу страну или чаще, или столь же часто, что и гордость, и эти цифры дополнительно подтверждают, что доля очень сильных оценок гордости не может быть намного выше той, что получена в нашем исследовании и приведена в табл. 6.10.

Сравнение российских данных с данными по другим странам, 2003–2004 годы. Как следует из табл. 6.11, средние показатели гордости у российского населения находятся ближе к полюсу низких значений, но все же далеко не в самом низу: если самая сильная гордость оценивается в 3,9 балла (Венесуэла), а самая слабая — в 2,7–2,8 балла (арабское население Израиля, западные и восточные немцы), то средняя оценка по России равна 3,1 балла (средняя по Латвии равна 3,0 балла). Россияне не отличаются значимо по этому показателю от граждан Норвегии, Швеции, Латвии, Словакии, Франции, Дании и Швейцарии.

Общее переживание гордости складывается из ощущений гордости различными аспектами жизни страны. Можно предположить, что у россиян гордость разными сторонами жизни страны неодинакова.

⁹ См. данные 2002 года в: http://bd.fom.ru/report/cat/man/shame_pride/tb020607; данные 2006 года в: http://bd.fom.ru/report/cat/man/shame_pride/tb064809.

Таблица 6.11

**Гордость тем, что являюсь гражданином своей страны
(население 33 стран мира, 2003 год, N = 41800, % опрошенных)***

Страны	Средняя оценка чувства гордости	Количество ответивших	Стандартное отклонение	Ошибка средней
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>
Венесуэла	3,9	1134	0,34	0,01
Филиппины	3,8	1198	0,51	0,01
США	3,8	1178	0,48	0,01
Ирландия	3,7	1001	0,51	0,02
Чили	3,7	1489	0,57	0,01
Уругвай	3,7	1091	0,57	0,02
Новая Зеландия	3,7	989	0,54	0,02
Австралия	3,6	2071	0,58	0,01
Южная Африка	3,6	2424	0,64	0,01
Канада	3,6	1013	0,60	0,02
Португалия	3,5	1508	0,63	0,02
Словения	3,5	1087	0,60	0,02
Австрия	3,4	948	0,69	0,02
Израиль (евреи)	3,4	1052	0,81	0,03
Венгрия	3,4	1010	0,63	0,02
Польша	3,4	1239	0,69	0,02
Япония	3,3	1047	0,68	0,02
Великобритания	3,3	823	0,74	0,03
Финляндия	3,3	1318	0,67	0,02
Тайвань	3,3	1917	0,84	0,02
<i>Норвегия</i>	<i>3,2</i>	<i>1355</i>	<i>0,69</i>	<i>0,02</i>
<i>Дания</i>	<i>3,2</i>	<i>1268</i>	<i>0,67</i>	<i>0,02</i>
<i>Словакия</i>	<i>3,2</i>	<i>1016</i>	<i>0,74</i>	<i>0,02</i>
<i>Швеция</i>	<i>3,2</i>	<i>1106</i>	<i>0,70</i>	<i>0,02</i>
<i>Франция</i>	<i>3,2</i>	<i>1504</i>	<i>0,72</i>	<i>0,02</i>

Окончание табл. 6.11

1	2	3	4	5
РОССИЯ	3,1	2286	0,80	0,02
<i>Швейцария</i>	3,1	901	0,79	0,03
ЛАТВИЯ	3,0	928	0,86	0,03
Южная Корея	3,0	1292	0,74	0,02
Чехия	3,0	1190	0,72	0,02
Болгария	2,9	1031	0,90	0,03
Испания	2,9	1185	1,03	0,03
Израиль (арабы)	2,8	152	0,90	0,07
Западная Германия	2,7	681	0,85	0,03
Восточная Германия	2,7	368	0,79	0,04

* Средняя оценка по России не отличается значимо (при $p < 0,05$) от средних для населения Норвегии, Швеции, Латвии, Словакии, Франции, Дании и Швейцарии (названия этих стран выделены курсивом) и значимо отличается от всех остальных стран (по результатам анализа ANOVA).

Переживание гордости достижениями своей страны в разных сферах жизни

Российские данные 2003 года. Начиная со знаменитой работы Г.Алмонда и С.Вербы “Гражданская культура”, существует традиция задавать респондентам конкретные вопросы о том, какими именно характеристиками своей страны они гордятся, и благодаря этому удается нарисовать более сложную картину этого социального чувства. Обращаясь к респондентам пяти разных стран, Алмонд и Верба спрашивали: “Говоря в целом, что в Вашей стране есть такого, чем вы больше всего гордитесь?”. Вопрос был открытым и авторы группировали полученные ответы в несколько категорий: респонденты высказывали гордость правительственными и политическими институтами, социальным законодательством, позицией страны в мире, экономической системой, свойствами населяющих страну людей, духовными ценностями и религией, достижениями страны в искусстве и науке, физическими характеристиками страны [4, с. 64–68]. В уже упоминавшихся исследованиях Фонда “Общественное мнение” респондентам тоже задавали более конкретные вопросы о том,

какими именно достижениями своей страны они гордятся¹⁰. Выяснилось, в частности, что поводов для гордости россияне больше видят в прошлом, а для стыда — в настоящем. Но это все были открытые вопросы.

Одна из новаций анкеты ISSP состоит в том, что в ней вопросы о конкретных предметах гордости были сформулированы как закрытые, и на каждый из них должны были ответить все респонденты. Это позволило не только детализировать наши представления о гордости у россиян, но и осуществить сравнения россиян с жителями других стран по целому набору соответствующих показателей.

Одинаковые вопросы были заданы в 1996-м и в 2003 году. Звучали они так: “В какой мере Вы гордитесь следующими сторонами жизни России?”, и в отношении каждого из десяти аспектов жизни страны (их перечень содержится в табл. 6.12) надо было отметить один из вариантов ответа — “очень горжусь”, “в какой-то мере горжусь”, “не очень горжусь”, “совсем не горжусь” или “затрудняюсь ответить”; в данной таблице приведены также распределения по России 2003 года, разные виды достижений упорядочены по убыванию средних оценок гордости.

Большинство предложенных оценок гордости можно условно сгруппировать в две категории. Первая касается гордости творческими достижениями, связанными прежде всего с деятельностью выдающихся людей страны, ее элиты. К этой категории относится гордость достижениями в области литературы и искусства, достижениями в спорте, научными и техническими достижениями. Предметом же второй категории переживаний является гордость массовыми, рутинными процессами организации повседневной жизни страны — процессами, непосредственно затрагивающими потребности живущих сегодня в стране широких масс людей: это гордость положением дел с демократией, экономическими достижениями, положением дел с социальной справедливостью и равноправием всех групп населения и, наконец, гордость системой социальной защиты населения. Что касается российской истории, то в ней, разумеется, активно действовали и элиты, и массы, но в массовом восприятии она все же в большей мере ассоциируется с деятельностью “героев”.

¹⁰ Данные 2002 года см. в: Опрос населения // http://bd.fom.ru/report/cat/man/shame_pride/d020608;
Бавин П. Гордимся прошлым, стыдимся настоящего, 14.02.2002 // http://bd.fom.ru/report/cat/man/shame_pride/d020627;
Бавин П. Чем гордимся, чего стыдимся? (продолжение разговора) // http://bd.fom.ru/report/cat/man/shame_pride/d020735. Данные 2006 года см. в.: http://bd.fom.ru/report/cat/man/shame_pride/dd064825#d064812.

Окончание табл. 6.12

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Политическим влиянием России в мире	6	23	30	22	19	29	52	2,16	0,02
Положением дел с демократией	2	11	33	34	20	13	67	1,77	0,02
Экономическими достижениями России	3	11	34	39	12	14	73	1,75	0,02
Положением дел с социальной справедливостью и равноправием всех групп населения	3	8	27	49	13	11	76	1,58	0,02
Системой социальной защиты населения (пенсионным обеспечением, помощью многодетным семьям и т.п.)	3	8	25	59	6	11	84	1,52	0,02

* В верхних строчках таблицы (они отделены жирной чертой) суммарная доля ответов "очень горжусь" и "в какой-то мере горжусь" выше, чем доля ответов "не очень горжусь" и "совсем не горжусь"; в нижних строчках доля первых двух ответов, наоборот, ниже, чем двух последующих.

И именно гордость историей страны выражена у россиян сильнее всего: два самых “сильных” варианта ответа — “очень горжусь” и “в какой-то мере горжусь” — выбрали 72% опрошенных. Далее идут гордость достижениями в области литературы и искусства, гордость спортивными и научно-техническими достижениями — 60–66% “сильных ответов”.

Во всех перечисленных случаях суммарный процент ответов “очень горжусь” и “в какой-то мере горжусь” выше, чем доля ответов “не очень горжусь” и “совсем не горжусь”. По всем остальным видам достижений баланс противоположный, то есть процент ответов, свидетельствующих о слабом чувстве гордости или о его полном отсутствии, преобладает над процентом ответов, свидетельствующих о более сильном чувстве гордости.

Итак, не гордятся или мало гордятся вооруженными силами своей страны 50% россиян, а испытывают более-менее сильную гордость только 40%. Не гордятся или мало гордятся политическим влиянием в мире 52%, гордятся — 29%; положением дел с демократией не гордятся или мало гордятся 67% против 13% тех, кто подобную гордость испытывает (в двух последних случаях велик также процент затруднившихся ответить). Средняя оценка гордости экономическими достижениями такая же, что и положением дел с демократией, не гордятся или мало гордятся ими 73% населения против 14% испытывающих гордость. Положением дел с социальной справедливостью и равноправием всех групп населения не гордятся или мало гордятся 76%, гордятся 11%. И, наконец, на последнем месте находится система социальной защиты населения: отнюдь не гордятся или мало гордятся ею подавляющее большинство населения страны — 84% (против 11% испытывающих большую или меньшую гордость). Представляется, что подобное распределение оценок гордости в целом верно отражает реалии российского общества. Российские респонденты в качестве объектов гордости чаще выбирают те стороны жизни, которые имеют больше шансов получить позитивную оценку “значимых других”, и хорошо чувствуют, в каких сферах на подобную оценку рассчитывать пока не приходится.

В итоге получается, что жители России сравнительно сильно гордятся достижениями, которые мы выше обозначили как элитарные: творческими, инновационными достижениями исторических деятелей, достижениями в области литературы и искусства, в спорте, науке и технике. Но при этом они, как правило, не гордятся или мало гордятся рутинными аспектами жизни страны, которые характеризуют повседневную жизнь людей и непосредственно сказываются на благополучии широких слоев населения.

В целом этот вывод согласуется с результатами уже упоминавшихся исследований Фонда “Общественное мнение”. Там тоже среди объектов гордости лидировали достижения элиты или героев: например, в 2006 году больше всего голосов набрали спортивные достижения, а вот рутинные стороны жизни, наоборот, гораздо чаще упоминались как объекты стыда: чаще всего люди говорили, что стыдятся низкого уровня жизни в стране, отсутствия заботы о людях со стороны власти, социальной незащищенности и сильного расслоения.

Факторная структура переживаний гордости (в рамках международного массива), 2003–2004 годы. В сознании людей характеристики гордости достижениями своей страны образуют определенные сочетания, которые могут быть выявлены с помощью процедуры факторного анализа. Факторизации были подвергнуты 10 показателей гордости, о которых речь шла выше, и этот анализ был проведен на массиве всех 33 стран, включенных в опрос (табл. 6.13).

Напомним, что выраженность переживаний гордости оценивалась по 4-балльным шкалам, при этом более высокий балл соответствует более высокой степени гордости. Мы представим первые 5 факторов до вращения, то есть все те факторы, собственные числа которых больше единицы. В сумме эти факторы описывают 75% дисперсии всех анализируемых признаков. Значимыми считаем факторные нагрузки, чья абсолютная величина равна или превосходит 0,20.

Информативность *первого фактора* равна 38%, она значительно выше, чем у остальных, и это значит, что данный фактор может претендовать на роль “главного”, или генерального. С ним положительно связаны все рассматриваемые аспекты гордости, причем факторные нагрузки большинства показателей близки по величине. Несколько выделяется лишь гордость историей страны, имеющая в этом факторе минимальную нагрузку. Примечательно, что в рамках первого фактора совместно выступают чувства гордости самыми разными аспектами — достижениями в искусстве и военных сражениях, историей и современным состоянием страны, экономической жизнью и демократичностью политического режима, то есть одинаково ведут себя и “элитарные”, и “массовые” виды гордости. С ростом значения первого фактора переживания гордости респондентов всеми сторонами жизни их стран усиливаются, а с уменьшением значения фактора, наоборот, ослабевают. Соответственно данный интегральный параметр можно назвать *фактором общей гордости различными сторонами жизни страны*. Он отражает психологическое переживание гордости страной вообще — слабое, когда значение фактора минимально, и сильное, когда значение фактора максимально. И это чувство проявляется по отношению ко всем аспектам жизни страны, как бы они ни различались по своему содержанию.

Таблица 6.13

Факторная структура гордости различными достижениями своей страны у населения 33 стран мира (метод главных компонент, без вращения; N = 44027; 2003 год)

Гордость:	Факторные нагрузки				
	Фактор I	Фактор II	Фактор III	Фактор IV	Фактор V
Историей страны	0,47	0,46	0,58	0,06	0,11
Достижениями в области литературы и искусства	0,54	0,57	-0,26	0,09	-0,03
Достижениями в спорте	0,50	0,55	-0,29	0,29	-0,25
Научными и техническими достижениями	0,62	0,23	-0,34	-0,35	0,41
Вооруженными силами	0,62	0,14	0,40	-0,42	-0,03
Политическим влиянием в мире	0,70	-0,22	0,03	-0,16	-0,47
Положением дел с демократией	0,68	-0,40	-0,04	0,08	-0,22
Экономическими достижениями	0,70	-0,31	-0,14	-0,11	-0,01
Положением дел с социальной справедливостью и равноправием всех групп населения	0,64	-0,18	0,25	0,51	0,21
Системой социальной защиты населения	0,64	-0,41	-0,13	0,10	0,34
<i>Информативность факторов</i>	38%	14%	9%	7%	7%

Все последующие факторы биполярны. Это значит, что вслед за характерной для первого фактора универсальной актуализацией всех вообще показателей гордости вступает в действие механизм их избирательной актуализации: человек гордится одними сторонами жизни и в то же время не считает возможным гордиться другими (или даже стыдится их).

Второй фактор (его информативность 14%) свидетельствует о наличии в нашем массиве обратных соотношений между двумя разными группами переживаний гордости: с ростом значений фактора усиливаются переживания гордости историей своей страны, достижениями в спорте, литературе и искусстве, научно-техническими достижениями; одновременно ослабевают переживания гордости системой социальной защиты населения, положением дел с демократией, экономическими достижениями и политическим влиянием в мире. По мере снижения значений фактора имеют место противоположные изменения: гордость первой группой достижений ослабевает, а второй, наоборот, усиливается.

Здесь, как видим, четко проявилось разделение достижений на две категории, о которых речь шла выше. Когда люди говорят о гордости историческими достижениями, достижениями в области литературы и искусства, в спорте, научными и техническими достижениями, они имеют в виду прежде всего творческие, инновационные (“разовые”) достижения отдельных выдающихся лиц или групп людей, элиты. Когда же они выражают гордость такими явлениями, как система социальной защиты населения, положение дел с демократией, экономические достижения, то в поле их зрения попадают массовые, рутинные процессы повседневной жизни, касающиеся буквально каждого члена общества, и особенно его массовых слоев.

Обоснованность подобной интерпретации подтверждается факторной нагрузкой такого признака, как гордость вооруженными силами. Этот показатель имеет очень низкий вес по данному фактору, что объясняется, на наш взгляд тем, что он в равной степени связан и с элитарной, и с массовой гордостью: “вооруженные силы” в массовом сознании — это и выдающиеся военачальники, и широкие массы военнослужащих. Таким образом, *данный интегральный индекс можно назвать параметром взаимно обратных отношений между двумя видами переживаний гордости: гордости за творческие достижения элиты своей страны и за достижения в рутине, то есть в организации повседневной жизни широких слоев населения.*

С третьим фактором (его информативность 9%) положительно связаны гордость историей страны, вооруженными силами и (слабее) положением дел с социальной справедливостью, а отрицательно — гордость научно-техническими достижениями, достижениями в спорте, в области литературы и искусства. Это значит, что с ростом значений фактора усиливается гордость историей страны, вооруженными силами, а также положением дел с социальной справедливостью и равноправием всех групп населения, но снижается гордость достижениями в области литературы и искусства, спортивными и научно-техническими достижениями.

В чем смысл данного противостояния? Можно предположить, что один полюс — это гордость прошлыми достижениями страны: сюда входит история, вооруженные силы (победы в разных войнах, о которых повествует история), а также положение дел с социальной справедливостью и равноправием групп населения (то, что в России и других бывших социалистических странах социальная справедливость и равноправие социальных групп ассоциируются с прошлым, — очевидно, но, возможно, эти ассоциации характерны для населения и некоторых других стран). Тогда логично предположить, что противоположный полюс — это современность, текущее развитие общества, которое представлено достижениями в науке и технике, спорте, литературе и искусстве. Таким образом, *данный интегральный индекс можно назвать параметром взаимно обратных отношений между переживаниями гордости за исторические достижения и за современные достижения своей страны.*

С четвертым фактором (информативность 7%) положительно связаны гордость за положение дел с социальной справедливостью и (менее тесно) — за достижения в спорте, а отрицательно — гордость вооруженными силами и научно-техническими достижениями. С ростом значений фактора растет, таким образом, гордость социальной справедливостью и спортивными достижениями и, соответственно, снижается гордость вооруженными силами и научно-техническими достижениями.

Два главных участника противостояния — это гордость вооруженными силами ($-0,42$) и гордость положением дел с социальной справедливостью ($0,51$). *Иными словами, противостоят друг другу гордость военными достижениями (в борьбе с внешними силами) и умение построить мирные отношения между социальными группами внутри страны.* Понятен и смысл двух показателей, примыкающих к этим основным: научные и технические достижения прочитываются в этом контексте как то, что служит военным целям, а достижения в спорте — как те успехи в мирном соревновании, которые заменяют военные победы.

С пятым фактором (информативность 7%) положительно связаны гордость научными и техническими достижениями, системой социальной защиты населения и (менее заметно) — положением дел с социальной справедливостью, а отрицательно — гордость политическим влиянием в мире и (менее заметно) достижениями в спорте и положением дел с демократией. С ростом значений фактора растет, таким образом, гордость научно-техническими достижениями, системой социальной защиты населения и положением дел с социальной справедливостью и снижается гордость политическим влиянием в мире, достижениями в спорте и положением дел с демократией.

Можно предположить, что основной нерв этого фактора — *противостояние международных и внутривострановых достижений*. Но в отличие от предыдущего фактора здесь отсутствует агрессивная окраска этих достижений. Если в рамках предыдущего фактора *внешняя активность* представлялась людям прежде всего как военная, то здесь речь идет о политическом влиянии, прямо не связанном с военной активностью. С успешностью политического влияния в мире оказались в сознании населения связаны и успехи демократии внутри страны. Это объясняется тем, что в современном мире демократическая репутация страны является важным условием ее международной успешности, и люди это осознают. К внутренним же достижениям люди относят успехи системы социальной защиты, положение дел со справедливостью и научно-технические достижения — последние в рамках данного фактора воспринимаются людьми как средства решения внутренних гуманитарных задач.

Сравнение России с другими странами мира по интегральным индексам (факторам) гордости достижениями страны, 2003–2004 годы. В недавней публикации по материалам *ISSP-2003* американские исследователи Т.Смит и С.Ким предприняли сравнение стран-участниц по показателям гордости различными аспектами жизни. Они выделили для каждого респондента те аспекты достижений страны, в отношении которых он давал самую высокую оценку (“очень горжусь”), и подсчитали, сколько именно таких ответов дал респондент. Этот показатель авторы приняли в качестве общей оценки гордости и сравнили страны по его средним значениям. Рейтинг возглавили США — каждый американский респондент в среднем дал около 5 оценок “очень горжусь” (из 10 возможных), в самом низу списка оказались Южная Корея, Латвия, Западная и Восточная Германия — в среднем по одной оценке “очень горжусь” на каждого респондента. По итогам ранжирования Россия разделила 23–25 места (из 34) с Чехией и Норвегией, в среднем на каждого россиянина пришлось по 1,3 оценки “очень горжусь” [5].

Как видим, наши американские коллеги воспользовались ответами респондентов о гордости разными сторонами жизни страны только для того, чтобы получить на их основе суммарный индекс гордости. Даже оставляя в стороне правомерность построения подобного индекса только с учетом одной категории ответов (“очень горжусь”), обратим внимание, что за рамками рассмотрения Смита и Кима остались содержательные различия между отдельными компонентами гордости — те различия, которые были описаны выше и на основе которых был осуществлен факторный анализ.

Теперь, выяснив структуру факторов, мы можем приписать респондентам индивидуальные оценки (посредством процедуры при-

писывания индивидуальных значений, похожей на вычисление индивидуальных индексов на основе ответов респондентов на несколько отдельных вопросов), и на основе этих оценок осуществить более дифференцированные сравнения индексов гордости в России и других странах мира.

Сравнения будем осуществлять по двум наиболее емким факторам (первому и второму) — фактору общей гордости различными сторонами жизни страны (*фактор I*) и фактору взаимно обратных отношений между переживаниями гордости за достижения элиты и гордостью за достижения, непосредственно затрагивающие массовые слои населения (*фактор II*). Будут сравниваться средние оценки этих факторов в разных странах мира, и мы снова воспользуемся процедурой однофакторного дисперсионного анализа и критерием Тамхена (при $p < 0,05$).

В табл. 6.14 приведены значения фактора общей гордости в России и других странах мира, принимавших участие в международном исследовании в 2003–2004 годах. Россия занимает вторую строку снизу, что означает одно из самых низких (в сравнении с другими странами) значений общего чувства гордости всеми 10 аспектами жизни в стране, оценить которые было предложено респондентам.

Статистически не значимыми (при $p < 0,05$) оказались отличия России только от Латвии, Болгарии, Словакии и Тайваня — как и россияне, население этих стран сравнительно мало гордится достижениями своих стран. Во всех остальных случаях чувство гордости выражено значимо сильнее, чем в России. Иными словами, универсальная гордость различными сторонами жизни страны выражена в России слабее, чем почти во всех остальных странах — участницах исследования. Как видно из табл. 6.14, остальные страны бывшего социалистического лагеря — Венгрия, Словения, Польша и Чехия — тоже находятся на не слишком высоком уровне по степени гордости различными достижениями своей страны.

В табл. 6.15 приведены значения фактора соотношения между гордостью “массовыми” и “элитарными” достижениями в России и других странах мира, принимавших участие в международном исследовании. Россия (вместе с Венгрией, Чехией, Словакией, Португалией и Венесуэлой) в этой таблице снова занимает одно из крайних мест — на этот раз в самом верху таблицы, и это означает, что у российского населения гордость инновационными, творческими достижениями элиты сильнее, чем в большинстве других стран, преобладает над гордостью достижениями, непосредственно улучшающими повседневную жизнь массовых слоев населения. Данный вывод согласуется с тем, что было обнаружено, когда мы анализировали разные оценки гордости внутри российской выборки (табл. 6.12).

Таблица 6.14

Фактор I общей гордости различными сторонами жизни своей страны, средние оценки населения 33 стран мира (фактор I; N = 44027; 2003–2004 годы)

Страна	Средние значения фактора
<i>1</i>	<i>2</i>
США	1,02
Австралия	0,65
Ирландия	0,63
Канада	0,59
Новая Зеландия	0,49
Венесуэла	0,45
Австрия	0,45
Великобритания	0,37
Южная Африка	0,37
Швейцария	0,27
Чили	0,27
Испания	0,26
Дания	0,25
Финляндия	0,18
Япония	0,13
Франция	0,09
Филиппины	0,06
Норвегия	0,04
Швеция	–0,07
Уругвай	–0,12
Западная Германия	–0,13
Венгрия	–0,13
Израиль (евреи)	–0,14
Израиль (арабы)	–0,24
Словения	–0,27
Португалия	–0,31
Восточная Германия	–0,34

Окончание табл. 6.14

1	2
Польша	-0,43
Чехия	-0,50
Южная Корея	-0,53
<i>Тайвань</i>	-0,66
<i>Болгария</i>	-0,67
<i>Словакия</i>	-0,67
РОССИЯ	-0,69
ЛАТВИЯ	-0,81

* Средняя оценка по России не отличается значимо (при $p < 0,05$) от средних для населения Латвии, Болгарии, Словакии и Тайваня (названия этих стран выделены курсивом) и значимо отстает от всех остальных средних (по результатам анализа ANOVA). Чем выше оценки, тем выше у людей чувство гордости.

Этот вывод согласуется также с результатами, полученными Л.Гудковым по итогам анализа данных ISSP-1995. Факторный анализ им не использовался, и страны сравнивались по показателям гордости населением отдельными достижениями. Автор разделил эти показатели примерно на те же категории, что и мы, и оказалось, что в 1996 году сравнительное положение России среди других стран по гордости ее жителями “элитарными” и “массовыми” достижениями было примерно то же, что и в 2003-м: гордость первыми располагалась в середине или даже в верхней части международного рейтинга, а гордость вторыми — в самом низу этого рейтинга [1, с. 42–44].

Обратим внимание на различие результатов, полученных при разной постановке вопроса о гордости: когда россиян спрашивают о гордости тем, что они являются гражданами России, то сравнительный ранг их оценок выше, чем в тех случаях, когда подобный показатель вычисляется на основе вопросов о гордости различными конкретными достижениями страны (сравним табл. 6.11 и 6.12: в первом случае Россию по гордости опережают 20 стран, а во втором — 30). Скорее всего, в первом суждении сильнее представлен нормативный компонент, оно жестче контролируется социальной нормой патриотизма, а суждения второго типа более рациональны, и вынося их, люди в большей степени учитывают реальное положение вещей, смотрят, есть ли реальные достижения, которыми можно гордиться перед значимыми другими.

Различие природы двух этих видов суждений подтверждается и результатами, полученными в других странах. Достаточно посмотреть на полюса сильной гордости в рейтингах стран, составленных на основе каждого из этих суждений, чтобы заметить существенное отличие. Когда гордость определяется через оценки конкретных достижений (табл. 6.12), наиболее высокие показатели получают страны, значительные достижения которых (хотя бы в сфере экономики) не вызывают сомнений — США, Австралия и Ирландия¹¹, и только затем следует группа стран, реальные достижения которых явно меньше, в частности Венесуэла и Южная Африка.

Когда же гордость жителей разных стран сравнивается на основе их прямого высказывания (табл. 6.11), первое место занимает Венесуэла, не деля его ни с кем и статистически значимо превосходя всех остальных. А далее на одном уровне идет тройка стран, в которую со статистически неразличимыми показателями гордости входят США и Ирландия, а также не столь продвинутое Филиппины. Таким образом, по этому более идеологизированному показателю гордости группа стран-лидеров явно более неоднородна с точки зрения реальных достижений, что и подтверждает подобную его трактовку.

Добавим также, что различия между двумя категориями показателей гордости наглядно проявляются и в сравнительно невысоком коэффициенте корреляции между ними. Этот коэффициент, конечно, положителен и статистически значим, но далек от 1 и равняется 0,40 (а в России, кстати, он еще ниже и равен 0,28).

Если наша трактовка этих двух групп показателей верна, то должны различаться и формы их детерминации. Глобальные суждения о гордости в большей степени поддаются прямым воздействиям СМИ, они часто буквально вкладываются в готовом виде в сознание и вербальные практики людей. А вот конкретные оценки отдельных сторон жизни страны зависят от собственной когнитивной активности их носителей. И если общество и элита хотят, чтобы человек самостоятельно и рационально пришел к осознанию гордости своей страной и различными сторонами ее жизни, усилия должны быть направлены не на индоктринацию, а на улучшение реальной жизни. В случае России, как показывают изложенные выше данные, наиболее очевидный ресурс для повышения сознательного, осмысленного чувства гордости людей за свою страну — обеспечение сдвигов к лучшему в развитии экономики, демократии, равноправия, социальной справедливости и социальной защиты населения.

¹¹ США статистически значимо превосходят по гордости населения всех остальных; Австралия и Ирландия статистически значимо превосходят по этому показателю всех, кроме Канады и Новой Зеландии.

Таблица 6.15

**Фактор II: гордость инновационными достижениями элиты (+)
VERSUS гордость повседневными, рутинными достижениями,
затрагивающими массовые слои населения (-),
(N = 44027; 2003–2004 годы)**

Страна	Средние значения фактора
<i>1</i>	<i>2</i>
Болгария	1,05
<i>Словакия</i>	<i>0,64</i>
<i>Венгрия</i>	<i>0,58</i>
<i>Португалия</i>	<i>0,57</i>
РОССИЯ	<i>0,56*</i>
<i>Чехия</i>	<i>0,54</i>
<i>Венесуэла</i>	<i>0,45</i>
ЛАТВИЯ	0,30
Польша	0,26
Израиль (евреи)	0,24
Япония	0,16
Новая Зеландия	0,14
Уругвай	0,13
Ирландия	0,13
Филиппины	0,08
Южная Корея	0,07
Словения	0,06
США	-0,01
Австралия	-0,03
Чили	-0,08
Франция	-0,13
Южная Африка	-0,14
Великобритания	-0,24
Австрия	-0,26
Восточная Германия	-0,27
Швеция	-0,29

Окончание табл. 6.15

1	2
Канада	-0,37
Испания	-0,41
Тайвань	-0,54
Норвегия	-0,56
Финляндия	-0,59
Дания	-0,64
Швейцария	-0,68
Западная Германия	-0,72
Израиль(арабы)	-1,17

* Средняя оценка по России не отличается значимо (при $p < 0,05$) от средних для населения Венгрии, Чехии, Словакии, Португалии и Венесуэлы (названия этих стран выделены курсивом) и значимо опережает все остальные средние (по результатам анализа ANOVA). Напомним, что более высокая оценка свидетельствует о преобладании у населения гордости за достижения элиты страны над гордостью за рутинные достижения, прямо затрагивающие широкие слои населения.

Выводы

В данной главе, основанной на опросах проекта *ISSP-2003*, принят анализ различных элементов идентификации граждан России со своей страной и сравнение их с характеристиками идентичности населения 32 других стран мира (в двух из них отдельно рассматривались по две этнические территориальные группы).

Общестрановая идентичность (“чувствовать себя россиянином”) у большинства (73%) российских респондентов выражена по меньшей мере не слабее, а у 36% даже сильнее, чем этническая. Вместе с тем установлено, что ощущение связанности со своей страной выражено у россиян слабее, чем почти во всех остальных рассматриваемых странах. Слабее, чем в других странах, выражена у россиян и идентификация с другими социотерриториальными общностями — со своим городом (селом), регионом (областью, краем, республикой) и даже с континентом. Достоверность приведенных сравнительных данных подтверждается результатами сравнения ценностей: россияне лидируют среди европейских стран по ценностям индивидуализма и самоутверждения, принося в жертву ценности, выходящие за пределы их собственного “Я”.

Результаты сравнения чувства гордости, как выяснилось, зависят от вида и содержания рассматриваемых показателей, а именно от того, задается ли респонденту общий вопрос о гордости принадлежностью к своей стране или же ставятся вопросы о гордости конкретными достижениями своей страны. В первом случае ответы респондентов в большей мере контролируются нормой патриотизма, а суждения второго типа более рациональны; вынося их, люди в большей степени считаются с реальностью и смотрят, есть ли реальные достижения, которыми можно гордиться перед значимыми другими.

В силу этого гордость людей принадлежностью к своей стране, высказанная в ответ на прямой вопрос, выражена в России относительно сильнее, чем суммарная гордость конкретными достижениями страны. По последнему показателю Россия даже оказалась в числе стран, в которых это чувство выражено наименее сильно.

Различными сторонами жизни страны россияне гордятся неодинаково: более сильно развита гордость достижениями, связанными с творческими успехами элиты, нежели достижениями, характеризующими качество повседневной жизни широких масс населения. Если сравнивать соотношение этих двух категорий гордости в разных странах, то преобладание первой над второй выражено у россиян в наибольшей степени.

Сравнительно нетрудно обучить население стереотипным выражениям гордости. Но чтобы человек в условиях свободы информации самостоятельно и рационально пришел к осознанию гордости своей страной и разными сторонами ее жизни, усилия общества и элиты целесообразно направлять не на “воспитание патриотизма” через индоктринацию, а на улучшение реальной жизни. В случае России, как показывают результаты анализа, наиболее очевидный ресурс для повышения сознательного, осмысленного чувства гордости людей за свою страну — обеспечение сдвигов к лучшему в развитии экономики, демократии, равноправия, социальной справедливости и социальной защиты населения.

Литература

1. *Гудков Л.* Россия в ряду других стран: к проблеме национальной идентичности // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. — 1999. — № 1 (39). — С. 39–47.
2. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В.Г.Николаева под ред. С.П.Баньковской. — М.: “Канон-пресс-Ц”, “Кучково поле”, 2001.

3. *Магун В.С., Руднев М.Г.* Ценности населения России в европейском контексте. 2007 (в печати).
4. *Almond G.A., Verba S.* The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. — Neewbury Park, et. al.: Sage Publications, 1963.
5. *Smith T.W., Kim S.* National Pride in Comparative Perspective: 1995/1996 and 2003/2004 // International Journal of Public Opinion Research. — 2006. — Vol. 18. — № 1. — P.127–136.

7.1. Влияние религиозной и конфессиональной идентичности на этнонациональную толерантность/интолерантность (украинский контекст)

Людмила Рязанова

Актуальность данной проблемы заключается в том, что религия играет значительную роль в процессе трансформации экономического, политического и социального устройства общества, а также изменений ценностных ориентаций и регуляторов индивидуального и коллективного поведения граждан. Что касается Украины, то она с обретением государственной независимости пытается создать институты современной демократии, более эффективную рыночную экономику, структуры открытого общества, интегрированного в мировое сообщество. Исходя из концепции открытого общества К.Поппера, украинский социолог Н.Панина формулирует как одно из важнейших условий перехода от общества закрытого типа (традиционно-общинных, тоталитарных) к открытому демократическому отказ от изоляционистских принципов функционирования социальных систем и ксенофобии, а также повышение уровня толерантности их граждан. Так, она отмечает, что «преобладающие в массовом сознании установки на сближение с представителями других национальных культур являются психологической предпосылкой формирования открытой общественной системы демократического образца. И наоборот, психологическое восприятие представителей других этнических групп и национальностей как совершенно «чужих» и их «отторжение» от «своего» социального мира, доходящее до развития ксенофобических установок, создают серьезные предпосылки «возвратного» развития общественной системы, ведущего к ренессансу традиционно-общинных или тоталитарных принципов общественной консолидации» [1, с. 26].

Острота проблемы состоит в том, что Украина как целостность продолжает искать свою культурную, этническую и религиозную

идентичность, базирующуюся на адекватном представлении о мотивах и целях социальных субъектов, их культурных и религиозных предпочтениях, попытках найти себе подобных в социальном пространстве или же дистанцироваться от неприемлемых, навязанных сообществ. Что касается религиозных идентичностей, то они разнообразны, ибо Украина — поликонфессиональное государство. По данным Государственного комитета Украины по делам религий на 1 января 2007 года в Украине было официально зарегистрировано около 33 тысяч религиозных организаций 55 различных религиозных течений, церквей, конфессий¹.

Религиозная дифференциация современного украинского общества является частью его социокультурной дифференциации, поскольку религия — значимый элемент культурной системы, а по мнению сторонников культурно-цивилизационного подхода в исследовании исторического процесса, она лежит в самом основании определенных культурно-цивилизационных типов. Важность изучения религиозной дифференциации состоит в том, что религия осуществляет связь между нормой и ценностью, поддерживая и легитимизируя определенные культурные образцы. Религия, считал Т. Парсонс, это универсалия, делающая акцент на ценностях, стабилизирующая социальный порядок через терапевтические процессы отклика на экзистенциальные ситуации. Вот почему в условиях затянувшейся и малоэффективной трансформации украинского социума данные ежегодного мониторинга Института социологии НАНУ и других исследовательских центров фиксируют позитивное отношение граждан Украины как к институционализированной, так и к нетрадиционной, внеконфессиональной религии, проявляющееся в идентификации себя с верующими или теми, кто колеблется между верой и безверием. Если интерпретировать тезис о доверии Богу как стремление соотносить свой жизненный мир с трансцендентальными ценностями, то респонденты подтверждают свое движение к религиозности, заявляя о полном доверии Богу, или же скорее о доверии, чем о недоверии: 61% в 1994-м и 70% — в 2001 году, а недоверие к Богу было зафиксировано на уровне 14% в 1994-м и 9% — в 2001-м. Если религия — это социальный институт, включающий в себя не только установленный порядок правил и стандартизированных моделей поведения, но и систему организаций, охватывающих большие массы людей, чье поведение управляется нормами и ценностями, то уро-

¹ Все данные Государственного комитета Украины в делах религий взяты из официального сайта религиозно-информационной службы Украины. — www.risu.org.ua.

вень доверия церкви и духовенству тоже все последнее десятилетие оставался относительно высоким.

В целом Украина — страна христианская, причем и на основе статистических данных, и данных социологических исследований можно утверждать, что в ней численно, культуурообразующе и статусно доминирует православие: в начале 2007 года 51% всех зарегистрированных религиозных общин были православными. Мониторинговые данные Института социологии НАН Украины в 2007 году фиксируют православную самоидентификацию на уровне 73%. Понятно особое положение православия в конфессиональном пространстве Украины, ибо оно, по мнению О.Субтельного, неразрывно связано с ее историей, этнической ментальностью, практической тождественностью понятий национальная и православная культура.

И в Украине, и в России количество респондентов, идентифицирующих себя с православием, выше, чем число верующих, поэтому можно предположить, что в самоидентификации себя как православных доминирует культурно-цивилизационная, а не конфессиональная (украинец — значит православный, русский — значит православный) идентичность. Видимо, именно этим можно объяснить столь низкую (1%) долю протестантов по самоидентификации по сравнению со статистическими данными в отношении религиозных общин, согласно которым протестантские группы составляют чуть больше 28% всех религиозных общин. Из-за низкой религиозной компетентности современного верующего принадлежность его к протестантской группе не препятствует сохранению чувства принадлежности к православному сообществу. Столь высокие показатели православной религиозности объясняются также характерной для нее свободой и отсутствием жесткого контроля со стороны референтной группы и церковной иерархии, в отличие от протестантских и новых религиозных движений, в которых конфессиональная идентичность требует конкретного и систематического ее подтверждения. Для значительной части респондентов, чтобы чувствовать себя православным, достаточно в самом общем виде разделять вероисповедальную догматику, посещать церковь в праздники, в соответствии с православной традицией крестить детей, венчаться по православному обряду, все остальное время находясь за пределами церковной жизни.

Учитывая изложенное выше, весьма интересно было бы выяснить влияние православной идентичности на политико-идеологические приоритеты в сравнении с другой влиятельной конфессией — Украинской Греко-католической церковью, сыгравшей особую роль в консолидации проживающих в западных областях страны украинцев, в течение четырех столетий обеспечивая их национальную иден-

тичность. В Советском Союзе УГКЦ существовала нелегально, претерпевала гонения, вокруг нее объединялась диссидентская украинская интеллигенция. Кроме того, греко-католицизм занимает третье место в структуре религиозной сети (12%), а по самоидентификации — 14%. УГКЦ, будучи региональной церковью, имеющей подавляющее число своих приходов в трех западных областях Украины, видимо, исчерпала ресурсы роста, поскольку в 2002 году по сравнению с 2000-м наблюдалось незначительное сокращение ее общин. Тем не менее, можно говорить о некоторой пассионарности и высокой самооценке ее роли в процессе национального и государственно-го возрождения Украины.

Ситуация в Украине в целом характеризуется активизацией церквей, их стремлением занять влиятельное место в структурах трансформирующегося общества. При этом, не считаясь с тем, что согласно Конституции Украины, церковь в нашей стране отделена от государства, высшая государственная бюрократия открыто демонстрирует свои религиозные и конфессиональные предпочтения. Правящие элиты возлагают надежды на то, что религия (в частности православие) станет фактором национальной консолидации и заполнит идеологический вакуум. В общенациональной дискуссии по поводу места и роли религии в Украине иногда звучат предложения разных вариантов клерикального национализма.

Поэтому закономерен рост духовного авторитета и влияния Церкви, ее иерархов, дающих оценки тому, что происходит, формирующих общественное мнение. Вообще нынешняя церковно-религиозная ситуация сложная и неоднозначная; хотя можно отметить некоторую стабилизацию, отсутствие всплесков религиозного фанатизма и экстремизма, тем не менее остается высокой степень конфликтности, что служит показателем разбалансированности религиозно-церковного организма, дисгармонии интересов. Не стоит забывать, что религия способна катализировать как процессы социальной интеграции, так и дезорганизации, а переплетаясь с политическими конфликтами, придает им большее напряжение и эмоциональную вовлеченность участников.

В ситуации, когда культурное и религиозное разнообразие Украины является данностью, попытка прояснить вопрос о влиянии религиозной и конфессиональной идентичности на этническую толерантность и ксенофобию позволяет оценить, насколько провозглашенные и декларируемые элитами векторы и ценности отвечают реальным социальным практикам. Автором была поставлена задача выяснить, какая из выделенных групп (нерелигиозные, православные, греко-католики) лидирует по показателям скрытой и открытой ксенофобии, а какая из них объединяет наиболее толерантно ориен-

тированных индивидов. Отношение к разным этносам, та или иная степень дистанцированности от них свидетельствует о соответствующем уровне межконфессиональной интолерантности, поскольку в общественном сознании, в том числе обыденном, этносы ассоциируются с той или иной религиозной традицией (поляки — католики, арабы — мусульмане, евреи — иудаисты и т.д.).

В связи с тем, что современность дает неединичные примеры разнообразных конфликтов, базирующихся на межэтнической, межкультурной и межконфессиональной интолерантности, интерес к проблеме толерантности/интолерантности увеличивается. Большинство исследователей понимает толерантность как терпимость к чужому образу жизни, поведению, обычаям, ощущениям, верованиям, свободе от расовых и религиозных предрассудков. XXVIII сессия Генеральной конференции ЮНЕСКО в 1995 году приняла «Декларацию принципов терпимости» (иногда «терпимость» переводят как толерантность). Видовой признак этого понятия определяется как уважение, принятие и правильное понимание культур нашего мира, различных форм самовыражения и способов проявления человеческой индивидуальности. Толкования этого понятия содержит статья 6 Декларации.

Новейший либерализм с его правами человека признает несомненное право человека жить, как он считает необходимым, если это не нарушает права других. Эта парадигма задает внешнюю толерантность, когда истинность и правильность способов проявления человеческой индивидуальности выносятся за скобки, а акценты переносятся на саму личность, ее право иметь иные убеждения, поведение и взгляды.

Вопрос о границах и возможностях внутренней толерантности более сложен. Психологическая толерантность — это такая особенность личности, как сдержанность, способность контролировать эмоции враждебности, агрессивности по отношению к Другому, умение отсрочить ответ на необычное, непривычное, открытость новому. Социальная и психологическая толерантность не может быть беспредельной, в таком варианте она угрожает личностной аутентичности. Право и способность давать оценку группам и отдельным индивидам на почве определенной системы ценностей — важнейшая черта зрелой личности. В Декларации подчеркивается, что проявление толерантности, созвучное движению прав человека, не говорит о лояльном отношении к социальной несправедливости, отказе от своих или уступках чужим убеждениям.

Каждый социум, каждый этнос характеризуется определенным соотношением толерантности и интолерантности. Они могут быть отрефлексированы и специально транслироваться разнообразными акторами, а могут быть обычной социальной реальностью, результа-

том истории народа, его национального характера. Ментальность, которая содержит определенные стереотипы, может ограничивать толерантность. Уменьшает уровень толерантности и недостаточность образования, поскольку экстремизм и нетерпимость ко всему, находящемуся за пределами ограниченного повседневного опыта, коррелируется с дефицитом информации. Исторический опыт свидетельствует, что социальные системы, в которых поощрялась толерантность своих граждан, оказались более жизнеспособными. Известно, что даже относительная культурная гомогенность приводит к стагнации, потому что мультикультуризм и поликонфессиональность являются стимуляторами социальной и культурной динамики.

Что касается межрелигиозной, межконфессиональной толерантности, то демократическая Европа наметила границы внешней толерантности, отделив церковь от государства, рассматривая религию как личное дело каждого. Границы внутренней толерантности — дело самих граждан. Религия касается глубоких убеждений и чувств, не позволяющих признать за другим, что его путь в трансцендентное является настоящей и легитимной встречей со “священным”. Логика интолерантности непосредственно встроена в конфессиональные системы. Увеличение в мире количества “просто верующих в Бога”, “просто христиан”, не обремененных ни конфессиональностью, ни интересом к юрисдикции церкви, которую они посещают, позволяет надеяться на уменьшение интолерантности, присущей церковной бюрократии, группе “оцерковленных”. Таким образом дискурс толерантности/интолерантности позволяет под определенным углом посмотреть на роль и место религии, некоторых конфессий в их претензиях на роль общенационального духовного лидера и авторитета.

Результаты мониторингового опроса Института социологии НАНУ, проведенного в апреле 2006 года, демонстрируют высокий уровень психологической обособленности населения, увеличение ксенофобии. Напомним, что среднее значение интегрального индекса национальной дистанцированности (ИИНД) меньше 4 баллов рассматривается как толерантное отношение к тому или иному этносу, а меньше 2,5 баллов свидетельствует о готовности его максимально к себе приблизить. Значение ИИНД от 4 до 5 баллов говорит о национальной обособленности и отсутствии толерантности. Скрытая форма ксенофобии или национальной обособленности маркируется ИИНД от 5 до 6 баллов. А значение ИИНД более 6 баллов является показателем открытых ксенофобических установок [1, с. 29–30]. Выбранный респондентом вариант ответа “Я согласен допустить в Украину тот или иной этнос только как туристов” может рассматриваться как скрытая ксенофобия, а вариант “Вообще не допускал бы в Украину” — как ее открытая форма.

Обратившись к мониторинговым показателям ИС НАНУ, касающимся национальной дистанцированности населения Украины (шкала Богардуса), мы видим, что за исключением украинцев, русских и белорусов, граждане Украины не склонны пускать в свое личное пространство представителей других этносов. Значение ИИНД превышает 5 баллов, что свидетельствует о национальной обособленности или скрытой форме ксенофобии. Бросается в глаза, что особенно высок ИИНД по отношению к народам, исповедующим ислам. Средний индекс национальной дистанцированности от мусульманских этносов (азербайджанцы, арабы, афганцы, крымские татары, турки, чеченцы) — 5,9. (Для сравнения: по отношению к полякам он равен 5,0 баллов, по отношению к евреям — 5,2 балла.)

Очень высокий уровень национальной дистанцированности от мусульманских этносов должен беспокоить гражданское общество, ведь современная Украина принадлежит к группе европейских стран, которые имеют собственное мусульманское население, будучи при этом страной, в которой доминирует совокупность христианских церквей. Исходя из результатов Всеукраинской переписи населения 2001 года, в Украине количество мусульман по происхождению составляет около 0,9% населения страны, при этом выделяют 40 этнических групп [2].

Основной этнической группой являются крымские татары (57% из общего количества), которые вместе с волжско-уральскими татарами, азербайджанцами, узбеками и турками составляют почти 90% всех живущих в Украине мусульман. Абсолютное большинство крымских татар проживает в Крыму. Структура и численность народов, традиционно исповедующих ислам, в основном сложилась в 90-х годах XX века, когда интенсивность миграционных процессов была наивысшей. Власть и значительная часть украинского общества не воспринимают ислам как влиятельную религию и не признают идеологему “традиционного крымского ислама”. Действительно, ислам и мусульмане в конфессиональном пространстве Украины не занимают видного места. Мониторинги Института социологии НАНУ фиксируют мусульманскую самоидентификацию граждан Украины менее 1%: 2002-й — 0,3%; 2003-й — 0,2%; 2004-й — 0,5%; 2005-й — 0,6%; 2006-й — 0,2%.

Отношение к народам, исповедующим ислам, с одной стороны, непосредственно связано с определенным политическим дискурсом, а с другой — с неуверенными и неопределенными представлениями о мусульманах и исламе на уровне обыденного сознания, то есть доминируют бытовые, языковые и социальные практики (слухи, анекдоты, сплетни). Представление о том или ином этносе, как и любое обыденное знание, воспринимается как само по себе очевидное, и не

предполагая иного взгляда, распространяется при помощи лингвистических способов — клишированных словосочетаний и конвенциональных метафор.

Фоновые знания о том или ином этносе участвуют в формировании и поддержке стереотипов и предубеждений. В обыденном сознании религиозная идентичность понимается как находящаяся вне границ свободного выбора и воспринимается как данность от рождения. Чужое религиозное или этническое сообщество выступает неким ментальным феноменом, образом, часто построенным медиа в отрыве от индивидуального опыта. Дистанцирование от “чужого” определяется тем, что одним из способов приобретения идентичности является процесс противопоставления себя “чужому”. Во время диалога с “чужим” происходит выяснение того, кто мы есть.

В украинском обществе преобладают представления об исламе как неисконной религии, и это отражается в медиа-дискурсе. Можно констатировать, что современное восприятие ислама и мусульман в Украине базируется на разнообразных моделях — “фольклорной”, “экзотической”, “официально советской” и “глобально медийной”. Последняя углубилась в политический дискурс, где доминируют темы экстремизма, терроризма, жестокости, насилия, экономической и культурной отсталости мусульманских народов.

Конфликтность отношений мусульман и христиан Крыма, проявляющаяся сегодня в противостоянии, в том числе в борьбе за доминирование индивидуальных визуальных символов (борьба с установлением крестов в честь празднования 1000-летия принятия на Руси христианства) вынуждает с опаской относиться к представителям исламского этноса. Известно, что мусульманская община ведет себе по-разному в тех случаях, когда она представляет большинство или же является религиозным меньшинством. Этим критерием определяется степень агрессивности и интолерантности мусульманских этносов. Все изложенное выше позволяет понять причины настороженного отношения украинского общества к мусульманским этносам, восприятия их как чужих и нежелательных.

Обратимся к конкретным социологическим данным о том, как заявленная респондентами религиозная и конфессиональная идентичность соотносится с толерантностью и интолерантностью. Для сравнения нами были выделены три группы: нерелигиозные, православные и греко-католики как наиболее наполненные группы в выборке. Так, к нерелигиозным в 2006 году отнесли себя 13% жителей Украины, к православным — 76%, к греко-католикам — 7%. В течение последних пяти лет количественные показатели в этих группах практически стабилизировались (табл. 7.1, 7.2).

Таблица 7.1

Мера открытости (толерантности) населения Украины и ее уровень в группах “нерелигиозных”, “православных”, “греко-католиков” (по данным социологического мониторинга Института социологии НАН Украины 2006 года)

Национальная дистанцированность населения Украины от...	% респондентов, ответивших “Согласен допустить” перечисленные этносы как: 1) членов моей семьи; 2) близких друзей; 3) соседей; 4) коллег по работе			
	Выборка в целом N = 1800	Нерелигиозные n = 226	Православные n = 1372	Греко-католики n = 134
Азербайджанцев	10,9	8,4	12,1	4,5
Американцев	13,9	12,9	13,2	14,8
Арабов	5,5	7,1	5,7	3,0
Афганцев	4,6	5,7	5,0	0,7
Белорусов	48,5	47,6	51,9	14,9
Венгров	21,3	19,5	22,1	12,6
Грузин	18,2	15,6	19,4	9,0
Евреев	23,7	20,9	26,0	6,8
Китайцев	7,9	10,6	8,3	2,2
Крымских татар	11,6	12,1	12,2	3,7
Молдаван	17,0	21,5	16,6	12,7
Негров	6,8	9,3	6,9	2,2
Немцев	24,7	28,1	24,6	28,4
Поляков	29,6	33,7	28,4	35,8
Русских	63,7	71,2	66,5	28,4
Румын	19,8	22,6	20,2	15,7
Словаков	24,2	21,8	25,0	21,6
Турков	9,5	10,2	9,5	8,5
Украинцев	78,1	81,3	78,6	69,4
Украинцев диаспоры	61,6	56,9	63,0	55,4
Цыган	4,2	4,7	4,4	2,3
Чехов	21,1	21,4	21,3	19,4
Чеченцев	4,6	4,8	5,0	3,0

Таблица 7.2

Мера изоляционизма (скрытая форма ксенофобии) и ксенофобии (открытая форма) населения Украины и ее уровень в группах “нерелигиозных”, “православных”, “греко-католиков” (по данным социологического мониторинга Института социологии НАН Украины 2006 года)

Национальная дистанцированность населения Украины от...	% респондентов, ответивших “Согласен допустить в Украину” перечисленные этносы как: 1) “туристов” или 2) “вообще не допускал бы в Украину”			
	Выборка в целом N = 1800	Нерелигиозные n = 226	Православные n = 1372	Греко-католики n = 134
Азербайджанцев	79,3	84,4	77,4	91,0
Американцев	77,6	79,4	78,6	78,4
Арабов	88,5	88,5	88,3	94,8
Афганцев	88,9	88,5	88,5	98,6
Белорусов	32,2	30,3	29,2	67,9
Венгров	64,3	68,4	63,6	73,9
Грузин	69,4	71,9	67,9	85,8
Евреев	54,8	59,1	52,7	76,8
Китайцев	84,1	82,7	83,8	95,5
Крымских татар	54,8	55,5	54,6	59,0
Молдаван	61,9	59,8	61,4	73,1
Негров	85,8	82,7	58,7	96,3
Немцев	64,9	60,4	66,2	65,6
Поляков	55,0	54,3	56,1	53,0
Русских	19,8	11,5	17,3	53,7
Румын	66,4	63,2	67,1	68,6
Словаков	58,4	59,1	58,4	61,2
Турков	81,7	82,1	81,8	89,2
Украинцев	3,3	3,7	3,7	0,7
Украинцев диаспоры	16,0	19,2	16,0	10,6
Цыган	75,6	80,1	74,4	85,8
Чехов	65,0	65,3	65,2	67,2
Чеченцев	89,7	91,2	89,3	98,6

Анализ предложенной в таблицах информации показывает, что наивысший уровень изоляционизма и ксенофобии и самый низкий уровень толерантности демонстрируют респонденты, заявившие, что они сторонники греко-католической церкви. При этом, если отклонения от общенационального уровня изоляционизма, ксенофобии и толерантности в группах “нерелигиозных” и “православных” незначительны, то группа “греко-католиков” по ряду позиций отличается значительной радикальностью. Следует вспомнить, что, несмотря на региональный характер УГКЦ (более 95% ее общин приходится на Западный регион), она пытается занять место самой аутентичной украинцам религиозной конфессии, наиболее полно отражающей интересы национального и духовного возрождения Украины. Важно и то, что греко-католики находятся под патронатом Ватикана, который, согласно традиции, осуществляет руководство ими. Тем более интересно, что греко-католики демонстрируют замкнутость как в отношении к европейским этносам, так и к этносам, исповедующим ислам. Что касается мусульман, то начиная со II Ватиканского собора (1962–1965 годы) католическая церковь ориентирует своих сторонников на совместную деятельность с мусульманами, выделяет положения вероучения, сближающие две религии, призывает к взаимопониманию и толерантности. В некоторой степени предубеждения, изоляционизм и ксенофобию украинского социума, и особенно греко-католиков, можно объяснить тем, что этническая идентичность украинцев формировалась путем отрицания их принадлежности к другим этносам (полякам и русским, в частности), в условиях угрозы ассимиляции и растворения в культуре своих могучих соседей. Возможно, для преодоления настороженности, обусловленной этой исторической памятью, необходимо время.

7.2. Поиски оптимальной презентации православной компоненты в современном среднем российском образовании

Светлана Рыжова

Современная религиозная ситуация в России отражает общую для Западной Европы тенденцию, обозначившуюся с середины прошлого века — падение религиозности и утверждение эпохи секулярного (светского) мирозерцания. А нынешняя российская ситуация — обилие верующих в стране с тяжелым атеистическим прошлым — объясняется тем, что в период трудного постсоветского десятилетия религия выполняла в первую очередь функцию психологической поддержки и социально-психологического мотиватора. Парадокс современной общественной российской ситуации состоит в том, что на фоне секуляризации растет количество людей, идентифицирующих себя в конфессиональных, религиозных категориях.

Данные социологических опросов последнего десятилетия показывают, что у населения России оформилось религиозное самосознание. Практически 60–80% русского населения страны называют себя православными. Появление новой религиозной православной идентичности прежде всего свидетельствует о реабилитации РПЦ, а также о легитимации всех форм современной религиозности, от магии, язычества до монотеизма. Реабилитация всех видов “духовности”, открытый крах материалистической идеологии в лице КПСС и государственной цензуры и образовавшийся идеологический вакуум способствовали тому, что в системе человеческих ценностей значимое место заняли собственно духовные потребности.

В начале 1990-х годов Россия пережила настоящее увлечение религиозными и псевдорелигиозными учениями и организациями. В 1990-х годах увеличивается число верующих (относящих себя к той или иной конфессии), возрастает количество действующих храмов, значительная роль в построении гражданского общества отводится религиозным деятелям. Религия — неотъемлемый этнообъединяющий признак, поэтому “общая вера” выступает необходимым компонентом этнонациональной идеологии. При этом векторы развития этнического и гражданского самосознания во многом определяются тем зарядом толерантности или нетерпимости, который несет в себе конкретно сложившаяся религиозная идентичность.

Попытки религиозного сознания встроиться в социальную практику привели к появлению стихийных религиозных объединений, организаций и политических партий с “религиозным уклоном”. Православность как форма приобщения к православной традиции без дальнейшего воцерковления можно считать “новой” российской идентичностью. В числе факторов, способствующих ее рождению, следует упомянуть крушение советской идеологии, отсутствие институциональных основ гражданского сознания, вызовы глобализации. Не последнюю роль играет и феномен исторической памяти, в соответствии с которым эту идентичность нельзя считать новой. Однако она именно новая, потому что в дореволюционной России все православные были воцерковлены. По мнению экспертов, в нынешней посткоммунистической России (в сравнении с дореволюционным прошлым) большинство населения религиозно безразлично, хотя многие и считают себя “православными” [3]. Дело в том, что среди 60–80% православных, по различным оценкам экспертов, практикующих верующих не более 4–12%. Отмечаемое религиозное безразличие является безразличием с точки зрения институционального православного сознания. Однако для постсоветского человека интерес к религии и к религиозным ценностям, “открытие” православия и обретение православной идентичности является, безусловно, попыткой приобщения к христианству и Церкви.

Воцерковленная категория верующих имеет постоянную психологическую поддержку в лице христианского учения, духовных авторитетов и таинств. Остальная же часть верующих приобщалась к христианской традиции в условиях экономического выживания и затяжного психологического стресса, обусловленного социально-экономическим и политическим кризисом 1990-х годов. Постсоветский опыт России обнаружил, что стихийные всплески религиозности в периоды острых и болезненных общественных трансформаций являются не столько богоискательством, сколько поисками “духовного убежища”, в котором человек пытается обрести временную защиту и утешение.

Функция психологической поддержки и защиты, осуществляемая в рамках практически любой религиозной традиции, в христианском учении реализуется во многом благодаря практике пастырского наставничества. Легитимный православный дискурс сам по себе — пастырский по своей интонации и задачам, наставляющий, предупреждающий, утешающий. Если подойти к нему в плане транзактного анализа Э.Берна [4], то можно сказать, что он выражает почти исключительно “родительскую” позицию, столь востребованную в периоды психологической нестабильности и экономических трудностей. Поэтому обращение населения постсоветской России к ре-

лигиозным (в частности христианским) ценностям, пусть даже временное, как с позиций секулярного (светского) сознания, так и с богословскими стремлениями, безусловно, способствует снятию психологической напряженности и обретению устойчивой социальной позиции.

Конец 1990-х годов в России ознаменовался широкими общественными дискуссиями о форме взаимодействия религий и государства и наиболее массовой религии страны — Русской Православной Церкви — и государства. Будучи составной частью государства в досоветский период и его “жертвой” в советский, она наконец-то обрела свободу в постсоветской современности, декларируя стремление стать самостоятельным институтом гражданского общества. В связи с этим перед РПЦ встала важная задача — выработать собственную гражданскую позицию, согласованную с богословскими основаниями православия [5], адекватную современной социальной ситуации и отвечающую запросам православных граждан.

В силу исторических традиций гражданские инициативы РПЦ реализуются пока преимущественно в поле государственно-церковных отношений. Одной из таких инициатив стало введение православного компонента в государственные средние школы.

В России существует определенный интерес к преподаванию “Основ православной культуры” (ОПК) в школах — не только со стороны РПЦ и православной общественности, но и со стороны части учительского сообщества и православных и индифферентно настроенных родителей — в надежде на нравственное оздоровление общества.

История преподавания “Основ православной культуры” началась в конце 90-х годов прошлого века. В 1999 году между Московским патриархатом и Министерством образования РФ был подписан договор о сотрудничестве. В результате в ряде областей Российской Федерации на средства областных администраций в средних школах стал вводиться курс ознакомления с православной религией — на факультативной основе. Наибольших успехов в этом направлении достигла Курская область, где преподаванием ОПК были охвачены 300 из 800 школ области [6, с. 360]. В 1999 году, обратившись к провинциальным архиереям, Патриарх инициировал факультативное преподавание ОПК во всех регионах России. В результате к 2000 году в 35 регионах были подписаны договоры о сотрудничестве в сфере образования между областными администрациями и епархиями РПЦ [6, с. 361].

Протесты начались, когда с 1 сентября 2006 года Белгородская область, приняв закон “Об установлении регионального компонента государственных образовательных стандартов общего образования Белгородской области”, выступила с инициативой *обязательного*

курса ОПК в средних школах области². Был установлен обязательный статус изучения ОПК и разработаны нормативы его изучения — по одному часу в неделю со второго по одиннадцатый классы. Статус обязательности предмета предполагает и занесение в аттестат итоговой оценки [7]. С 1 сентября 2006 года предмет “Основы православной культуры” был введен в качестве обязательного также в школах Смоленской, Калужской и Брянской областей.

Между тем, согласно Разъяснению к письму Министерства образования РФ от 22.10.2002 года, сопровождавшему примерную Программу курса “Основы православной культуры”, данный предмет “не является и не может быть обязательным предметом для всех школ страны или даже для всех школ субъекта Российской Федерации. Этот предмет может вводиться только в каждой конкретной школе на основе решения Совета (Попечительского совета) школы, с участием представителей родителей” [8]. Однако региональная администрация вправе ввести любой предмет (не противоречащий законодательству) в качестве регионального компонента образования — что и сделала Белгородская область в начале нового 2006-го учебного года. Любопытно, что белгородские законодатели указали не столько нравственный, сколько просветительский компонент содержания ОПК, определив его в виде предмета, обеспечивающего “научные знания учащихся о православии как традиционной национальной культуре в *историко-культурном, этнокультурном и ин-формационном аспектах*” (выделено мной. — С.Р.) [9].

С протестами выступили белгородские коммунисты (фракция КПРФ в Белгородской областной думе голосовала против принятия этого закона), опирающиеся на многочисленные обращения неправославных жителей области и неверующих граждан.

Основные причины протестов — обвинения данной инициативы в миссионерской направленности и ущемлении конституционных прав верующих, принадлежащих к другим конфессиям, и прав неверующих граждан. В чем же реальная угроза ОПК для представителей иных конфессий и неверующих? Андрей Карчев, пастор евангельской церкви “Царство Божие” (г. Шебекино Белгородской области) в своем “Заявлении по поводу нарушения прав неправославных христиан” отмечает: “Против православных верующих мы ничего не имеем, мы выступаем против православной идеологии, которую на-

² Закон РФ “Об образовании” (ст. 7) указывает, что содержание современного российского образования делится на три компонента — федеральный, региональный и школьный (компонент образовательного учреждения). Регионы вправе законодательно принимать решение о том, что необходимо ввести в учебный процесс какой-то определенный предмет.

вязывают детям... Православная или какая другая идеология — форма господства над конфессиями и просто над людьми. Исходит она не от Бога, а от человеческих амбиций” [10]. В обращении Совета глав протестантских церквей Белгородской области к Президенту РФ указывается, что “во время изучения данного предмета речь идет не только о культуре, но в большей степени о религиозных традициях Православной Церкви”, которые противопоставляются традициям других традиционных российских конфессий, имеющих также глубокие исторические корни на территории РФ [11]. В обращении родителей с. Беянка Белгородской области содержится призыв изучать культуру многоконфессионального государства на уроках истории и обществознания, изучать “культуру народа, а не культ одной православной конфессии” [12]. Неочевидный конфликтный потенциал обязательного изучения ОПК в школе сформулировал пастор церкви “Возрождение” г. Озерска Челябинской области А.Трофимов. “При выполнении заданий ученикам придется либо исходить из позиций отстаивания идеологии православия, либо вступать в полемику с православием, что на подобных уроках трудно представить. И в этой ситуации неверующие ученики и последователи иных вероучений будут вынуждены либо скрывать свои взгляды, либо вступать в открытый конфликт с большинством, что в любом случае создает почву для конфликтов на религиозной почве” [13].

С протестом выступил также руководитель общины белгородских мусульман Р.Рамазанов. Конгресс еврейских религиозных организаций и объединений России в своем пресс-релизе по поводу обязательного изучения ОПК заявил, что этот предмет, согласно “Закону о свободе совести”, может носить исключительно добровольный характер, и призвал руководителей еврейских общин информировать Главного раввина России о фактах принуждения к посещению уроков “Основы Православной культуры” и иных проблемах, “связанных с невозможностью соблюдения еврейских религиозных норм” [14].

Совет муфтиев России неоднократно высказывался против обязательного преподавания школьного курса ОПК, обосновывая свой протест нарушением конституционного положения о равенстве религий перед законом. В восстановление прав ислама Совет муфтиев утвердил план-проект учебника “Основы мусульманской культуры” для общеобразовательных школ России, который должен выйти в свет к 2007 году [15]. Президент Татарстана М.Шаймиев подчеркнул, что любые попытки введения ОПК в школах России являются глубоко ошибочными. Шаймиев полагает, что в школах в качестве обязательного предмета надо преподавать “Основы мировых религий”, не отдавая предпочтения ни одной из существующих конфессий [15]. С ним солидарен и Президент Дагестана М.Алиев [16].

Следует отметить, что инициатива региональных законодателей, нацеленная на обязательное изучение ОПК, противоречит установке священноначалия. В интервью “Известиям” от 18 апреля 2006 года (и неоднократно до этого) Патриарх определенно заявил, что изучение ОПК в школах может проходить исключительно на добровольных началах. “Церковь никому не стремится навязать тот или иной мировоззренческий выбор. Мы умеем учиться у истории, поэтому твердо помним простую истину, гласящую: “Невольник — не богомольник” и считаем, что изучение “Основ православной культуры” в общеобразовательных школах должно проходить исключительно на добровольных началах”. И инициатива РПЦ в деле религиозного образования не препятствует инициативам других традиционных российских конфессий. В интервью отмечается, что “возможность получения достоверных знаний о своей религии в общеобразовательных школах нужно обеспечить и для других традиционных общин страны” [17]. “Русская православная церковь категорически против того, чтобы хотя бы один человек насильно изучал основы религии”, — заявил на заседании Объединенной комиссии по национальной политике и взаимоотношениям государства и религиозных объединений при СФ председатель ОВЦС МП митрополит Кирилл [18].

Однако, как уже неоднократно бывало, некоторые православные активисты стремятся быть “святей Папы римского”. Две основополагающие установки Патриарха — о культурологическом подходе к преподаванию православия и о добровольности обучения ему — оказываются за бортом законодательных и педагогических инициатив.

Основной причиной, приведшей к протестам и неприятию преподавания ОПК в школах, является введение в курс тем, относящихся к вероучительным вопросам — преподавание собственно основ веры, катехизация слушателей. По словам сотрудника Отдела религиозного образования и катехизации Синода РПЦ диакона Д.Лина, сегодня можно выделить два подхода к изучению религии в школе. Первый предполагает православную социализацию ребенка (подростка) и применим в православных школах: “такие уроки начинаются и заканчиваются молитвой” и предполагают “православный образ жизни учащегося” [19]. Второй сценарий, допустимый в светских школах, предполагает культурологический подход к изучению религии и оставляет ребенку свободу выбора вероисповедания. Очевидно, что для уроков ОПК, проходящих в русле первого подхода, то есть с катехизаторской педагогической установкой, школьники должны быть подготовлены, иметь хотя бы начальный опыт воцерковления, желание изучать свою религию и готовность воспринимать православное мировоззрение, его ценностные и нравственные ориентиры. К сожалению, в современной России такой социальной базы практически

не существует. А православное катехизаторство в светской школе не может не вызвать протестов родителей, принадлежащих к иному вероисповеданию.

Альтернативой данному подходу мог бы быть собственно *культурологический* ракурс преподавания ОПК. В данном контексте «культура выражает специфику уклада жизни, поведение отдельных народов, их особый способ восприятия в мифах, легендах, *системе религиозных верований*, и *ценностные ориентации*, придающие *смысл существованию человека*» (выделено мной. — С.Р.) [20]. Культурологический подход к основам веры абсолютно закрыт для критики как со стороны правозащитников, так и родителей неправославного вероисповедания, потому что не противоречит основам Конституции Российской Федерации (принципу отделения церкви от государства) и светскому характеру российского образования, он вне жанра проповеди или богословия.

Культурологический подход концентрируется на толковании истории, памятников древней письменности, классической русской литературы, архитектуры, музыки и живописи сквозь призму православного мировосприятия, и предполагает объяснение особенностей такого мировосприятия. Благодаря культурологическому подходу возможно знакомство с мировоззренческими основами творчества художников и деятельностью государственных мужей, корни чего лежат в вере. Внутри культурологического курса происходило бы ознакомление учащегося с основами веры, но для последнего оставалась бы и возможность выбора — принимать ее или не принимать. Вполне возможно, что такой курс и подводил бы ребенка к принятию православной веры, но в этом, во-первых, была бы его личная позиция и заслуга и, во-вторых, никто не смог бы упрекнуть школы в насильственном миссионерстве.

Однако опыт преподавания ОПК в школах России показал, что для последовательного культурологического взгляда на русское православие у современных авторов учебников ОПК просто не хватает общей подготовки. Профессор Московской духовной Академии диакон А.Кураев, критикуя учебники, по которым изучается ОПК в регионах, называя их «более чем недоброкачественными», полагает, что «авторы сами не понимают, пишут ли они учебники по Закону Божию или по культурологии» [21]. В частности, учебник А.Бородиной стал поводом для судебного разбирательства. Правозащитное движение «За права человека» обвинило автора в разжигании межрелигиозной розни.

Слабая культурологическая подготовка авторов приводит к тому, что учебник становится мишенью для критики не только со стороны светских правозащитников, но и со стороны самих священнослужителей.

телей. Руководитель Школы молодежного служения Патриаршего центра духовного развития детей и молодежи при Свято-Даниловом монастыре игумен Петр (Мещеринов) заметил, что учебники “Основы православной культуры” “никакого отношения к собственно культуре не имеют, все они — переложение учебника Закона Божия протоиерея Серафима Слободского, даже его структура полностью соблюдена. Ученику первого класса предлагается за год усвоить средний семинарский курс по догматическому, сравнительному и литургическому богословию...” [22].

В конечном счете именно этот фактор и становится причиной недовольства как со стороны школьников и родителей, так и со стороны представителей иных конфессий и правозащитников.

Рассмотрим эти тенденции на примере в целом хорошего учебника И. Кошминой, в котором, однако, легко можно обнаружить *дрейф от культурологической педагогической установки к катехизаторской*. Во введении автор отмечает, что православная культура будет рассматриваться в учебнике “с точки зрения культуры, имеющей общечеловеческую ценность”. Православное искусство “сложное для понимания. Чтобы его понять, нужно знать его символы, образы, сюжеты, выразительные средства. При этом мы будем обращаться к толкованиям богословов, потому что нам необходимо знать, какой смысл вкладывают в него верующие люди” [23, с. 23]. В учебнике автор дает обзор разнообразного церковного искусства, в контексте которого светское искусство затрагивается в связи с иллюстрацией библейских сюжетов. Текст посвящен преимущественно ознакомлению с принципами *храмового искусства* как синтеза архитектуры, изобразительного искусства, музыки и священных текстов. По сути, данный курс “Основы православной культуры” правильнее было бы назвать “Культура православного вероисповедания”, потому что в нем, на примере храмового искусства и искусства светского, вдохновленного библейскими сюжетами, представлены все священные православные сюжеты и символы, даны основные православные молитвы, песнопения и службы, раскрывается сущность основного православного таинства — Литургии, дается исчерпывающее представление о содержании четырех Евангелий. Однако в целом в учебнике не соблюдается принцип культурологического (светского) подхода, — все священные символы и практики представлены не с культурологической, а со священной позиции, глазами участника. В отличие от культурологической ориентации священное преподается автором как священное, а не как культурное.

Такой учебник идеален для домашнего воспитания с целью общения детей к культурной и нравственной традиции православия, подготовке их к восприятию собственно закона Божьего. Однако в

общефедеральной средней школе присутствие такого учебника чревато возможными конфликтами. Интересный и нужный для детей верующих, учебник оказывается сомнительным для светской школы. К тому же в нем неоправданно мало внимания уделяется нравственному, этическому компоненту православной веры, отсутствуют беседы о нравственности, о поведении в отношении близких, родителей, начальства, людей обездоленных и т.д.

Между тем, священноначалие неоднократно заявляло, что главная цель, ради которой инициируется преподавание ОПК, — *нравственная*, что предмет “Основы православной культуры” призван заполнить духовный вакуум, образовавшийся в российском обществе после 70 лет атеизма и крушения суррогатной советской духовности (не станем углубляться в тему, насколько реально возрождение народной нравственности с помощью учебного курса). Вот одно из ярких эмоциональных выступлений, обличающих современный российский секуляризм, религиозное безразличие и общественную аномию: “Можно ли представить себе, чтобы в православной России было полмиллиона беспризорных детей, миллионы сирот, лишенных родительской заботы и ласки? Возможно ли, чтобы православный юноша сделался наркоманом, а православная девушка — проституткой? Станет ли православный чиновник грабить государственную казну и брать взятки, а православный милиционер “крышевать” мафию? Все беды, все социальные язвы, все несчастья современной России — от забвения духовных и нравственных опор, которые издревле дарило русскому народу Святое Православие. Семьдесят лет большевики террором и воинствующим безбожием убивали в народе веру в Бога Спасителя. Теперь же в потерявшей духовные ориентиры России самозваная “четвертая власть”, СМИ, тотальной пропагандой порока выбивает из-под ног народа последнюю его опору — нравственность, выбивает, будто скамейку из-под ног приговоренного к повешению” [24]. Из этого отрывка ясно, что нравственные ориентиры митрополитом связываются с приобщением к православным ценностям. Эта же позиция лежит и в основе законодательной инициативы Белгородской области. Управление образования и науки Белгородской области в своем ответе на обращения граждан по поводу правового основания введения ОПК в качестве обязательного предмета отмечает, что “традиционная духовность России, построенная на православии, включает в себя фундаментальные принципы этики христианства, буддизма, иудаизма, ислама и других религий... Заповеди: не убий, не кради, не жадничай, не прелюбодействуй, не обманывай, не пустословь, не желай зла, уважай старших и многое другое, что есть во всех религиях, рассмотренные на уроках, будут способствовать формированию нравственных законов человека” [25].

Тем не менее, инициатива введения “Основ православной культуры” в образовательный стандарт средних школ оказалась во власти скоропалительных, непродуманных и противоречивых намерений. С одной стороны, по замыслу Министерства образования РФ периода 2002 года, курс ОПК должен иметь преимущественно культурологическую (а не только нравственную) направленность. В пресс-релизе Министерства образования РФ 2002 года отмечается, что “православная культура насчитывает многие сотни лет. И плохо, что целые поколения в XX веке у нас в стране практически ничего не знали об этой культуре. *Без знания основ православия невозможно понять Достоевского, Толстого, да и многие картины художников-классиков не понять, ибо они основаны на библейских сюжетах*” (выделено мной. — С.Р.) [8]. Однако депутаты Госдумы в 2003 году настаивали на нравственной компоненте предмета. Так, в 2003 году к Министру образования РФ В. Филиппову и мэру Москвы Ю. Лужкову обратились более 40 депутатов Госдумы с просьбой ввести “Основы православной культуры” в федеральный компонент образования и устранить препятствия к преподаванию этого предмета в Москве. Депутаты считают, что изучение основ православной культуры “является лучшей прививкой от нравственной деградации, алкоголизма, наркомании, которые навязываются нашей молодежи”. Министр образования А. Фурсенко в 2006 году подверг критике позиционирование и возможности православной составляющей в качестве нравственного ориентира для школьников. По его мнению, и Церковь до революции, и коммунистическая партия “оказались не сильно эффективными институтами” в деле поддержания морали в обществе. “Значит, в них что-то было неправильным”, — сказал он в интервью журналу “Профиль” [26]. В отношении преподавания религии в школе министр призвал разделять религиозное обучение и нравственное воспитание: “одно с другим, я уверен, не связано. Десяти заповедям надо следовать независимо от того, религиозен ты или нет”.

Большинство родителей, дети которых начали изучать ОПК, одобряют введение предмета, видя в нем поддержку со стороны школы в деле воспитания детей. В своем “Заявлении...” в поддержку ОПК они пишут, что “данный предмет помогает нашим детям и нам, родителям, воспитывать в себе доброту, любовь к людям, милосердие, внимание к чужим бедам, любовь к своей земле, побуждает нас вспомнить о наших христианских традициях, которые делают наших детей и нас через них чище” [27]. При этом следует обратить внимание на тот факт, что такое успешное воспитание осуществляется не с помощью учебника по ОПК, а благодаря усилиям конкретного батюшки, настоятеля местного монастырского храма, воздействующего на детей собственным примером и образом жизни. Здесь мы видим отказ от назидатель-

ного педагогического стиля в пользу нравственного наставничества. Именно об этом говорил и руководитель Школы молодежного служения Патриаршего центра духовного развития детей и молодежи игумен Петр (Мещеринов): “не рубить с плеча”, а “ненавязчиво, с любовью, примером являть христианскую систему ценностей” [28].

Таким образом, с очевидностью можно обнаружить, что за нравственным вектором преподавания предмета стоит острейшая и осознаваемая церковью и многими общественными деятелями потребность в *агентах нравственной, моральной, духовной социализации подрастающего поколения*, в том числе и институциональных религиозных агентах.

Эта потребность подкрепляется осознаваемым многими учителями идеологическим вакуумом, заполнившим постсоветские школы. Н.Митрохин отмечает, что учительская среда испытывает большую потребность в строгих базовых ценностях, моральном идеале, способных предохранить детей от опасностей современного общества — криминала, наркомании и проч. Коммунистический идеал таковым уже не является, и возникший дефицит замещается различными концепциями нравственного воспитания, встроенными в ту или иную педагогическую систему [6, с. 358].

Но учебники по ОПК не могут впрямую восполнить потребность в нравственном воспитании! Это могли бы делать подготовленные священнослужители, но их присутствие невозможно в светских школах. Изучение предмета в школе малоэффективно для развития нравственного сознания учащихся.

Нравственный эффект может быть достигнут при условии социализации ребенка в православном социуме — пусть фрагментарно, урывками, не полностью. Но в большинстве семей отсутствует даже намек на православную социализацию, поскольку традиция преемственности христианских ценностей и образа жизни современным поколением утрачена.

Итак, налицо определенный тупик в реализации нравственной педагогической установки — нравственное воспитание возможно лишь в результате катехизаторской деятельности, а последняя подразумевает, что школьники хотя бы отчасти встраиваются в православный образ жизни, социализируются в нем. Но это противоречит светскому характеру российского образования. Поэтому становится очевидным, что в преподавании православия в школе возможны лишь культурологический и исторический аспекты изучения, в которых необходимо избегать катехизаторской установки.

Именно последняя вызвала протесты правозащитников, граждан неправославного вероисповедания и учителей, усматривающих в ОПК угрозу клерикализации общества.

В соответствии со ст. 14 Конституции Российская Федерация — светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. Закон Российской Федерации “Об образовании” определяет светский характер образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях (ст. 2), гарантирует гражданам Российской Федерации возможность получения образования независимо от отношения к религии, убеждений (ст. 5), определяет, что содержание образования должно содействовать взаимопониманию и сотрудничеству между людьми, народами, независимо от расовой, национальной, этнической, религиозной и социальной принадлежности, учитывать разнообразие мировоззренческих подходов, способствовать реализации права обучающихся на свободный выбор мнений и убеждений (ст. 14). Закон РФ “О свободе совести и о религиозных объединениях” запрещает обучение малолетних религии вопреки их воле и без согласия их родителей или лиц, их заменяющих (ст. 3). Кроме того, этот Закон определяет, что каждый имеет право на получение религиозного образования по своему выбору индивидуально или совместно с другими, что воспитание и образование детей осуществляется родителями или лицами, их заменяющими, с учетом права ребенка на свободу совести и свободу вероисповедания, а религиозные организации вправе в соответствии со своими уставами и с законодательством Российской Федерации создавать образовательные учреждения. И лишь по просьбе родителей или лиц, их заменяющих, с согласия детей, обучающихся в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, администрация указанных учреждений по согласованию с соответствующим органом местного самоуправления предоставляет религиозным организациям возможность обучать детей религии вне рамок образовательной программы (статья 5) [9].

Россия — светское государство и принципы равенства всех религий перед законом и равные возможности получения светского образования достаточно востребованы ее населением. По данным исследовательского проекта “Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность” (руководитель Л.Дробижева), в котором опрашивалось русское и титульное население Саха (Якутии), Татарстана, Башкортостана, Оренбургской области, позиции³ “воз-

³ Вопрос звучал так: “Что для Вас лично особенно важно для ощущения равенства или неравенства?”. Опрос проводился в 1999 году в четырех субъектах РФ — Татарстане, Башкортостане, Саха (Якутии) и Оренбургской области. Выборка (1000 человек в каждом регионе) репрезентативна для каждого региона.

«*возможность получить образование*» и «*равное уважение к достоинству каждого народа*» — оказались чрезвычайно востребованными, в числе лидеров рангового ряда (2–3 места во всех регионах, уступая только принципу «*равенство всех граждан перед законом*» — 1-е место рангового ряда) [29, с. 125]. А позиция «*равенство всех религий перед законом*» занимает 4–5 места рангового ряда (из 8 возможных). Это ясно свидетельствует о том, что среди полиэтничного и поликонфессионального российского населения (русские и татары, башкиры и якуты) и в разных российских регионах (Татарстан и Башкортостан, Саха (Якутия) и Оренбургская область) существует солидарная позиция в отношении своих гражданских прав в области образования, вероисповедания, уважения человеческого достоинства.

Поэтому и Законом установлен «светский» характер образования. Однако даже в этом понятии возможна определенная путаница. Заместитель председателя Комитета по образованию и науке Госдумы О.Смолин прямо говорит о том, что это понятие законом не расшифровывается — ни в редакции 1992-го, ни в редакции 1996 года. «Мы всегда считали (речь, видимо, идет о депутатском сообществе. — С.Р.), что светский характер подразумевает культурный характер, а никак не религиозный. При этом я считаю, что должен быть предмет «*Основы мировых религий*», и, более того, я уверен, что православию должно отводиться ведущее место, но это не предполагает религиозного воспитания» [30, с. 17].

Защищаясь от обвинений в ущемлении свободы совести и несоблюдении принципа отделения церкви от государства, Патриарх отмечает, что эти принципы нельзя трактовать однобоко, в ущерб православному большинству страны, когда этнокультурные интересы малых этнических групп представлены на институциональном уровне, а интересы православных — нет. В Москве, например, «существует целый ряд государственных школ с этнокультурным компонентом: украинских, татарских, еврейских и так далее, но при этом отсутствует преподавание «*Основ православной культуры*» как мировоззренческой основы большинства» [31].

На сайте «Комсомольской правды» после опубликования статьи о том, что с 1 сентября 2006 года в 14 регионах России школьники будут изучать «*Основы православной культуры*», развернулась оживленная дискуссия. Сторонники надеются преимущественно на нравственное просвещение, облагораживание детей, противники используют разнообразные доводы:

«А если человек атеист, что, его могут оставить на второй год?»
(Гавришл);

“Думаю, что хуже наши дети не станут. Может, хотя бы чуть-чуть меньше в них будет злобы и распушенности” (Анна, Москва);

“Если в школах моего города введет религию, то мои дети будут сидеть дома! История религий необходима, но преподавать ее на данный момент никому!” (А.Шеметов);

“Я живу в Германии, у нас дети в школе вначале изучают основы всех религий, а затем выбирают сами ту, которую они хотят изучать. Кто не хочет — посещает уроки этики. На мой взгляд, это самый разумный подход к изучению религии, полный уважения ко всем конфессиям и выбору самого учащегося и его родителей” (Ronda, Dortmund).

Еще одна тема, пограничная с дискуссиями о введении религиозного компонента в образовательную программу, связана с более широким философским вопросом принципиальной совместимости научного и религиозного мировоззрений. Инициатива введения ОПК в школы критиковалась, в том числе, и со стороны именно этой проблемы. Школа призвана давать знания, а религия основана на вере. Как примирить эти взгляды на мир? С точки зрения религиозного сознания здесь нет противоречия. “Наука невозможна без образования, образование без воспитания, а воспитание без религии”, — так сформулировал позицию верующих людей митрополит Калужский и Боровский Климент на Круглом столе “Наука, образование, воспитание молодежи и религия”. Со стороны научного сообщества его поддержал ректор МГУ В.Садовничий. “Заявления о том, что религия отделена от государства и это несвязанные вещи, говорят о непонимании нашей истории”, — заявил господин Садовничий. “Я как математик часто сталкиваюсь с понятием “бесконечность”, “но что это значит?” — задал он себе философский вопрос. И сам же ответил: — Это серьезный вопрос, объединяющий и научные, и церковные умы” [32].

Однако проблема соотношения научного и религиозного, в том числе в образовании, не столь очевидна даже для многих представителей российской интеллектуальной элиты.

Силами Центра этнической социологии Института социологии РАН (руководитель Л.Дробижева) по заказу ООН РАН был проведен экспертный опрос академиков и членов-корреспондентов РАН, посвященный обсуждаемым выше проблемам⁴.

Концептуализация понятия “религия” предполагает чрезвычайно широкий круг тем. В дискуссиях, развернувшихся в СМИ, участники под выражением “религия в школе” подразумевали совершенно

⁴ Был проведен телефонный опрос. Руководитель С.Рыжова. Опрошено 54 эксперта (случайная выборка).

разные вещи — общее понятие о христианстве с исторической точки зрения; христианство как традиционная российская религия — православие; вероучительные вопросы православия; нравственные основы религиозности; религия как психологическое состояние — вера, и т.д. Поэтому мы задали уважаемым академикам и членам-корреспондентам максимально широкий вопрос (см. табл. 7.3).

Таблица 7.3

**Распределение ответов экспертов на вопрос:
“Сегодня много говорят о возможности изучения религии в школе.
На Ваш взгляд, нужно или не нужно изучать религию
в общеобразовательной государственной школе?”**

Варианты ответа	% от числа ответивших, $n = 54$
Да, нужно изучать	48,1
Скорее нужно изучать	27,8
Скорее не нужно изучать	0
Нет, не нужно изучать	18,5
Другой ответ	3,7
Нет ответа	0

Как видно из табл. 7.3, почти половина экспертов (48,1%) высказались за необходимость изучения религии в общеобразовательной школе. А если объединить тех, кто определенно “за” изучение религии, и тех, кто склоняется к тому, что изучать религию необходимо, то увидим, что подавляющее число участников опроса (75,9%) поддерживают эту идею.

Однако почти пятая часть экспертов жестко высказалась против изучения религии в школе. Главная причина такой позиции — следование принципам отделения церкви от государства.

Респондент № 34. *“Религию изучать нельзя. [Преподавание] не должно превращаться в навязывание религиозных верований учащимся, это недопустимо, это нарушение Конституции”.*

Респондент № 9. *“У нас не религиозное государство, и это было бы несправедливо”.*

Респондент № 27. *“Не нужно, поскольку религия и государство должны быть разделены”.*

Согласно логике противников изучения религии в школе, государственное образование должно быть светским. И при светском государстве религия ни в какой форме не должна присутствовать в общеобразовательной школьной программе.

Еще один аргумент против школьного изучения религии — мировоззренческий. Часть опрошенных считает, что религия (вера) — дело сугубо частное, государство не может (и не должно) вмешиваться в этот процесс, человек может прийти к вере (и религии соответственно) только самостоятельно.

Респондент № 6. *“[изучать религию в школе не нужно, потому что] религией можно заниматься только при сформированном мировоззрении”*.

Респондент № 40. *“В школе изучать не нужно. Только самостоятельно, потому что в школе рано изучать. Человек должен сам до всего дойти. Я сам Библию прочел недавно”*.

Однако религия, по мнению большинства, может присутствовать в школьной программе в качестве *дополнительного* элемента, помогающего усваивать материал по истории, в том числе современной, лучше понимать памятники культуры и “выращивать” собственное мировоззрение.

Респондент № 35. *“Я против, чтобы изучалась какая-то отдельная религия как таковая. А как история религий — это важный раздел истории”*.

Респондент № 21. *“Четыре религии — православие, ислам, буддизм, иудаизм — без какой-либо пропаганды веры могут входить в курс. Но школьники достаточно загружены, так что такой курс может быть факультативным. Но чтобы не было преимущественного подчеркивания достоинств одной религии, а давалась бы объективная беспристрастная история этих религий с их успехами, заслугами, недостаткам и неблагоприятными деяниями”*.

Респондент № 27. *“В виде отдельных разделов религия должна присутствовать в курсе истории, культуры, но не больше, чем любая тема. Это ведь не голословные вещи. Интенсивность роста религиозности и преступности совпадают, причем среди преступников больше религиозных верующих, чем среди таких, как я. Наше государство зря стремится использовать религию. Пользы, кроме вреда, не будет со временем”*.

В нашем интервью мы намеренно не раскрывали содержание понятия “религия в школе”, чтобы подтолкнуть наших уважаемых респондентов к свободному высказыванию своего мнения. После ряда вопросов о месте религии в школе мы задали главный, с нашей точки зрения, вопрос: **“Что именно, связанное с религией, нужно изучать в школе?”** Этот вопрос получил широкий отклик. Проведенный анализ позволяет заключить, что наши респонденты достаточно определенно осознают, что в содержании понятия “религия” в повседневном его употреблении в контексте педагогической установки

необходимо четко различать и разводить *общекультурный, нравственный и вероучительный аспекты религиозности*.

Общекультурный аспект изучения религии воспринимается как необходимость формирования *общей осведомленности* школьников о месте религии в жизни людей. По мнению наших респондентов, школьники должны иметь представление о месте религии в истории, в культуре. Это положение поддерживается практически всеми респондентами, считающими необходимым и допустимым изучение религии в школе.

Респондент № 24. *“[изучать религию] было бы полезно в общекультурном плане, так как много памятников религиозного толка являются памятниками словесности, мысли человеческой”*.

Респондент № 32. *“[изучать религию] надо, это основа нашей культуры... Ветхий и Новый Завет надо, конечно, в общем виде давать, чтобы знали, что это такое, понимали культуру и так далее. Это в отношении христианской части. Знать о Коране немного, историю Магомета и так далее. В кратком виде эти основы должны даваться всем. В рамках истории или истории искусства”*.

Еще одно направление формирования общей осведомленности о месте религии в жизни общества — это ознакомление с религией как идеологией. По мнению наших экспертов, школьникам необходимо преподавать политические и идеологические аспекты мировых религий.

Респондент № 28. *“Именно политическая окраска, это очень интересно... Основные три религии, христианство, иудаизм, мусульманство, войны между конфессиями”*.

Респондент № 3. *“[изучать нужно] какие-то внешние характеристики. Но самое главное — идеи”*.

Респондент № 2. *“Идеи запретить нельзя. Они все равно возникают среди людей. То есть все нужно изучать. Не нужно делать никаких ограничений в этом вопросе. Должна быть свобода выбора. Это необходимо как познание”*.

Респондент № 31. *“История религий и культуры как история учений”*.

Респондент № 22. *“[необходимо понять] как зарождалась религия, ее социальные корни. Это история развития общественного сознания. Не на ровном месте рождались идеи...”*.

Респондент № 5. *“Главное, что должно быть в основе курса — это идея о том, что единой религии не существует. Человечество разделено на несколько конфессий, причем христианство в меньшинстве. Как между отдельными конфессиями, так и внутри них постоянно возникали и возникают конфликты. Если бы Бог существовал, зачем бы он делил людей на враждующие конфессии? История религии полна по-*

лезных вещей (просвещение, архитектура...). Даже заповеди полезны, несмотря на то, что они не соблюдаются... Но было и много плохого. Варфоломеевская ночь, инквизиция, казни, сожжения, межконфессиональные войны, внутренние конфликты”.

Изучение **нравственных оснований** религии также поддерживается нашими респондентами. Отмечается, что в современной школе при полном отсутствии идеологических ориентиров допустимо ознакомление учащихся с этическими принципами мировых религий.

Респондент № 52. *“Религия — это система этических взглядов... Для России это чрезвычайно важно. Люди потеряли идеологические ориентиры, а десять заповедей — это важно”.*

Респондент № 25. *“[преподавать нужно] основы нравственной жизни. Принципы духовной жизни, которыми руководствуется в какой-то степени любой человек, не только верующий, но и атеист... они должны изучаться в школе, поскольку у нас большая проблема с молодежью... Я считаю, особенно вопрос школ очень актуален, молодежь в таком растерянном состоянии, что основы православной культуры в школе в какой-то форме надо обязательно давать... Возможно и мусульманство, но мусульмане мало об этом заботятся. Много чисто мусульманских школ, они гораздо больше заботятся об этом, а мы, русские, меньше. И надо преподавать религию и мусульманскую, и православную. Обдумывать и подготавливать общественное мнение, чтобы оно вынесло по этому поводу какое-то суждение”.*

Вероучительный аспект религиозности оказался наименее популярным. Из тех экспертов, которые считают необходимым и допустимым преподавание религии в школе, единицы затронули догматические аспекты религии — в одобрительном или осуждающем ключе.

Респондент № 20. *“Нельзя изучать закон Божий”.*

Респондент № 46. *“Обязательно нужно изучать... существо основных религий, основные религиозные догмы”.*

Респондент № 48. *“Основные религиозные догмы, постулаты”.*

Респондент № 34. *“[изучать нужно], но не в коем случае не религию... как проповедь веры. Религию изучать нельзя. Не должно превращаться в навязывание религиозных верований учащимся, это недопустимо, это нарушение Конституции”.*

О религиозной компоненте в школьном образовании

Мнения наших респондентов разделились в отношении того, в каком виде можно вносить религиозный компонент в общеобразовательную программу средних школ. Так же, как и общественное мнение, взгляды экспертов разделились. Большая часть их (42,6%) считает необходимым изучать религию в рамках общеобразовательных

предметов (главным образом истории). Меньшая, но тоже значительная часть (31,5%) полагает, что религиозный общеобразовательный компонент должен присутствовать в школьной программе в виде какого-то самостоятельного предмета (см. табл. 7.4).

Таблица 7.4

**Распределение ответов экспертов на вопрос:
“Если Вы считаете, что изучать религию нужно, то в какой форме?”**

Варианты ответа	% от числа ответивших, $n = 54$
В рамках обязательных общеобразовательных предметов	42,6
В качестве самостоятельного предмета	31,5
Другой ответ	7,4
Нет ответа	0

В качестве обязательного общеобразовательного предмета, в состав которого мог бы органично войти религиозный компонент, чаще всего называлась **история**. Звучали также предложения ввести религиозный компонент в курс обществознания (в виде ознакомления с религиозно-аргументированной политической идеологией) и культурологии. Те же, кто считает, что религию необходимо выделять в качестве самостоятельного предмета, также чаще всего говорили, что таким предметом может быть “история религий”. Звучали также предложения знакомить школьников с религиозным мировоззрением в рамках таких предметов как “религиоведение”, “история религии и история культуры”, “история мировых культур”, “история развития общественного сознания”, “христианская цивилизация”, “религиозный предмет”, “россиеведение”, “история философских течений”.

Как указывалось выше, дискуссии о том, что самостоятельный школьный предмет, в той или иной форме дающий школьникам сведения о религиозном восприятии мира (будь то “религиоведение”, “христианская цивилизация” или “основы православной культуры”⁵ и т.п.), может преподаваться только факультативно либо должен преподаваться в качестве обязательного предмета, буквально захлестнули российские СМИ в 2000-х годах.

Мнение академического сообщества тоже оказалось неоднородным. Большинство экспертов (41,5%) высказались за факультатив-

⁵ Никто из участников экспертного опроса не назвал “Основы православной культуры” в качестве **отдельного** общеобразовательного предмета.

ное преподавание подобного предмета, но и значительная часть (22,6%) — за обязательное (см. табл. 7.5).

Таблица 7.5

**Распределение ответов экспертов на вопрос:
“Если изучать религию в качестве самостоятельного предмета,
то преподавать его следует факультативно или обязательно?”**

Варианты ответа	% от числа ответивших, $n = 53$
Факультативно	41,5
Обязательным курсом	22,6
Другой ответ	3,9

В отношении обязательного курса именно “Основ православной культуры” в прессе развернулись широкие дискуссии, спровоцированные инициативой Белгородской области (введение ОПК в школах области в качестве обязательного предмета в 2006/2007 учебном году). Правозащитники и представители иных конфессий не без оснований усмотрели в этом нарушение статьи Конституции РФ об отделении церкви от государства и светском характере образования. Участники нашего экспертного опроса также в большинстве не поддерживают эту инициативу (см. табл. 7.6).

Таблица 7.6.

**Распределение ответов экспертов на вопрос:
“Должна ли в России какая-то одна из религий
поддерживаться государством или несколько религий
должны поддерживаться государством?”**

Варианты ответа	% от числе ответивших, $n = 54$
Нет, религия в России не должна поддерживаться государством	64,8
Одна религия в России может поддерживаться государством	7,4
Несколько религий в России могут поддерживаться государством	11,1
Все религии на территории России должны поддерживаться государством	13,0
Другой ответ	5,6
Нет ответа	0

Наиболее распространенная аргументация тезиса о том, что религия на территории России не должна поддерживаться государством, заключается в отстаивании конституционного положения о светском характере российского государства.

Респондент № 21. *“Ни в коем случае ни одна религия не должна поддерживаться государством. Это будет антиконституционно. У нас по Конституции светское государство, которое от церкви отделено, поэтому любая поддержка любой конфессии государством является антиконституционной”.*

Респондент № 20. *“Мне кажется, религия не зависит от государства, поэтому не должна. Все религии должны быть равноправны в таком государстве как Россия, поскольку отделены от государства, пусть сами выживают, у них свои возможности”.*

Респондент № 34. *“Ни в коем случае, у нас светское государство”.*

Респондент № 50. *“Ни одна религия. По Конституции церковь отделена от государства”.*

Респондент № 9. *“Ни одна религия не должна поддерживаться в ущерб другой, так как у нас их несколько”.*

Респондент № 23. *“Либо все, либо ни одна. Должно быть равноправие. Все религиозные люди должны иметь равные возможности общаться со своим Богом. И если государство поддерживает, должно поддерживать всех, если государство считает, что религия вредна, оно не должно поддерживать никакую конфессию”.*

Незначительная часть экспертов (11,1%) считают, что несколько российских религий могут поддерживаться государством — как наиболее массовые и традиционные для России (ислам, православие, буддизм), так и достаточно малочисленные (католики, баптисты).

Респондент № 46. *“Христианство, православие. Однако Россия многонациональна, следовательно, в тех регионах, где преобладают иные религии — ислам, буддизм — должны поддерживаться и они”.*

Следует отметить, что наши вопросы вызвали достаточно серьезное отношение со стороны опрошенных. Свободные высказывания наших респондентов о роли религии в обществе и месте религии в школе, о том, что именно связанное с религией необходимо преподавать школьникам, с очевидностью показали, что ответы респондентов во многом обусловлены их личной позицией, мировоззрением, собственной философией жизни и осознанием пределов познания.

Тема введения религии в школу вызвала в обществе такие широкие дискуссии. Школа, по мнению Министра образования РФ А.Фурсенко, призвана давать знания и информацию, а религия невозможна без веры. Соотношение научного и религиозного в мировоззрении, характер их взаимного влияния и позиционирования неочевиден даже для академиков — не удивительно, что он еще менее

очевиден для депутатов и работников СМИ. Вопрос о соотношении научного и религиозного мировоззрений заметно разделил наше экспертное сообщество (см. табл. 7.7).

Таблица 7.7

**Распределение ответов экспертов на вопрос:
“На Ваш взгляд, совместимы или не совместимы
научное и религиозное мировоззрения?”**

Варианты ответа	% от числа ответивших, $n = 54$
Полностью совместимы	27,8
Абсолютно не совместимы	20,4
В чем-то совместимы, в чем-то нет	31,5
Не могу сказать точно	11,1
Другой ответ	15,1

Респондент № 22. *“Совместимы в том смысле, что мы живем в огромном мире... В основном полагаемся на интуицию. И религия полагается на интуицию. Физики верят в свои законы. Верующие верят в догмы... я не верю, что есть Бог, который сидит на небе и руководит. Есть, наверно, комплекс полей, который нами управляет и как-то руководит. Может, это и есть Бог. Мы слишком мало о себе знаем. Когда люди говорят, что-то не надо изучать и так все ясно, это неправильно. Мы маленькие муравьи. Мы объясняем физику на Земле и в космосе и на самом деле можем ошибаться. Сочетание философской и научной мысли совместимо. Надо не разделять религию, а как-то подчинить науке, не делать противопоставления”.*

Респондент № 6. *“Это очень сложный вопрос. Современная наука, в том числе физика, совершает столько открытий, которые невозможно постичь и понять в рамках [даже] ограниченных человеческих сил”.*

Респондент № 15. *“Отдельно друг от друга прекрасно существуют научное и религиозное мировоззрения. Личное дело каждого гражданина — совмещать или нет”.*

Респондент № 2. *“Просто есть общий язык истины — и он существует. Через него нужно стремиться к абсолютной истине”.*

Респондент № 5. *Несовместимы в нынешнем виде. Религия, в том виде, в каком она существует сейчас, абсолютно несовместима с наукой. Но я допускаю возможность появления в будущем новой религии, которая будет пытаться объяснить непонятные явления действием некоторого высшего разума. Вообще религиозные верования возникают из неизвестности. Как только человек начал задумываться над*

окружающими явлениями (снег, дождь...), и не смог их объяснить, он создал религию. То есть религия возникла тогда, когда человек еще ничего не знал о мире. Теперь наука ушла далеко вперед, но по-прежнему существует много непонятного и непознаваемого. Например, вселенная или генетический код. Как из трех одинаковых зерен вырастают три разных растения? Или как проявляются черты родителей в детях? Из одного маленького сперматозоида через 20–30 лет в ребенке проявляются черты отца! Это разъяснено, но все равно, если подумывать, то непонятно. Здесь-то и возможно появление некоторой религии, способной объяснить непонятные явления”.

Респондент № 33. “Несовместимы, потому что религия сама по себе это — верую в то-то, бездоказательно, а научное исследование требует доказательства каждого постулата. Если какие-то постулаты не доказаны, то они не являются чисто научными или во всяком случае это есть какие-то аксиомы, которые должны быть доказаны”.

Респондент № 18. “Если имеется в виду выход на нравственность, то совместимы. В противном случае — нет”.

Респондент № 25. “Думаю, что если обстоятельно изучать вопрос, несомненно, совместимы, только если снять элементы фанатизма, — как религиозный, так и научный, потому что фанатизм бывает и у ученых. Но, учитывая, что крупнейшие европейские ученые были людьми верующими и даже занимались теологией: как Ньютон, как Декарт, на мой взгляд, совместимы, если трезво подходить и к науке, и к религии. Бывают конфликты, когда одна из сторон претендует на большее, чем она может дать. Если наука претендует на то, что она решит все мировоззренческие вопросы, то здесь она превышает свои возможности. Так же как и религия может превышать свои возможности, если она требует от ученого признать какие-то недоказуемые вещи”.

Респондент № 27. “Ни в коем случае. Противоположные вещи”.

Респондент № 29. “В чем-то да. Я противник того, чтобы полностью водораздел делать. Мы раньше считали, что наука и религия — разные вещи; они разные, но есть и точки соприкосновения, потому что есть моменты, сейчас непознанные наукой, и чтобы приблизиться к ним, в исторической и даже в естественных науках, надо быть более терпимыми и верить, что на стыке религии и науки могут быть открытия”.

Респондент № 35. “Их трудно совместить, но они не должны враждовать, конфликтовать, они должны существовать независимо друг от друга. Я не знаю, как их совместить, хотя церковь делает шаги в сторону науки, но я не думаю, что наука делает шаги в сторону религии”.

Респондент № 38. “На Западе религиозны многие настоящие ученые”.

Респондент № 39. *“Скорее совместимы, но не формально”.*

Респондент № 46. *“Если говорить о преподавании религии в школе, то, безусловно, должна быть научная точка зрения. Если же учебное заведение ориентировано на определенную религию, то религиозное”.*

Респондент № 51. *“Этот вопрос нужно решать конкретно. Есть вопросы общественной жизни, которые государство должно решать, советуясь с Церковью. Однако есть вопросы морали, обороны, которые в государстве не совместимы с религией. За исключением религиозных государств, таких как исламистские страны, Ватикан”.*

Респондент № 52. *“Полностью совместимы. За примерами можно обратиться к академику Павлову — истинно верующий человек. Академик Вернадский — “Религия и наука — это две формы нашего мира”. С разными подходами, но едины”.*

Напомним, что 18,5% экспертов (академиков и членов-корреспондентов РАН) высказались *против* изучения религии в школе. Посмотрим, какие причины они называют против введения религиозного компонента в российское образование.

Респондент № 6. *Потому что религией можно заниматься только при сформированном мировоззрении.*

Респондент № 8. *Есть множество различных религий. Нельзя насаждать одну из них, но и преподавать несколько сразу невозможно, они противоречат друг другу. В целом это лишнее, так как дети и так перегружены.*

Респондент № 9. *У нас не религиозное государство, и это было бы несправедливо.*

Респондент № 13. *Отдельного изучения религии быть не должно. Только история и история религий.*

Респондент № 16. *Когда-нибудь, может быть. А пока не стоит. Обстановка в стране довольно сложная, не нужно усиливать существующую напряженность.*

Респондент № 20. *Я думаю, что не надо. Нельзя изучать закон Божий. Только в специальной, может быть, в воскресной школе. Есть ведь такие школы с определенным уклоном, и если дети интересуются или родители считают, что нужно приобщить детей, делать это надо в таких школах. А интерес ребята могут проявлять, есть богословские факультеты. Повторяю, если есть интерес, существуют воскресные школы. Мы же все психологически разные. Зачем Закон Божий преподавать? Все-таки XXI век. Я бы сказала, религия должна играть роль духовного наставника, но не пропагандиста каких-то знаний. Изучать — другое дело, в курсе истории, различные религиозные течения, как возникло христианство, мусульманство, что такое ваххабизм, например. Как познавательная образовательная сторона, убеждена, должно быть в курсе истории. История религий. Это в ка-*

ком-то классе обязательный предмет. Тогда люди были бы более ориентированы в отношении к тем или иным религиям. Но Закон Божий сам по себе — это глупость.

Респондент № 51. Потому что религия отделена от государства.

Итак, мы стремились показать, что надежды церкви и общества на нравственное воспитание с помощью отдельного общеобразовательного школьного предмета “Основы православной культуры”, скорее всего, иллюзорны. *Культурологический* подход к преподаванию ОПК, без дрейфа в катехизаторскую педагогическую установку трудно осуществим из-за отсутствия должным образом подготовленных педагогических кадров. *Нравственная* составляющая предмета невозможна без опоры на катехизаторскую педагогическую установку. А последовательная катехизаторская педагогическая установка невозможна в государственной российской школе.

Один из экспертов высказал ключевую для всей дискуссии мысль: “Преподавать историю религии по Евангелию — нелепо и антинаучно. Библия — колоссальный исторический и научный источник, но она ненаучна” (респондент № 5). Этот довод в состоянии примирить и сторонников вероучительного, катехизаторского подхода к преподаванию религии, и сторонников светского, культурологического подхода. Первых он заставил бы осознать тот простой факт, что вероучительный подход к преподаванию религии возможен лишь среди контингента верующих людей, и не просто верующих, а тех, кто хочет получить соответствующие знания, готов верить в чудо и понимает, что религиозное и научное мировоззрения находятся в разных областях реальности и представляют собой две автономные “конечные области значений” (по А.Шюцу). Вторые же (сторонники светского подхода) получают в свои руки железную аргументацию. Действительно, Библия — это не научный источник знания, и строить школьный предмет на таком эмпирическом источнике было бы по меньшей мере опрометчиво. Единственный выход, который мог бы примирить противостоящие точки зрения и позволил бы соединить эти два подхода, состоит в восприятии и изучении религии сквозь призму искусства и истории, то есть в подлинно культурологическом и историческом ключе. Последний подразумевает формирование осведомленности школьников о том, что существует религиозный взгляд на мир, который возник раньше, чем научный, и который на протяжении длительного исторического периода был доминирующим в мировоззрении людей. Эта религиозная “естественная установка” сознания выразилась в том, что практически все направления искусства использовали религиозные сюжеты, а многие из них несут прямой отпечаток непосредственного религиозного

опыта. Подобный подход предполагает четкую культурологическую дистанцированность автора текста учебника от подаваемого материала и подразумевает, что оценка изучаемых элементов материальной и духовной культуры будет осуществляться автором сквозь призму светского, а не религиозного сознания (что не мешает автору быть верующим человеком и использовать личный религиозный опыт и знания в качестве экспертного багажа).

Современный курс “Основы православной культуры” уязвим, поскольку в нем неоправданно сильно представлен идеологический вектор православия — как наследие дореволюционной традиции.

Остается “История мировых религий” как наиболее взвешенный и устойчивый компромисс между желанием церкви, а также запросом общества о введении православной компоненты в образование и светским характером последнего. К этому же решению склоняется и Министерство образования РФ, объявившее в 2005 году о подготовке учебника (автор академик А. Чубарьян) “Основы мировых религий” [33]. Министр образования РФ подчеркнул, что поддерживает преподавание в школе “Основ мировых религий” в качестве обязательного предмета в федеральном компоненте. При этом важно, чтобы формирование мировоззрения школьников происходило свободно, без давления [34].

Как пояснил один из авторов нового учебника А. Чубарьян, “представители религий не привлекались к написанию этого учебника, но у нас с ними имелась договоренность, что они выступят в качестве экспертов. Это будет светский учебник” [33].

Осенью 2007 года анонсированный учебник будет опробован в 10–11 классах ряда московских школ. А. Чубарьян заметил, что этот учебник, носящий название “Религии мира: история, культура, верования”, содержит описание основных религий (православие, католичество, протестантизм, ислам и буддизм), по сути, не противоречит курсу “Основ православной культуры” и может преподаваться в школах параллельно с ним [22].

Литература

1. Панина Н.В. Критерии национальной идентичности, толерантности, ксенофобии и антисемитизма в современной Украине // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2005. — № 4. — С. 26–45.
2. Национальный состав населения Украины и его языковые признаки по данным Всеукраинской переписи населения 2001 года. — К.: Наукова думка, 2003.
3. Кырлежев А. Заметки и о типах религиозного сознания // Власть Церкви. Публицистические статьи 1994–2000. — М, 2003.

4. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. — Л.: Лениздат, 1992.
5. О необходимости разработки богословских оснований гражданского общества и социального участия см.: Костюк К.Н. Русская православная Церковь в гражданском обществе // <http://www.xserver.ru/user/guszo/>; Кырлежев А. Русская Православная Церковь перед проблемой модернизации // <http://www.religare.ru/print8380.htm>; Кырлежев А. Церковь и мир в социальной концепции Русской Православной Церкви // Власть Церкви. Публицистические статьи 1994–2000.
6. Митрохин Н. Русская Православная Церковь: современное состояние и актуальные проблемы. — М., 2006.
7. Закон Белгородской области об установлении регионального компонента государственных образовательных стандартов общего образования в Белгородской области // <http://www.bel.ru/file/Zakon.doc>.
8. Разъяснение Минобразования РФ к Письму, сопровождавшему примерную Программу курса “Основы православной культуры” // <http://www.ed.gov.ru/min/priem/people/639/>
9. Адаманский А. Православие в школе. Незнание предмета // Ведомости. — 2006. — 15 ноября.
10. Заявление пастора евангельской церкви “Царство Божие” Андрея Карчева по поводу нарушения прав неправославных христиан // <http://www.rlinfo.ru/press/pr200603104.html>
11. Обращение Совета глав протестантских церквей Белгородской области к Президенту России по поводу создания атмосферы нетерпимости в связи с преподаванием “Основ православной культуры” // <http://www.rlinfo.ru/press/pr200603105.html>
12. Открытое обращение родителей по поводу насилия над верующими других конфессий в ходе обязательного внедрения предмета “Православная культура” в Белгородской области // www.rlinfo.ru/press/pr200603107.html
13. Заявление пастора церкви ЕХБ “Возрождение” А.Д.Трофимова по поводу преподавания православия в рамках предмета “Мировая художественная культура” // <http://www.maranatha.org.ua/chews/index.php?id=30597>
14. Пресс-релиз КЕРОП от 1 сентября 2006 года // <http://www.religio.ru/news/13327.html>
15. [http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=46751/&cf =](http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=46751/&cf=)
16. <http://www/religio.ru/news/13372.html>
17. Известия. — 2006. — 18 апреля.
18. Радонеж. — 2006. — № 6.
19. Журнал Московской Патриархии. — 2000. — № 3.
20. Белик А.А. Культурология. Антропологические теории культур. — М.: Изд-во РГГУ, 1998.

21. День знаний Закона Божьего // Коммерсант. — 2006. — 2 сентября. — С. 2.
22. По данным <http://religion.ru>
23. Кошмина И.В. Основы православной культуры : Учебное пособие. — М.: ВЛАДОС, 2001.
24. Интервью митрополита Ташкентского и Среднеазиатского Владимира: “Россия без Православия или мир без России?” // Центр национальной славы России. Электронный портал. <http://www.cnsr.ru/>
25. Ответ Управления образования и науки Белгородской области на обращения по вопросу правового основания введения предмета “Православная культура” // <http://www.rlinfo.ru>
26. Профиль. — 2006. — Сентябрь // <http://www.religare.ru>
27. Заявление родителей учащихся Белянской средней школы Шебекинского района Белгородской области в защиту предмета “Православная культура” // <http://www.rlinfo.ru>
28. <http://www.patriarchia.ru/dlb/print/159693.html>
29. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. — М., 2002.
30. “В Госдуме эту проблемы не обсуждают”. Интервью О.Смолина // Власть. — 2006. — 11 сентября. — С.15–20.
31. Свидетель церковной истории. Интервью Патриарха Московского и всея Руси Алексия II // НГ-Религии. — 2002. — 21 июля.
32. <http://www.ed.gov.ru/min/press/2004/05/prensa/1336/>
33. А.Чубарьян о подготовленном учебнике по истории религий и перспективах преподавания этого курса // НГ-Религии. — 2005. — 21 сентября.
34. По данным Портал–Кредо от 21.08.2006 года.

Наукове видання

**Національно-громадянські ідентичності і толерантність.
Досвід Росії та України у період трансформації
(російською мовою)**

*За редакцією
доктора історичних наук Л.М.Дробіжевої,
доктора філософських наук Є.І.Головахи*

Авторський колектив:

Є.І.Головаха (науковий редактор), Л.М.Дробіжева (науковий редактор),
К.М.Арутюнова, Ю.В.Арутюнян, К.В.Іващенко, І.М.Кузнецов, А.В.Магун,
В.С.Магун, Н.В.Паніна, С.В.Рижова, Л.С.Рязанова, В.В.Серета,
О.Г.Стегній, О.Ю.Щеголькова, О.В.Щедрина

Наукові рецензенти:

*М.О.Шульга, доктор історичних наук
В.П.Степаненко, кандидат філософських наук*

Відповідальна за випуск – *Т.Загороднюк*
Редактор – *В.Гломозда*
Коректор – *Л.Тютюнник*
Оригінал-макет – *М.Роїк*
Обкладинка – *І.Іващенко*

Підписано до друку 17.11.2007 р. Формат 70×100/16 Папір офс. № 1.
Друк офсетний. Гарнітура Petersburg. Ум. друк. арк. 17,2.
Замов. № 1120-07. Наклад 300 прим.

Видруковано з оригінал-макета, виготовленого редакцією часопису
“Соціологія: теорія, методи, маркетинг” Інституту соціології НАНУ.
01021, Київ-21, вул. Шовковична, 12

Надруковано ТОВ “Поліграфічний центр “Фоліант””.
04176, Київ-176, вул. Електриків, 26.

Свідоцтво Держкомінформу України (серія ДК № 149 від 16.08.2000 р.)